

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№1 (660) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красукас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

На 1-й стр. обложки:

Памятник Осипу Мандельштаму в Москве.

Памятник Александру Блоку в селе Тараканово.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА

ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО

заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ

заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ

главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА

заведующая отделом духовного наследия
Марина РЫБАКИНА

заведующая отделом публицистики
Екатерина САЖНЕВА

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора,
административный директор
Александр ТАРАСЕНКО

директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ТЕМЫ НОМЕРА: 1. БРЕД АНГЕЛА 2. КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ**ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2010 ГОД 3****ПРОЗА**

Ильдар АБУЗЯРОВ

МУТАБОР НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН 18

Сергей ФОКИН РАСКАЗ И СКАЗКА 44

Сергей ДАНИЛОВ

ПИЭЛЬ ПОВЕСТЬ 76**ПОЭЗИЯ**

Павел ТЕРЕХОВ 4

Андрей ШАЦКОВ 62

Нина КРАСНОВА

ПЛАЧ ПО АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ В ГОД 77-ЛЕТИЯ ПОЭТА 96**20-Я КОМНАТА / ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ**

Елена КОВЫЛИНА

КАТЯ И ЕЕ КОМАНДА 7

Николай РЯШИН

МОЕ ХОЖДЕНИЕ В «УМНИКИ» 9**РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА**

Игорь МИХАЙЛОВ

БРЕД АНГЕЛА

К 120-летию со дня рождения Осипа МАНДЕЛЬШТАМА 11

Станислав КУНЯЕВ

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ

К 130-летию со дня рождения Александра БЛОКА 15

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ

АМАТА NOVIS 42**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА**

Кристина РОССЕТТИ ПЕРЕВОД ЕВГЕНИЯ НИКИТИНА 43

КАК ЖИТЬ

Станислав ДУГИН

КАК ПРИВИТЬ РЕБЕНКУ ЛЮБОВЬ**К ЧТЕНИЮ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ** 69**ПУТЕШЕСТВИЯ**

Феликс ШВЕДОВСКИЙ

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК ПРОДОЛЖЕНИЕ 72**НАСЛЕДИЕ**

Сергей ЛЕВИЦКИЙ

ЭТИКА СОЛЖЕНИЦЫНА

ПУБЛИКАЦИЯ И ВСТУПЛЕНИЕ ЮРИЯ ЮШКИНА 101

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКТЕКСТ, КНИГА 3 ПРОДОЛЖЕНИЕ 108

КОТОВАСИЯ (ВСЕ ПРО КОТОВ И КОШЕЧЕК)

Ольга ЧЕРЕНЦОВА

ЗВЕРЮГА 116**ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС**

Людмила СТРЖИЖОВСКАЯ (г. Москва) 118

Андрей СКЛЯРОВ (г. Москва) 129

Зулкар ХАСАНОВ (г. Калуга) 130

В КОНЦЕ КОНЦОВ**// ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ //**

Евгений РЫК

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ПЛУТОВСКОЙ РОМАН. ПРОДОЛЖЕНИЕ 139**// ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ //**

Светлана СУПРУНОВА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ 147

// «ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ» //

Галка ГАЛКИНА 150

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек-оркестр 151

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом снабжения

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
по Сибири и Дальнему Востоку

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Светлана КИСЕЛЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Техническая служба

Вячеслав ДРУЖЕЧКОВ

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (495) 251-31-22, 250-83-98

тел./факс: +7 (495) 250-40-74

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.Отпечатано в ООО «Красногорская
типография».143400, Московская обл., Красногорск,
Коммунальный кв., дом 2.

Формат: 60x84/8

Заказ №

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2010 ГОД

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Премия имени Валентина Катаева присуждена:

- Георгию Пряхину за роман «Звезда плакучая» в № 1–6
- Наталье Рубановой за роман(с) «Сперматозоиды» в № 9–12
- Елене Тахо-Годи за рассказ «Вышивка крестом» в № 7–8

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Премия имени Анны Ахматовой присуждена:

- Елене Ивановой-Верховской за подборку стихотворений в № 7–8
- Дмитрию Мизгулину за подборку стихотворений в № 11
- Ольге Рычковой за подборку стихотворений в № 2

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»

Премия имени Бориса Полевого присуждена:

Анне Уфимцевой за материал «Ода неамбициозным» в № 11

НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Премия имени Владимира Лакшина присуждена

Марии Михайловой за материал «Нравственное измерение национальной трагедии» и публикацию неизвестных рассказов Евгения Чирикова в № 10, 11

НОМИНАЦИЯ «САТИРА И ЮМОР»

Премия имени Галки Галкиной присуждена

Рафаэлю Соколовскому за материал «Тот, кому не везло» и публикацию рассказа из наследия «сатириконовца» Аркадия Бухова в № 7–8

Павел ТЕРЕХОВ

Родился в 1989 году в Мценске Орловской области. Не зная детского сада, время до школы проводил во дворе. После поступления в первый класс обособился, создавая узкий мир рисунков, самодельных макетов и формирующихся мыслей. Когда в один из годов обучения непреднамеренно стал отличником, решил удержать случайный успех и начал долгие вечера просиживать за учебниками. Учителя, оценив мои многолетние старания, после выпускных экзаменов дали медаль. Двумя самыми значительными достижениями своей жизни считаю третье место на областной олимпиаде по русскому языку в девятом классе и поступление в Литературный институт имени А. М. Горького. Первое стихотворение написал в четырнадцать лет, когда моя подростковая мечтательность оставила рисунки и макеты и принялась искать словесный способ выражения. Сейчас учусь на четвертом курсе на семинаре Инны Ростовцевой.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ

Поэзия — это сила, преодолевающая видимые покровы мира, чтобы достичь его сокровенного содержания.

Если представить, что есть на свете алфавит, буквы которого соответствуют всем существующим атомам, то порядок, чередование и расположение атомов в материи будут формировать буквы в слова, имеющие положенный состав, закономерную длину и определенные пробелы

между собой. Таким образом, весь мир превратится в единое словесное произведение. Произведение не-сет в себе содержание. Содержанием материи, предстающей сочетанием атомов, должно быть что-то более тонкое, некое духовное начало.

Обычные слова только называют предметы вещественного мира. Слова, соединяющиеся в поэтическую форму, стремятся стать словами из

букв, соответствующих атомам, чтобы, преодолев заурядное обозначение явлений и предметов, имеющих тонкую суть, самим передавать эту суть. Простым словам несвойственно нести духовное содержание — поэзия способна на это и в своем высшем воплощении заключает его в себе.

Павел Терехов

Раскрытие

Вот почка нераскрытого стиха,
Как чёрного квадрата полотно,
Прозрачное в себя и без греха,
Без света, без конца завершено.

И рядом он, одевшийся в закат,
Сквозь раму исчезает за окно
И слышит: листья дуба шелестят.
Мутнея, на скамейке пьет вино.

Забывтый призрак смотрится в глаза,
Но не заметен, словно за спиной,
А он ложится, тишину сказав.

Перевернулся на скамье к стене.
И старый дуб молчаньем надо мной.
Уснуть, и ангел около во сне.

Акварельный квадрат

Профессор, молчащий словами,
Стоит, а стаканчик кофейный
На окне прислоняется к раме
С чёрной сумкой, совсем акварельной.

К этой чёрной дыре наклониться,
Заглянуть и увидеть снаружи
Отраженье на небе птицы,
Что летает по высохшей луже.

Полетает и сядет на ветке
Над асфальтом дороги, где зебру
Имитируют прутья от клетки,
Где пустыня спускается в небо.

Где бензинное море застынет
Перед белыми прутьями клетки,
Что ведут человека пустыни
К согреваемой солнцем скамейке.

Ночь

Разбился шар на капли масла в небе,
Растёкся по квартирам и исчез.
Суставы распрямляет с хрустом мебель,
Снимая бремя солнечных плащей.

На кухню сквозь промасленные рамы
Проникли семь в зелёных пиджаках,
Дугой сошлись у сломанного крана
И собирают дробь воды в стакан.

Они готовят сумрачное зелье,
Размешивая сумраки людей
И тишину, поднявшуюся в землю.

Змея метро, закрыв дневные норы,
По заводской трубе ползёт к звезде
И тащит на хвосте стемневший город.

Я шёл

1. Я шёл к тебе, но ты пришла,
2. Пришла ко мне ты за цветами,
3. Я шёл к тебе и шёл с цветами,
4. Но почему-то ты пришла.
5. Пришла ко мне ты почему-то,
6. И почему-то за цветами,
7. Я почему-то шёл с цветами,
8. С цветами шёл я почему-то
9. И почему-то шёл к тебе.

Потеря

Споткнувшись, уронили веки взгляд,
Упал в реке кругами на воде,
Туда, где черноту не смыть звезде,
Не осветить и бликов не надеть.
И взгляд упал, и утонувшим стал.

Тряслась рука, надежду теребя,
И в темноту ушла, и не нашла,
И непроглядной вышла, словно мгла, —
Над водами речными поднялась,
Став темнотой до глубины себя.

И человек отправился домой
С такой рукой, засунув темноту
В карман. Придя домой, он сел на стул,
Зажёг свечу — огонь его потух.
Лёг человек, закрыв глаза рукой.

Проснулся утром, глухо застонал:
Глаза без взгляда резал светом день.
Закрыв глаза рукой — похолодел.
И утонул кругами на воде.
Кругами плыли солнце и луна.

Елена КОВЫЛИНА, руководитель пресс-службы Московского областного отделения ВДПО

Наши уважаемые либералы с бородками на протяжении десятилетий пытались всем внушить, что героизм — это ужасно, и плоха та страна, где есть место подвигу. Просто с каким-то гайдаровским остервенением изгонялась память о Вале Котике, Марате Казее, Зине Портновой... Уже отправлен в топку истории и Гайдар-старший со всеми Тимурами, Квакиными и командами, кстати, прекрасный писатель. Для кого он творил?

Но время, природа, обстоятельства вносят свои коррективы. Не всё либералам-котам, давящимся украденным у нас с вами, масленица! Как писал в прошлом веке знаменитый автор «Юности» Евгений Евтушенко, «пришли иные времена — возшли иные имена». В веке нынешнем появились и герои. Юные герои.

КАТЯ И ЕЕ КОМАНДА

Самая обычная девочка из 115-й московской школы, приехав к бабушке на каникулы в подмосковный микрорайон Салтыковка, гоняла с соседскими мальчишками на велосипеде, помогала бабушке по огороду, играла в куклы — и вдруг, в одно прекрасное утро, проснулась героем. Катя до сих пор недоумевает: в книжках и в кино герои, по ее представлению, какие-то особенные люди — это разведчики, проникающие в тыл врага во время Великой Отечественной войны, или космонавты, осваивающие бескрайние просторы вселенной, а она маленькая, хрупкая девочка — и вдруг герой.

Но обо всем по порядку. Лето в 2010 году выдалось на редкость знойное. Казалось, накалилось все: земля, воздух. Едкий дым от горящих торфяников окутал Подмоскovie. Августовские сводки новостей рассказывали о сотнях сгоревших лесов и деревень. Подмосковный микрорайон Салтыковка, в котором Екатерина гостила у бабушки, граничит с лесным массивом, и девочка часто слышала от взрослых, что беды не избежать, если загорится лес и огонь перекинется на жилые дома.

Воскресное утро 15 августа не предвещало беды, наоборот, Катерина проснулась с ощущением, что стала совсем взрослой, ведь сегодня ей исполнилось десять лет. Бабушка хлопотала на кухне, готовя всякие вкусности для праздничного стола. Поздравить именинницу заглянули соседские мальчишки Сергей,

Иван, Александр, Максим. Для ребят во дворе накрыли праздничный стол, и детвора расположилась под кронами яблонь на чаепитие. Вдруг ребята заметили, что со стороны леса поднимается черной густой дым, в воздухе стал распространяться запах гари. Дети среагировали мгновенно. С криками «пожар!» они выскочили из-за стола и выбежали за калитку. Оказалось, горело совсем рядом. Катин дом находился на окраине микрорайона, жилые постройки от лесного массива отделяло поле с высоковольными вышками. Как раз на этом самом поле полыхала сухая трава. Огромный участок, метров двести пламени. Огненные искорки стремительно перепрыгивали с одной сухой травинки на другую, безжалостно пожирая их и все ближе и ближе подбираясь к домам и лесу. Всего несколько метров отделяли пламя от трансформаторной подстанции. Если огонь перекинется на нее, последствия могут быть ужасающими. Медлить нельзя ни минуты.

Максим, как самый старший из ребят — ему недавно исполнилось 18 лет, — принял единственно верное в этой ситуации решение — вместе с Александром «взять огонь на себя». Недалеко располагались контейнеры для строительных отходов, там они раздобыли куски фанеры и стали сбивать пламя, а младшие — Катя, Иван и Сергей — выдергивали еще не объятую пламенем сухую траву и пытались соорудить из песка некий заслон для разбушевав-

шейся огненной стихии. Буквально минут через пять на помощь подросли взрослые. Все от мала до велика, вооружившись лопатами и ветками, стали отвоевывать у огня сельское поле. Максим, Катя, Иван, Сергей и Александр не покинули поле боя и помогли взрослым — носили из дома ведра с водой.

Сейчас ребята уже спокойно рассказывают о событиях того дня, а тогда, конечно, было страшно. Борьба с огненной стихией продолжалась около часа. Огонь отступил, оставив после себя пепелище — как знак чьей-то безалаберности и беспечности. Пожары, как отмечают местные жители, на этом поле, да и в близлежащем лесопарке, происходят довольно часто. Всему виной нерадивые отдыхающие, бросающие непотушенные окурки и оставляющие после себя тлеющие костры.

Замечу, что ребята в роли добровольных пожарных выступают не впервые: в прошлом году они сами, без помощи взрослых, затушили лесную полянку, вспыхнувшую вокруг непотушенного тури-

стами костра. Но тогда размеры стихии были менее масштабны.

Вот так закончился Катюшин день рождения, но зато теперь она действительно стала взрослой — вместе с друзьями помогла спасти родной микрорайон и лес от пожара.

15 сентября в Балашихинском районном отделении Общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество» юных героев — Екатерину Прокопович, ученицу школы № 115 г. Москвы; Сергея Веденского, учащегося гимназии № 14 мкрн. Салтыковка; Ивана Пасечника, учащегося гимназии № 14 мкрн. Салтыковка; Александра Пронина, учащегося Железнодорожного училища; Максима Белозерова, учащегося Железнодорожного техникума, — торжественно наградили медалями ВДПО «За содействие в борьбе с пожаром».

Юные спасатели с родителями и наставниками

Николай РЯШИН, 17 лет

Сегодняшнее заседание «20-й комнаты» должно привлечь старшеклассников. Ученик одной из московских школ пытается разгадать загадку влияния телевидения на нашу жизнь. Часто попадание «по ту сторону экрана» запоминается надолго и даже помогает выбрать профессию. Хотя телевизор — не лучшее место применения способностей и талантов, с какой стороны к нему ни подходи. Телебутафория губит человека! Закрывает от него тайны и краски мира подлинного. Люди с телеэкрана не просто нас оболванивают, подчиняют своей воле — они несут нам беду! Зло входит в твой дом сразу же, как только зажигается окошко голубого экрана. Не зря Владимир Высоцкий когда-то назвал свою песню «Жертва телевидения»... Все мы — жертвы! Согласны? Нет? Ждем ваших откликов.

МОЕ ХОЖДЕНИЕ В «УМНИКИ»

В последние годы все чаще можно услышать перефразированную древнюю мысль: «Скажи мне, что ты смотришь, и я скажу, кто ты». Честно говоря, если бы кто-нибудь спросил меня года три назад о моих предпочтениях в области телевидения, то могло бы создаться впечатление, что я очень несерьезный человек. Но ведь людям свойственно меняться. Читая книгу, мы с каждым следующим прочтением открываем для себя какую-то новую деталь, которую раньше просто не замечали. Так, например, перечитывая «Евгения Онегина» в разном возрасте, концентрируешься на различных вещах. Когда ты совсем еще мальчишка, то тебе интересна дуэль Онегина и Ленского, впоследствии, повзрослев, обращаешь внимание на развитие отношений Татьяны и Онегина, а в зрелом возрасте, наверное, люди восхищаются преданностью Татьяны своему мужу («Но я другому отдана и буду век ему верна»).

То же самое происходит с телевидением. До сих пор помню, как мы с друзьями, приходя в школу в шестом классе, смеялись над шутками Comedy Club, пели пародии на песни известных исполнителей, рассказывали друг другу переделанные стихотворения. Больше всех понравилось переделанное стихотворение Тютчева, оно показалась нам наиболее прикольным:

Умом Россию не понять, пока не выпито 0,5,
А если выпито 0,5 —
Все делом кажется не хитрым.
Попытка глубже понимать уже пахнет литром!

После просмотра телесериала «Универ» мы использовали некоторые приколы для того, чтобы подшучивать над одноклассниками. Назову один из них, по-моему, самый яркий:

- Ты отнес мой телефон в ремонт?
- Нет.
- Почему? Я же сказала, что он не работает!
- Если он не работает в твоих руках, это не значит, что он не работает вообще!

Кроме того, вспоминается, как мы со школьными товарищами наблюдали за жизнью Гены Букина из телесериала «Счастливы вместе», находя шутки, произнесенные им, забавными. Видя чей-то прокол у доски, мы намекали этому человеку, что он похож на Свету из сериала по своему развитию:

- Ты выключила электричество?
- Конечно!
- Через минуту раздается вопль.
- Сколько букв в слове «ВЫКЛ»?!
- Ну как сколько... Три, конечно! «Вы», «К», «Л».

Конечно, эти шутки уже не вызывают у меня восторга, как бывало раньше, а юмор кажется при-

митивным. Однако такие передачи для молодежи пользуются успехом у школьников. И создается впечатление, что работа на телевидении — это сплошной праздник, а готовить программы и участвовать в них легко и весело.

Такое мнение было и у меня, пока я не решил принять участие в передаче «Умницы и умники», где на собственном опыте ощутил все прелести работы участников телевизионных программ. Все началось с обыденной переписки. Отвечая на вопросы автора и ведущего этой передачи Юрия Павловича Вяземского, я с призрачной надеждой ожидал звонка. И, наконец, свершилось! Меня пригласили в Останкино.

Благодаря этой программе я в полной мере смог окунуться в кухню нашего телевидения. Трудно описать те несколько дней и ночей, которые мне пришлось пережить.

Съемки проходили по восемь часов каждый день. Усталость накатывала только в метро, ведь на территории телецентра все были сосредоточены и сконцентрированы на разыгрывающихся темах.

В первой игре, посвященной Организации Объединенных Наций, мне не очень повезло. К сожалению, я не смог унести с собой ни ордена, ни медали.

На другой день, следуя традиции, я, подобно другим участникам, оставил мелочь на подоконнике в туалете. По удачному совпадению в следующем раунде, посвященном истории Франции, я завоевал медаль. Не знаю, как на обед в кафе, но на кофе с пончиками уборщица, которая наверняка подумала, что не перевелись еще простодушные буратины, в тот день точно хватило. При игре в других раундах оставленная мелочь не помогала, и я, разочаровавшись, перестал оставлять монеты в туалете. И — о чудо! Я вновь получил медаль, которую обменял на орден. И вдруг у меня появилась крамольная мысль: «Не ввести ли новую традицию: для достижения удачи отказаться от любых примет?»

Саму игру я бы сравнил с программой «Что? Где? Когда?». Только там знатокам дают минуту на размышление, а нам в течение нескольких секунд надо было вспомнить ответ и поднять руку. И было очень обидно, когда ты знаешь верный вариант, но не успеваешь первым подать сигнал.

Зато запомнился ряд ярких моментов, которые способствовали разрядке атмосферы. На мой взгляд, самый интересный вопрос был задан во второй день. Мы разговаривали о королях Франции и

кардиналах, как вдруг Юрий Павлович говорит, что очередная тема нашей игры — «Дамы Франции». На многих лицах участников проскользнула тень удивления. Что касается вопроса, то он звучал примерно так: «У Ришелье имелись три фаворитки, но, пожалуйста, — говорит Вяземский, — оправдайте кардинала». Ответ одного участника был неожиданным: «Может, кардинал Ришелье не был женат и потому был так любвеобилен». А фаворитками на самом деле оказались его кошки. Взрыв смеха разрядил обстановку. Подобные, казалось бы, мелкие детали помогали немного расслабиться.

Кроме вопросов запомнились и гости программы: министр иностранных дел, востоковед, французский генерал, уполномоченный по правам ребенка, депутат Государственной Думы и народный артист. Конечно, каждый из них оказывал определенное влияние на игровой процесс. Но присутствие таких гостей добавляло и тревогу, так как никто не хотел опозориться перед столь известными людьми.

Помимо судей, мы видели достаточное количество звезд в здании телецентра. Когда по коридору мимо участников проходила Тина Канделаки, нам вспомнилась программа «Самый умный», и мы выразили сожаление, что соревнуемся между собой, а не с шестиклассниками и восьмиклассниками. Естественно, многие побежали за ручками с блокнотами, чтобы взять автограф. Один из умников сказал на этот счет, указывая на висевшие у него на шее четыре ордена, следующую фразу: «Если вы у всех звезд автографы берете, может, и меня попросите расписаться?» Все весело рассмеялись этой неприятеляльной шутке.

Интересные факты, изученные нами за долгое время подготовки, сам игровой процесс, новые знакомства, теплая и дружеская атмосфера — все это навсегда запечатлелось в нашей памяти. В эти дни съемки завершились. Одним из главных жизненных уроков, полученных в результате участия в викторине, явилось понимание того, что кажущаяся зрителям легкость и веселость игровых, развлекательных программ скрывает тяжкий, наполненный волнениями труд многих людей: авторов, редакторов, ведущих, операторов, судей и самих участников. Конечно, волнение и усталость стали уже забываться, но чувство праздника интеллекта и пиршества ума до сих пор присутствует в сознании каждого!

г. Москва, школа № 1173, 11 «Б» класс

Игорь МИХАЙЛОВ

С каждым новым годом на журнал обрушивается поток — круглых и не очень — литературных дат. Но превращаться в «датское» издание не хотелось бы. Тем более что писательская жизнь не серая страница в календаре — вырвал и выбросил! Поэты, прозаики, критики, литературоведы... Наши мука, свет и дыхание.

Когда в редакцию попадает материал о неожиданностях в судьбе ли, в текстах ли подлинного и самобытного художника, властителя дум — совсем не обязательно привязывать его к годам рождения или смерти. Когда совпадает — прекрасно, нет — тоже хорошо. Важны открытие, особый взгляд, новый поворот, интерпретация...

С юбилеем (120 лет со дня рождения) Осипа Мандельштама совпал материал Игоря Михайлова. И в этот же номер подспела работа Станислава Куняева об Александре Блоке (в прошлом году исполнилось 130 лет со дня рождения), тут же замечательное исследование Сергея Левицкого об Александре Солженицыне (в 2008 году исполнилось 90 лет со дня рождения)...

Откроем секрет: в редакционном портфеле ждут своего часа размышления о Сергее Есенине (в прошлом году исполнилось 115 лет со дня рождения), о Владимире Набокове (в 2009 году исполнилось 110 лет со дня рождения), об Иване Лукаше (в следующем году исполнится 120 лет со дня рождения), о... Но не все сразу. Оставайтесь с «Юностью» — и вы обо всем узнаете первыми! Ведь литература — это и есть настоящая жизнь. Не правда ли?

БРЕД АНГЕЛА

К 120-летию со дня рождения Осипа Мандельштама

Нет на свете существа более нелепого и никчемного в житейском смысле, чем поэт. Еще Пушкин в свое время не без горечи заметил: «И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он».

Жизнь Мандельштама словно нарочно своими нелепостями и несообразностями вытеснила его «щуплую» фигурку «с тощей шеей, с непомерно большой головой» из обывательской среды в сферу поэзии и стихию слова.

Жена поэта, Надежда Яковлевна Мандельштам, во «Второй книге» вспоминала: «Мальчиком Мандельштам сказал неуклюжие и странные слова: “Если в этой жизни смысла нет, говорить о жизни нам не след...”»

Видимо, смысл жизни разошелся с Мандельштамом еще в раннем детстве, куда пробивался «иудейский хаос... угрозой разрушения». Или Мандельштам развел смысл и жизнь по разным углам сам, позднее. Отец и мать, дедушка и бабушка, живущие в Риге, многочисленные родственники, «бородатые и длиннополье люди, талмудические философы, продавцы вразнос собственных печатных изречений и афоризмов» погружены позднее им в книгу воспоминаний «Шум времени» в четырехстраничный мрак главы — «Хаос иудейский». Автора этой главы вполне можно было бы уличить в черносотенстве («грязная еврейская клоака»), если бы им не был сам Мандельштам.

Будущий поэт, а тогда учащийся Тенишевского коммерческого училища, из «иудейского хаоса» бежал в «ребяческий империализм» стройного миража Санкт-Петербурга, под «блистательный покров, накинутый над бездной». Бежал, чтобы для начала причаститься марксизма с гремучей примесью народничества и символизма, а потом креститься в лютеранской церкви.

Впрочем, Мандельштам, конечно же, лукавил. Пряный, терпкий и тревожный аромат его еврейского темперамента, впитанный византийской строгостью, стройностью и призрачностью русского языка, обратил империю слова в хаос, сломав ему хребет. Но таков был «шум времени». А Мандельштам только подслушал его: «Сквозь тройные цепи шел петербуржец лихорадочной мелкой плотвой в мраморную прорубь вестибюля, исчезая в горящий ледяной дом, оснащенный шелком и бархатом».

Это шум людского потока идущей на концерт Гофмана и Кубелика публики. Пожалуй, единственное лишнее слово в этом маленьком образно-вещественном шедевре, шуршащее бессмысленно по тараканьи усами, — «оснащенный».

Но Мандельштам не был бы Мандельштамом, если бы изредка гениально не привирал (в одном из значений этого слова, которое вкладывал в него еще Даль: «врун — говорун, рассказчик...»). Чтобы в этом хаосе звуков, обрушившихся на него уже в юном возрасте, уловить подлинную музыку слова, жертвуя правдой во имя гармонии. Недаром Марина Цветаева в одном из стихотворений, посвященных Мандельштаму, напишет: «Затем, что ты гордец и враль...» А «Шум времени» она назовет в одной приватной переписке «подлой книгой».

Ведь как обычно случается в поэзии? «Лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» — и поэт с легкостью Творца меняет пол животного на противоположный: «Не велеть ли в санки / Кобылку бурую запречь?» — «Предадимся бегу / Нетерпеливого коня».

Это — Пушкин.

А вот это уже Лермонтов: «И Терек прыгает, как львица, с мохнатой гривой на хребте».

Природа поэзии вообще и русской в частности иррациональна. Хотя, конечно, грива у львицы от этого истолкования вряд ли вырастет. Но она здесь не менее уместна, чем Емеля на печке или говорящая щука в русской сказке. Устами поэта глаголет иной раз детская наивность, граничащая с верой в чудо. И в этом отношении Мандельштам на дружеской ноге с Пушкиным и Лермонтовым неслучайно. Однако Цветаеву это обстоятельство весьма расстраивало. И в своем раздраженном эссе «Мой ответ Осипу Мандельштаму» она, цитируя Мандельшта-

ма, писала: «Она лежит себе на солнышке Эпира, / Тихонько грея золотой живот».

Черепаша, лежащая на спине! Вы их никогда не видели. А в прекрасном стихе о Диккенсе, который у всех на устах, — помните?

Я помню Оливера Твиста
Над кипую конторских книг.

Это Оливер Твист-то, возвращенный в притоне воров! Вы его никогда не читали».

Марина Ивановна не могла простить своему современнику то, чем грешен был его предшественник. Хотя и того и другого гения она боготворила.

Соотношение правды — лжи, подлинности — эфемерности в поэзии, как и сами эти понятия, всегда условно. Вот как переживал эти ощущения сам Мандельштам в своей книге «Камень»:

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

Настоящий Мандельштам был в высшей степени нелеп, а потому до удивления правдоподобен. По воспоминаниям Ирины Одоевцевой, из Крыма поздней осенью 1920 года в Петербург он возвращается с удостоверением личности, «выданным Феодосийским полицейским управлением при Врангеле на имя сына петроградского фабриканта Осипа Мандельштама, освобожденного по состоянию здоровья от призыва в белую армию».

Та же Одоевцева позднее становится жертвой «обжорства» Мандельштама, который, съев свою порцию каши в Доме литераторов, освободил заодно и юную поэтессу от суточного пайка:

— Где моя каша? Где?

— Я же вам объясняю, что я съел ее. Понимаете, съел. Умял. Слопал.

Еще раз вернемся к самоощущению поэта:

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик, —
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.

И жизнь заворуженно идет по его стопам, подтверждая справедливость самооценки. Книга воспоминаний Мандельштама о годах его ученичества и современниках — «Шум времени» выходит в апреле 1925 года в издательстве «Время». Окружающих это комическое обстоятельство уже не забавляет. Мандельштам же не может скрыть досады.

Впрочем, может быть, это своеобразная месть тому, кто не может отказать себе в удовольствии передернуть факты во имя красного словца?

Так, к младшей дочери своего любимого учителя Бориса Наумовича Синани — Лене — Мандельштам в «Шуме времени» трижды примеряет горб. Хотя по воспоминаниям современников она просто была низкорослой, но горбуньей — никогда!

Попробуем объяснить поведение Мандельштама.

Первое. Литература, по Мандельштаму, зверь. И «нельзя зверю стыдиться пушной своей шкуры».

Второе. Просто перебирая слова, как вещи, овецивая, опредмечивая окружающий хаос, трудно не попробовать стать вровень с Творцом. И не быть за это наказанным провалами в памяти. А заодно и во вдохновении, питающемся сором окружающей действительности. У Мандельштама немало зыбкого и случайного в его стихах. То, что называют набором слов. «По принципу нелепости, неловкости от Вас мало что останется», — писала Цветаева Мандельштаму.

Третье. Согласно Сергею Аверинцеву, «в основе как литературного, так и внелитературного поведения Мандельштама — глубокая боязнь тавтологии в самом широком смысле слова, боязнь мертвой точки, непродуктивной статичности, “когда разряд равен заводу”. Все что угодно, только не мертвая точка».

Четвертое. Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминала, что Мандельштам в детстве, заигравшись, «разломал фонарик и поразился, как выглядит

мир сквозь цветные — красное, синее, желтое — стеклышки». В основе неточностей, нелепостей, случайностей в поступках, стихах и прозе Мандельштама — наивное детское мировосприятие. Когда представление об окружающих предметах, цвете, вкусе и запахе складывается из соприкосновения с ними — на ощупь. На излом. Это потом он придет к Шопенгауэру с его катехизисом русской литературы начала века — «Мир как воля и представление».

Все эти версии применительно к Мандельштаму могут быть насколько же верны, настолько же и неправдоподобны. Поскольку объяснять поэзию и поступки поэта — дело неблагодарное. Или, как пишет все тот же Аверинцев, «Мандельштама так заманчиво понимать — и так трудно толковать».

К примеру, Георгий Адамович сравнивает поэзию Мандельштама с бредом: «Стихи Мандельштама — наперекор всем его суждениям об искусстве — всего только бред. Но в этом бреде яснее, чем где бы то ни было, слышатся еще отзвуки песни ангела, летевшего “по небу полуночи”».

В начале 30-х ангел, или, по выражению Цветаевой, «лебеденок», спускается с небес на землю. Наивность Мандельштама уступает место знанию. Предмет жизни им изучен досконально:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Время с узким волчьим профилем и злыми глазами заглянуло в зрачки этому нелепому человеку с более чем сомнительной внешностью.

Мандельштам на фотографиях 30-х напоминает старика, хотя ему всего сорок лет. Двух столетий позвонки ему предстоит склеить, по-видимому, своей кровью. Настает его пора отвечать за свои слова, как и написано на роду русскому поэту. И этот хрупкий «человек эпохи Москвошвея» в топорщащемся пиджаке, словно пушкинский Евгений из «Медного всадника», пригрозивший бронзовому истукану «ужо тебе!», «негодует и “нет” говорит».

В 33-м году в ответ на появление «Путешествия в Армению» в журнале «Звезда» в «Правде» выходит разгромная рецензия. Мандельштам принимает вызов:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины, Кубани...
Как в тупляках войлочных голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...

13 мая 1934 году Мандельштама арестовывают и ссылают в Чердынь.

Говорят, Сталин захотел приручить поэта. Или помучить, чтобы сломить его волю. Ему это отчасти удалось. Поскольку силы были слишком не равны. Мандельштам, по воспоминаниям Эммы Герштейн, «был в состоянии оцепенения, у него были стеклянные глаза». В Чердыни Мандельштам выбрасывается из окна. Он обречен.

В 37-м его возвращают из ссылки. Но дышать ему уже нечем. Нет денег, жить негде. Второго мая — повторный арест. Последние строки Мандельштама из транзитного лагеря под Владивостоком: «Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл...»

Последние строки зеркально отразились в первых детских поэтических опытах: «есть ли смысл» — «если смысла в этой жизни нет». Так и не обретя в ней смысл, Осип Эмильевич Мандельштам ушел из этой нелепой жизни. Человек был сломлен, поэт ушел в вечность, чтобы оттуда продолжить ряд нелепостей и случайностей.

Но посмертная судьба поэта неотделима от его поэзии и жизни, поэзии жизни.

Чудом сохраненные его женой стихи будут опубликованы только спустя пятьдесят лет после его смерти. В глухие годы застоя в издательстве «Советский писатель» в большой серии «Библиотеки поэта» появится небольшая подборка его стихов тиражом 10 000 экземпляров. Тираж по тем временам — никакой. Автор предисловия перепутает дату рождения Мандельштама и, естественно, не укажет причину его смерти. Ее словно не существует для Мандельштама.

В 1990 году в издательстве «Московский рабочий» увидят свет воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам — «Вторая книга». Мне в магазине попался перевернутый с ног на голову экземпляр этой книги. Она начиналась с содержания, с 557-й страницы, а заканчивалась третьей. Словно еврейская кровь русского поэта и тут подыграла издателю, а тот в свою очередь — читателю, предложив штудировать книгу о нем справа — налево...

Есть в Москве, любовь к которой поэту, как считает Надежда Яковлевна Мандельштам, привила Цветаева, одно поэтическое местечко, названное его именем. Это парк имени Мандельштама возле метро «Фрунзенская». Да только имени не поэта, а какого-то не то врача, не то революционера. Мы в середине 80-х, будучи студентами филфака МГПИ имени тогда еще Ленина, всегда считали, что этот парк должен носить имя Осипа Эмильевича Мандельштама.

Мне кажется, что поэт в нашей благодарной памяти о нем заслужил хотя бы парка. Тем более и переименовывать-то его не надо!

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чортова —
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, вернее, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама...

Апрель 1935 г.

В конце осени 2010 года, принимая очередную дату рождения великого поэта, читатели как-то совсем не юбилейно грустили. Тайна сверхизученной поэмы «Двенадцать» не разгадана до сих пор. Ведь именно завершив это свое творение, Блок записывает: «Сегодня я гений...» Заметьте — сегодня, в данный момент. Гениальность — лишь состояние, которое и губит художника. Погубило и Александра Александровича в 1921-м...

Только ленивый не знал в двадцатом веке поощряемых властью строк: «И вечный бой! Покой нам только снится». Но редко кто доводил цитату до странного многоточия «сквозь кровь и пыль...». Потому что пафос сразу же исчезал.

Поэты последней трети века двадцатого попытались подчистить блоковские захватывающие грандиозные смыслы. Бродский сразу присвоил и переименовал: «И вечный бой. / Покой нам только снится. / И пусть ничто / не потревожит сны». (Так вот для чего служит центонная поэзия — наберите в Интернете «И вечный бой. Покой нам только снится», о, сколько Бродского на месте Блока вам откроется «сквозь кровь и пыль».) А концовка в стихах Бродского «Что из того, / что мы не победили, / что из того, / что не вернулись мы?..» зовет за собой и Левитанского: «Ну что с того, что я там был? / Я был давно, я всё забыл».

А вот смыслы Александра Блока забыть невозможно — они вне памяти, они часть земли нашей, пути нашего, души... Они из древней песни народной, в которой герой женится не на милой невесте, а... на сырой земле, то есть гибнет в бою. Отсюда блоковское неповторимое: «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!»

Александр Блок — поэт неудобный. И сегодня слишком мешающий обществу потребления. О каком времени это писано: «А вон и долгополый — / Сторонкой — за сугроб... / Что нынче невеселый, / Товарищ поп? / Помнишь, как бывало / Брюхом шел вперед, / И крестом сияло / Брюхо на народ?..» Поэтому и 130-летие Александра Александровича прошло тихо-тихо (то ли дело наши нобелевские лауреаты!).

Но разве дело в юбилеях! Предлагаем вам, дорогие читатели, работу известного поэта, литературоведа, главного редактора журнала «Наш современник», давнего автора «Юности» Станислава Куняева, подготовленную в связи с блоковской темой. Но ведь это и о дне сегодняшнем, о нас с вами.

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ

К 130-летию со дня рождения Александра Блока

Ровно сто лет тому назад, осенью 1910 года, Александр Блок написал стихотворение «Комета».

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шёлком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стёкла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звёзд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грёз:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полёт — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смыкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

В ту дальнюю осень весь мир с ужасом и восторгом следил за ее орбитой. Астрономы, поэты, политики, прорицатели, журналисты, чревоушители гадали — столкнется комета с Землей или нет, и если близок космический апокалипсис, то в ожидании последних времен — не лучше ли, как говорят сегодня, «оторваться по полной» и, хлопнув дверью на всю вселенную, поставить жирную точку в конце земной истории?

Так называемый цивилизованный мир в начале XX века делал первые шаги в глобальное общество потребления. Девиз «хлеба и зрелищ» витал над Европой, высосавшей столько жизненных соков из

колоний, что она уверовала в свое материалистическое могущество, подкрепленное небывалым количеством научных открытий, уверовала настолько, что бросила вызов не просто комете Галлея, но судьбе, Творцу и всем заповедям всех великих мировых религий.

В греховной гордыне обезумевший от своей мощи продвинутый мир в тот исторический момент напоминал человечеству картины жизни перед Всемирным потопом, или в дни возведения Вавилонской башни, или в момент расцвета Содома и Гоморры. Чувство этого греховного самодовольства осенью 1910 года захлестнуло душу гениального декадента Александра Блока, влюбленного в темное заклинание из «Пира во время чумы»:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.

Он забывал, что слова эти принадлежат не Пушкину, а существу с нечеловеческим именем Вальсингам.

Его «гибельный восторг» был настолько велик, что в коротком и блистательном стихотворении, в четырех строфах он поставил аж восемь восклицательных знаков!

Соблазненный фаустовским пафосом, помноженным на деяния действительно могущественного рода людского, поэт впал в соблазн, и поэтому его стихотворение зазвучало как вызов Высшей Воле и как гимн человеческому беспределу.

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда! —

восклицал он и отвечал на вызов небес с мефистофельской надменностью: «Но наши девы по атласам выводят шелком миру: да!», а наши поезда «будят ночь» «стальным и ровным гласом», а наши великие мировые столицы «Берлин, и Лондон, и Париж» танцуют «матчиш» и канкан и плевали они на угрозы свыше, и «стада стальных стрекоз» взлетают «в твое бесчеловечное небо» через «Симплон, моря,

пустыни». А человечество настолько богоподобно, что изобрело какой-то «бензол», который «приносит исцеление» от всех болезней.

В гробу, мол, мы видели все твои грозные небесные знамения. Мы «герои», поэты, сверхчеловеки. И нам не страшна гибель, «пока безумствует» наша Люциферова мечта, презирающая твои небесные знамения... Наш мир, «раскинувший павлиний хвост», вечен! Впрочем, все эти чувства естественно возникали на фоне мощнейших политических доктрин эпохи — от Коммунистического манифеста до «Протоколов сионских мудрецов», от первых резолюций сионистских конгрессов до первых зачатков расовой мифологии, от ницшеанского вопля «Бог умер!..», отозвавшегося эхом в горьковском афоризме «Человек — это звучит гордо!»...

И вот прошло сто лет. Вместо «матчиша» чувствами завладел рок-н-ролл, вместо универсального исцеляющего все болезни «бензола» мы рекламируем стволовые клетки, обещающие нам бессмертие. «Наши поезда» типа «Сапсан» окончательно опутали земной шар стальной паутиной, а о «стадах стальных стрекоз», гудящих в обезбоженном небе, и говорить нечего. «Буйство грез» продолжается. И хотя взамен кометы Галлея, промахнувшейся тогда мимо Земли, сдвигается земная кора в Индийском и Атлантическом океанах, вскипают нефтяные фонтаны в Мексиканском заливе, на глазах теряет свою животворную силу Гольфстрим, небывалые пожары, наводнения то там, то здесь предупреждают человечество: «Остановись!» Но все равно «мечта безумствует», «буйство грез» не унимается, «павлиний хвост» — распущен по всем параллелям и меридианам, рекламы всего мира — а не только «Парижа, Берлина и Лондона» — сделали смешной лермонтовскую строчку «спит земля в сиянье голубом», а чрева стальных стрекоз переполнены «героями» в лице миллионеров и миллиардеров, не страшщихся ни Бога, ни черта, под «Симпльоном» прорыт новый туннель для облегчения всемирного шопинга, в глубинах Альпийских гор проложен коллаيدر, похожий то ли на громадную гусеницу,

то ли на библейского ветхозаветного змея, а наши девы в Куршевеле, на Лазурном берегу и на Канарах, уже ничего не вышивая шелком, а танцую на столах, кричат миру «да!».

Но великий поэт тем и велик, что рано или поздно для него все темное, страстное и загадочное становится истинным и явным, потому что после великих заблуждений к нему приходят не менее великое прозрение и раскаяние...

Буквально через месяц после стихов о комете, в которых поэт отдал дань князю мира сего, опомнившись, он пишет о бездушной «стальной стрекозе»:

В неуверенном зыбком полёте
Ты над бездной взвился и повис,
Что-то древнее есть в повороте
Мёртвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О стальная, бесстрашная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под лёгкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

А еще через два года, узнав о гибели символа всей этой цивилизации, величественного «Титаника», он напишет в дневнике слова, полные страшного и почти бесчеловечного прозрения: «Слава Богу, есть еще океан...» И никаких восклицательных знаков.

А еще через два года после плясок под матчиш для всего мира, раскинувшего «павлиний хвост», наступило кровавое похмелье — началась мировая война за передел мира, о которой Блок уже написал с печальной трезвостью и без единого восклицательного знака:

Петроградское небо мутилось дождём,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

Безумство мечты и буйство грез о жизни как о вечном празднике закончились.

Роман-заговор

Даже после неоднократного прочтения нового романа Ильдара Абузярова «Мутабор» мне не удастся дать однозначный ответ, как будет вернее по смыслу: заговор, т. е. книга эта **про революцию** (одну из тех цветных, которую наша родина пережила чуть ли не первой), или заговор — а значит, читать вам **о любви**, о наивности и коварстве, о верности и предательстве. Интересно, получится ли у вас, уважаемый читатель, ответить однозначно...

Но ведь не затем я пишу предисловие, чтобы рассказать о тех трудностях, которые ждут вас при чтении. Наоборот, надо не только быть честным, но и постараться увлечь вас вслед за собой.

Вперед! В Северную Пальмиру — город трех революций, достопочтенный Питер-град.

А так как читатель любит контрасты, то в скором времени как на ковре-самолете переместится на жаркий юг. Одна из стран которого — родина главного героя. Но это только место действия. В чем же суть? В затруднительной ситуации, в которой окажется герой — почти как в сказке Гауфа про неизлечимое, неиссякаемое век от века людское любопытство...

Разве можно отучить нас подбирать на улице как бы случайно, искусительно потерянные Судьбой вещи или покупать бессмысленные миленькие безделушки в бутиках из-за кажущихся сумасшедшими скидок?

Кто из нас не притворялся равнодушным в адрес влюбленных в нас подруг или друзей (в зависимости от нашего/вашего пола)? А кто не мечтал в юности покататься на дорогом спортивном авто или пожить безнаказанно, т. е. бесплатно, под чужим именем и за чужой безразмерный банковский счет? А уж путешествовать по странам и континентам сегодня не позволяет себе (хотя бы в инете) лишь очень занятой человек.

Все это встретится вам на страницах романа Абузярова, человека и автора очень даже необычного в наши дни. Поэтому одни из первых слов романа «Мутабор» выворачивают привычное сочетание смысла наизнанку: *«Умирающий от безответной любви тоже шахид...»*

Автор смел — он берется говорить на официально запрещенные темы.

Ильдар и его герои молоды, открытвенны и дерзки — вот и за последний роман «ХУШ» некоторые критики призывали судить и автора, и издателей.

Абузяров, на мой взгляд, — один из самых жизнерадостных и жизнеутверждающих писателей современности, несмотря на драматизм действия и частый трагический исход в его текстах. Вглядитесь в его лицо на фотографии: вам захочется подружиться с таким умным и добрым парнем.

У этого везунчика (именно таким и должен быть талантливый человек) в 2009 году в одном из крупнейших издательств вышли сразу две книги (правда, книгу рассказов «Курбан-роман» он ждал почти пять лет), тексты из них начали переводить на несколько европейских языков. При этом я уверен, что читаются они лучше всего по-русски.

Но ему очень непросто не только в жизни, но и в писательской среде (а иначе и не должно быть у таланта, смеющегося быть честным). Он — молодой мусульманин. А под яростной бомбежкой-внушением

СМИ сегодня это так же страшно звучит, как «террорист» или «русский» (но без привычных извращенческих «новый», «секс» и т. д.). Помню, при нашем знакомстве в гостиничном номере города Йошкар-Олы, увидев, как я достаю из чемодана молитвослов и иконку, он произнес: «Мне бы не хотелось доставить вам неудобство. Я вижу, вы верующий. Будет ли вам уютно в одном номере с мусульманином?» Именно эта честность и покорила меня сразу и безоговорочно.

Ильдар — одновременно внутри литературного процесса и премиальной тусовки, побывал в лонг-листах всех денежных, раскрученных крутыми номенклатурными ребятами премий и не получил ни одной за свой нонконформизм. Хотя его книги читаны-перечитаны сопротивниками по премиальному процессу вдоль и поперек, известно достоверно.

Абузяров и сказочник, и мифотворец, и мистификатор. Стилизуя свои тексты под манеру классиков мировой литературы, он создает полную иллюзию «их авторства», при этом наполняя повествование неожиданным, а часто неуместным в их книгах вечно нашим, запоминающимся и узнаваемым с лету родным сюжетом.

И в заключение, пожалуй, важное и приятное для меня: мы — земляки. Мы — нижегородцы.

Наша земля мир не только Минина и Горького, но и залюбленного публикой до рвотного рефлекса Захара Прилепина, широко печатающегося, но почти не знакомого публике романиста Михаила Крупина, нехилого писателя и сотрудника журнала «Наш современник» Евгения Шишкина, превосходной поэтессы и автора мистической прозы Елены Крюковой, полифоничного поэта и прозаика Евгения Эрастова, философа-поэта Марины Котовой, страстно публицистичного прозаика и редактора журнала «Вертикаль» Валерия Сдобнякова...

Нижегородчина — мир излучины Оки и Волги. Их общее течение столь же безбрежно, как Млечный Путь. А зимой эта впадающая друг в друга бесконечность особенно явственно представляется проистекающей заедино из общего родника, в котором отражается жажда

Конфликтология

Писательство — это одновременно и тяжелый труд, и радость творчества, это истощение и спасение души, это большая ответственность и безбашенная инфантильность, это полная самоотдача и непомерный эгоцентризм, это сумасшедшая эмпатия и всеобъемлющий нарциссизм, это божественная искра и графоманский труд.

Проблема в том, что, когда ты начинаешь писать, ты обо всем этом еще не догадываешься. Первые строки даются легко и не несут на себе никакой нагрузки, историю можно оборвать на полуслове, а героев вывести в любую сторону, не работая над материалом. Собственно, это и есть привилегия молодости — думать, что все в жизни дается легко и просто, что в любую минуту еще не поздно стать кем угодно, а делать можно что вздумается.

Свой первый рассказ я написал в 98-м году, возвращаясь с вечеринки, что проходила на квартире моих друзей. Тот вечер мне показался таким ярким, суждения и шутки друзей настолько остроумными, что мне было бы очень жаль, если бы они канули в прорву маленьких историй нашей жизни.

А еще было жаль, что чудесный вечер был так быстротечен. Помню, шел дождь, а мне хотелось, чтобы наши посиделки остались в веч-

одинокое волчьего ока. Отсюда, из нескучных предвечных небес, черпает полной пригоршней свои сюжеты Ильдара Абузьяров. Наверное, на этих берегах услышав, прошептал он, вслед за героями Гауфа, волшебное слово, превращающее людей в животных, а если приглядеться, то чаще

ности, не смываемые серым, унылым дождем.

Видимо, сработал инстинкт сохранения и передачи опыта. Я пришел и записал пару страничек. Затем этот ни к чему не обязывающий опус показал другу Дмитрию. А он взял и отправил его в толстый журнал. С его легкой руки рассказ напечатали, что показалось мне забавной игрой. Тогда я еще не думал о том, что случайностей в мире не бывает. Постепенно червь творчества начал подтачивать мою успешную жизнь молодого бизнесмена. Тогда, несмотря на молодые годы, я работал заместителем управляющего большим цехом по производству «окон в Европу».

С годами я поменял один цех на другой — литературный. В последнем оказалось больше неуверенных в себе, сломленных тяжелыми обстоятельствами, разрушенных пороками уничтожения и медными трубами призвания, но чертовски красивых, интересных, самобытных людей...

Оглядываясь на свою короткую жизнь, я понимаю, что все было не случайно и все было благодаря моим друзьям. И первая публикация, и встреча с моим товарищем Егором, который сообщил, что в этот момент он как раз направляется на встречу с представителями московского фонда. Он предложил

наоборот. Вы сейчас тоже произнесете это слово и окажетесь чудесным образом одним из героев романа «Му-та-бор»... Выбор сделан. Встретимся в финале романа «о камнях, растениях и животных — о мистическом устройстве мира и, думаю, немного обо мне и тебе».

Борис Луккин

мне составить компанию, потому что позднее намечался сейшен, и я пошел, еще не зная, что не случайно у меня в этот момент под мышкой оказались несколько рукописей, которые я передал Александру Эбаноидзе. А потом меня пригласили в «Липки». И пошло-поехало. Когда-нибудь, я надеюсь, доведу эту цепочку закономерных случайностей до некоторого логического конца и назову имена всех своих друзей. Пока же еще не время все излагать на бумаге...

Писать или не писать. Каждый раз, сомневаясь, я все же беру перо и начинаю своим корявым языком излагать на бумаге то, что волнует и тревожит меня в данный момент больше всего. Бывает, процесс идет тяжело и мутно, а бывает, так увлекает, что порой мне даже кажется, что моя ручка — это маленький детский меч, что я вынул из рук не умеющих говорить и двигаться, не обладающих даже фантазией оловянных солдатиков или пластмассовых рыцарей-буденовцев. И что этим мечом-ручкой я бьюсь за них в метафизическом пространстве бытия. На чьей стороне я стою, покажет судный день, который для меня, моих прекрасных друзей и даже моих в некотором смысле игрушечных солдатиков наступит в один прекрасный и страшный миг. В миг триумфа или позора.

Ильдар Абузьяров

МУТАБОР

НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН

ПРОЛОГ

Потерянный рай, или Сказки Шахерезада

1.

Я в клетке. Не в золотой, образной, а в настоящей железной клетке. Я среди свирепых и буйных зверей. Сквозь слипшиеся ресницы я уже вижу бородатые, заросшие лица своих сокамерников. Кого тут только нет — уголовники-рецидивисты, шулера и прочая шушера, мелкие проходимцы и птицы высокого полета, несчастные, пострадавшие по чьему-то доносу или из-за судебной ошибки, и сознательно ушедшие в горы и леса партизаны — одичавшие люди из Хизбат-Тахрир (Исламской партии освобождения), ИДТ, ИТП (Исламское движение Туркестана и Исламское террористическое подполье). Здесь, в Кашеварской колонии, хватает всякого зверья — и виновного, и безвинного. После шумихи, поднятой журналистами, меня посадили в эту тюрьму за то, что я писал, — за книгу, которую приняли за план террористической акции, за инструкцию к действию.

Спервыми лучами солнца одни мои сокамерники-уголовники начинают резаться в карты и нарды, другие мои сокамерники-смертники собираются у окна, чтобы прочитать намаз. Они совершают несколько поклонов: головной, поясной, земной. Они как только могут прославляют Всевышнего, губы их шепчут страстные слова любви, руки их прижаты к грудной клетке или животу.

Я не могу в полной мере разделить их чувства благодарности Создателю. Когда я гляжу на этих убежденных людей, мне становится тесна собственная человечность. Она граница, она плен. Одной половиной головного мозга я вроде бы с ними и готов благодарить Создателя за посланные мне страдания-испытания, другой половиной я с ним в корне не согласен. Другой моей половине страшно и жутко. Она просто в панике.

В сущности, если вдуматься, все мы находимся в клетки собственного тела. Особенно явственно это ощущаешь после яркого счастливого сна, в котором душа ходила погулять высоко в небо, поднимаясь до заоблачных высот.

Меня искусили, меня выгнали из рая, как последнюю собаку, меня побили камнями. И нет конца человеческому унижению и собачьей тоске. И клеть нашей груди, и решетка ресниц давят и сдерживают меня, когда мне хочется выть на луну и плакать навзрыд...

2.

Мы живем в мире-тюрьме, где в равной степени лишены свободы и звери, и люди.

Я вновь открываю глаза и вижу низкий закопченный потолок. И это после ночных видений о звездном небе и бегущей-зовущей реке! О, как бы я хотел жить в свободном и прозрачном мире, в мире без тайных сговоров и теневых правительств закулисы, в мире без войн, в мире равенства и братства. Но струи горячего пота, словно плети, уже стекают по моему телу. Всегда тяжело и тоскливо просыпаться после снов, в которых ты плывешь по серпантину горной реки, летишь, как водоплавающая птица или рыба таймень над волной.

А надо мной уже возвышается ждущий своей добычи блатной уголовник Хайсам.

— Слышь, че сказал: Бугор тебя хочет видеть.

Хайсам зыркает на меня зоркими и злобными глазами. Он сидит на соседней шконке, упершись обеими руками в колени, оттопырив локти, словно ястреб — крылья, готовые к хищному полету. Неприятно-злое его лицо тем не менее выдает незаурядный ум. Поджарый, невысокий, с большим носом-крючком и тонкими, плотно сжатыми губами, он слыл жестоким непримиримым ястребом в правительстве теневого правителя Кашевара Ширхана — пахана всех львов и шершней преступного мира.

«Никто не может отнять у человека свободу выбора, данную ему Богом», — повторял я слова Балыка-Малика. Но мне все же пришлось подняться и пойти вслед за Хайсамом.

Надзиратель в тюрьме, как собака до падения и изгнания из Эдема, занимает не низовое, а почетное высокое место. Он посредник между тем и этим миром. Он, лязгая большими зубьями ключей, от-

крывает массивную железную дверь, чтобы через внутренний двор перевести нас в другой блок и другую камеру. И всё с таким важным и напыщенным, как у индюка, видом. Как они не поймут, что быть дворником или поваром гораздо почетнее, чем быть охранником?

3.

У выхода из блока меня в специальной будке поджидает еще один охранник.

— Раздвинь ноги, — рявкает он. Я развожу ноги на ширину плеч. Он начинает меня досматривать. Ощупывать волосатыми ручищами.

— Свободен, — бьет он меня для профилактики дубинкой по икрам. Мол, можешь идти. Я отвечаю ему презрительным взглядом. Он тоже как собака, говорящая на зверином языке, что была призвана сторожить Адама, но проспала все на свете. Ночью она прозябла и заснула. На лице охранника следы глубокого сна, щеки его помяты ночными покровами.

Да, охранник — собака. Когда искуситель проник в рай и соблазнил Адама яблоком, собака от искусителя в награду получила шерсть. Бог проклял собаку и выгнал из рая, так же, как он проклял человека. И теперь эти два самых неприкайных на земле существа вынуждены жить и ходить бок о бок.

Вот мы с первым охранником и Хайсамом выходим в тюремный двор. Сверху сквозь рабицу на меня пригоршнями сыплется утренний солнечный свет. Солнце напоминает мне большое спелое яблоко.

Во сне мне часто грезится одна и та же картина. Я со своей собакой выхожу из маленького рая собственной квартиры на улицу. Мы, два одиноких существа, с ленцой идем на утреннюю прогулку. Собака с шерстью, но с грустными глазами, я зябну и прячу руки в карманы. Кругом все покрыто снегом и не видно пути-следа. Все замечено вьюгой. Постепенно наши фигуры становятся еле различимы в снежной дымке. Я оглядываюсь и вижу свой светлый дом.

В последнее время, с кем бы я ни гулял по заснеженному Питеру, у меня было такое чувство, что один из нас гуляет с побитой собакой.

4.

Покинув двор, мы с Хайсамом и надзирателем идем по длинному коридору блока для уголовников. Здесь, кажется, более либеральные законы, блатные чувствуют себя гораздо свободнее и разгуливают туда-сюда. Я пытался понять, от кого охранники что охраняют. Вся страна превратилась в охранников.

Миллионы здоровых мужчин превратились в тугодумов. Они стоят у входа в ателье, в бассейн, в школы, в больницы, в магазины. Стоят и тупеют. А в это время у них из-под носа воруют миллиардами через систему грантов и госзакупок.

Тюремным охранникам тоже невдомек, что их разыгрывают, что они сейчас как бы охраняют мир от его владельцев. Шир, к которому меня вели, владеет крупными пакетами акций нескольких банков и каменноугольных шахт. Не говоря уж о бизнесах-игрушках — магазинах, казино, салонах красоты. Вот он сидит, красавец — довольный, толстый, с черным лицом.

Саям! На столе несколько видов колбасы, слово специально названной кем-то «саями», зелень, чифирбак, полный чифа, бадья с медом, даже халва и шербет.

Я озираюсь и вижу сбоку у параши под нарами забитого красивого юношу. Он сидит под нарами и жадно жрет брошенные ему куски колбасы. Скорее не куски, а шкурки.

«И стал Господь Бог глаза ему доставать от солнца, оставив Адама одного лежать на земле; и пришел окаянный сатана к Адаму и вымазал его калом, тинной и соплями. Вернулся к Адаму Господь и хотел вложить в Адама глаза, но увидел его всего вымазанного в нечистотах, но сняв с Адама всю грязь сатанинскую и смешав с Адамовыми слезами, сотворил собаку, и теслом очистил Адама, как зеркало, от всех скверн».

Да, охранник — собака. Но искуситель то ли жирной костью, то ли сухой палкой увел собаку, подкрался к спящему Адаму и впустил в него сорок страшных недугов. Вот она, боль поругания и глумления. Когда каждый может ударить тебя кнутом и бросить обслюнявленную кость.

5.

Если тюрьма, школа и больница — маленькие модели страны, то, значит, мы живем не в правовом государстве, а на диком острове, на котором заправляет шайка бандитов. Потому что Шир — теневой правитель Кашевара.

Заходя к нему в камеру, нужно называть свое имя, номер и статью, по которой ты осужден, с расшифровкой — будто это он начальник тюрьмы. Я представился и сказал, что сижу за экстремистскую деятельность, организацию террористической группы и попытку государственного переворота.

— Значит, политический, — ухмыляется Ширхан, не поздоровавшись. — А я слышал, ты писатель.

— Был! — отвечаю я, не поднимая глаз, потому что на Ширхана нельзя смотреть — он этого не вы-

носит. — Пока у меня не отобрали компьютер и тетради и не бросили сюда.

При входе в блатную ханку я успел разглядеть, что в компании за столом, помимо Черного Шершня, сидело еще трое: Саур Хайбула, Фахад и собственнно Хайсам — все сподручные Баймана.

— И о чем ты писал, форель?

— Да так, обо всем понемногу, — попытался отвертеться я, потому что меня выводили из себя подобные глупые вопросы. Возьми и прочти, если хочешь знать, о чем книга. Для этого, собственно, и писал.

— Не такой здесь и мозги не делай, интеллигент, — разозлился Ширхан. — Нам скучно. Бери стул, садись и рассказывай нам какой-нибудь свой

роман с самого начала и подробно, бандерлог.

— Будешь нам по вечерам романы тискать, Шахерезад, если тебе твой зад дорог, — громко хохочет Саур.

— И чтобы про нас, и с приключениями, и любовью с воронами, — потер руки Хайсам, сверкнув желтыми зрачками.

— А если будешь рассказывать неинтересно, ты не жилец.

Я взял табуретку и подвинулся поближе к столу. Выбора у меня опять не было. И в то же время был. Потому что я мог вести своих героев, как и куда захочу. Что ж, роман тискать — так роман тискать. С самого начала — так с самого начала.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Понедельник. 4 октября

Лук и мыло от нарыва

(служебная записка с флешки)

С виду вроде бы все благопристойно. Кожа сверху затянулась и выглядит здоровой и цветущей. Со всех глянцевого плакатов на нас смотрит сияющее лицо власти. Но в любой приватной беседе с чиновником или жителем Кашевара, знающим ситуацию изнутри, становится понятно, что под сверкающей здоровьем кожей образовался абсцесс. А проще говоря, гниль и разложение.

Чудовищный разрыв, который существует между столицей Кашевара и его провинциями, между богачами и обнищавшими трудягами, между золотой молодежью и молодыми людьми, не имеющими никаких перспектив, вызывает всеобщее недовольство и зависть.

В городе ходят (муссируются) слухи о том, что в Нарыве начались беспорядки, которые пытается жестко подавить личная гвардия президента — «Беркут». Причина недовольства в том, что за последнее время значительно выросли цены на услуги ЖКХ и сотовую связь.

Народные средства от нарыва — горячие компрессы с нарезанными листьями капусты, луком, кукурузной мукой, творогом — не помогают. Потому что у людей нет денег на необходимые для жизни продукты питания. За чертой бедности живет более половины населения, и его не удается растворить в желудочном соке.

Справка из энциклопедии

Нарыв — город в удаленном районе на северо-востоке Кашевара и административный центр Нарывской области. Регион является дотационным. Ситуация осложняется тем, что Нарыв расположен на высокогорье, на высоте более 2000 метров над уровнем моря. Повышение цен на электричество и тепло особенно болезненно сказалось на населении и малом бизнесе тех районов, где температура зимой весьма низкая.

Нарыв — гнойное воспаление тканей с их расплавлением и разложением, может развиваться в подкожной клетчатке, мышцах, костях, а также в органах или между ними.

Люди доведены до отчаяния и находятся на грани физического выживания (вымирания). Огромное недовольство вызывает у них решение властей ввести паспорта на всякую живую тварь, чтобы стричь налоги с каждого барана. Овцы — единственное средство выживания высокогорных районов с почти разрушенной инфраструктурой и промышленностью.

Гниль и коррупция пропитали и разлагают все органы государственной власти.

Народные средства уже не могут остановить разложения общества. Мягкотелость и гниль должны выжигаться каленым железом. Облучение красным светом ускоряет процесс созревания абсцесса.

В Нарыве участники митинга захватили здание облминистрации. Нарыв нельзя вскрывать, так как инфекция может быстро распространиться. Беспорядки в любой момент могут перекинуться и на другие районы, и на столицу Кашевара.

Файлы этого тайного дипломатического донесения взяты с сайта Wikileaks.

Глава 1

Мобильный

1.

— Что за дерьмо?!

Не успел наступить очередной понедельник года Белого Тигра, как я одной ногой уже вляпался в собачье дерьмо, а другой вступил в кровь — может быть, тоже собачью. Когда изо всех сил несешься к вышедшему из театра клиенту, сжимая под мышками дышла, не особенно смотришь себе под ноги. Главная забота — чтобы клиент предпочел именно твою кибитку старомодному кебу и новомодному авто. Да и потом, некогда думать о своих ногах. Сначала надо опередить конкурентов, а потом договориться о цене, усадить поудобнее, накрыть шерстяным пледом в клеточку. И все с лучезарной улыбкой в тридцать два, или сколько их там осталось, каратазуба и под косые, в тридцать две соринки, взгляды других, менее расторопных рикш. Фары встречных авто, как прожектора, рассыпают блики на шахматном пледе. Всё — игра началась.

— Куда вам, мистер? А, на вокзал?! Но сначала заскочить на пару минут домой за документами и сумкой? Как скажете, мистер! Хозяин барин! Кто платит, тот и заказывает музыку!

Вперед, вперед — волка ноги кормят! Сердце, бешеное, как зверь, рвет своей алчностью на куски окружающую реальность. Главное в нашем деле — быть мобильным, постоянно двигаться. Недаром же наша кличка у таксистов — «мобильные». Есть автомобильные, веломобильные, а мы просто мобильные.

Это потом я буду не спеша тащиться домой через весь город, оставив свой драндулет на стоянке, философствуя и меланхоличная, или стоять, опустив голову, и тяжело дышать, как загнанная лошадь... мечтая — сейчас бы сюда ведро-другое воды...

А сейчас, когда я мчусь во весь галоп, подгоняемый алчным сердцем, про ноги и вовсе следует забыть. Кручу что есть силы, молочу, отталкиваясь от асфальта, выкидывая вперед от бедра, пока конеч-

ности не свело судорогой. И здесь быстро должны соображать не только конечности, но и голова. Чем быстрее домчимся, тем меньше боли и досады. Обиды оттого, что опять не подсуетился и маловато грошей заработал.

В такие минуты телесного напряжения лучше вообще забыть о том, что ты человек, и представить себе, что ты лошадь. Лошадь Пржевальского. Мол, терпишь, не приживаясь к чужому месту, чужим повадкам. А сам так и остаешься в душе диким, потому что все тебе здесь чуждое. Нет гор и бурных, необузданных ручьев.

Благо скала вокзала не так далеко от Александринского театра. Всего-то две трети Невского. Да и дом совсем близко, как выяснилось. Всего в паре-тройке кварталов отсюда, на Большой Конюшенной. Вот и домчались.

2.

Я стою возле дома клиента, обалдев от восхищения. Это же не дом, а целая крепость с башнями! Запрется мой сеньор за стальными дверями в этой крепости, как потом его выкуривать?

Я нервничаю, курю. Пару раз меня кидали, уходя через проходной подъезд. А Бог, как известно, любит троицу. Не тройку, а троицу. Нервничая, я внимательно слежу, как лифт по вынесенному наружу коробу лифтовой камеры поднимается вверх. Первый, второй, четвертый этаж. Вот зажигается свет за тюлевой занавеской в окне квартиры.

Клиент, видимо, попался богатенький. Костюм на нем дорогой, блестящий, и штиблеты под цвет тросточки. Сразу видно, фронт. Совсем даже не торговался. Наверняка цена его волнует так же мало, как и красоты города. Всю дорогу трепался с кем-то по телефону, а по сторонам совсем не смотрел. Сразу видно, местный нувориш.

А я приезжий рикша, тоже новенький в своей артели. Приехал из Кашевара покорять красивую европейскую жизнь. Прилетел — ха, как осел в Диснейленде, — на самолете из городка, некогда превосходившего богатством обе столицы русской империи. Теперь он — захолустное, пыльное, провинциальное местечко. И не то чтобы у нас там не на что было жить. Продуктовая корзина, включающая фрукты и зелень, стоит гораздо дешевле, чем в России. В общем, с голоду не умрешь в любом случае. А имея свой огород — так вообще обожраться можно, живешь как в шоколаде. Только земля, машина или квартира — стоят очень дорого. О-го-го как в цене они! А еще калым нужно за невесту отдать. И за дом, в который невесту необходимо привести. В общем, без денег не жениться, а какое будущее без жены?

Но самое противное, что даже при наличии денег невозможно свободно купить землю и дом. Замучают с проверками из полиции. Где и откуда взял? Не продавал ли наркотики и так далее. А если год-другой проработал в России, то у тебя и алиби есть.

Так и живем. Крутимся потихоньку. Хотя бизнес нуворикшей сугубо второсортный, второстепенный, но все-таки центрально-городской. Он — наш бизнес — совсем недавно прижился. Сначала у театров и клубов появились старинные автомобили, потом велорикши, а затем и мы составили конкуренцию кебам.

Обратная эволюция, так сказать, на глазах. От двигателей к велосипедам, от великов к лошадям, а от тех и до ослов недалеко. Наверное, ослом я и стану, когда за всей этой беготной растрату силы и энергию молодости. Надорву мышцы и сухожилия, поврежу голеностоп и буду плестись дальше по жизни, как ишак. Пока меня не пристрелит за ненужностью радикулит. А встречный ветер и тяжелый труд повыбьют из головы последние мысли и мечты.

3.

А богачи уже при жизни могут осуществить все свои мечты и фантазии. Хочешь — здесь, а хочешь — в Сан-Тропе. Вот он, выходит со своей дорожной сумкой на колесиках. Довольный и лощеный, тащится по мощеной тропинке. Пальто в пятнышках, как у породистого оленя. Подошвы мягкие, шаг вкрадчивый, а сумка — маленькая тележка, с ручкой, изящной и изогнутой, как оленьи рога. Мне бы такую катать — одно удовольствие!

— Вам помочь? — спрашиваю и тут же, не дожидаясь ответа, хватаю и закидываю сумку в тарантас. Затем снова накрываю барина пледом, берусь за дышла и — вперед с ветерком.

Не подсуетишься — не получишь чаевых. Иногда и лошадям приходится включать мозги и работать руками. Богатеи — они сегодня ценят вещи эксклюзивной ручной работы. Дорогие и неповторимые там разные штучки. Хенд-мейд. А чем фут-мейд хуже хенд-мейда? Чем ножная работа хуже ручной, если есть такая же возможность выпендриться и отличаться от прочих обывателей? Сначала посмотреть на кукол-актеров, а потом и прокатиться с ветерком по центральным улицам города на чужом горбу. Тем более им не привыкать сидеть на чужой шее.

— Эй, послушай, как там тебя? — обращается ко мне клиент. Видимо, у него не очень хорошее настроение и ему не на ком больше сорвать злость. — Я боюсь опоздать на поезд. Так что пошевеливайся!

«Так всегда. Сам собирался три часа, а я пошевеливайся», — это я себе под нос, конечно, чтоб он не услышал.

— Если все в конечном итоге будет о'кей, я заплачу.

«Доплатишь сколько?» — думаю я про себя, прибавляя обороты.

Вообще, наши услуги недешево стоят. Как говорится, только для богатеньких, которые после ресторана или театра не знают, не решили еще: то ли им пешком прогуляться и подышать свежим воздухом, посмаковать вкус и аромат удавшегося вечера; то ли на такси прокатиться, чтобы не утомиться еще больше. А мы вроде посередке. Как раз для таких нерешительных. Да к тому же экзотика.

4.

Еще какая экзотика! Лишь для нас все чересчур буднично и рутинно. Чтобы здесь работать, не нужно ни образования, ни компьютерных курсов. Одни сильные ноги да широкая улыбка — как у лошади. В смысле, обходительные манеры и спокойный нрав. Беги себе, показывая подошвы-копыта, пока последние не отвалятся.

Главное в нашей науке — резво тронуться. Как разгонишься, так и пойдет. Впереди еще чертов Аничков мост с его дугой. Не каждому рикше удастся с разбегу вскарабкаться на него.

Странно. Даже у мостов и домов в этом городе есть имена. А он ко мне обратился: «Эй, послушай, как там тебя!» Вообще-то, если что, зовут меня Фарас. «Фарас» в переводе с персидского значит «возвышающийся, добивающийся высокого положения». Так меня назвал дядя с маминой стороны. Видимо, хотел, чтобы я поднялся и преуспел. Но, бедный, не учел, что по-арабски «Фарас» означает «лошадь».

Куда можно подняться и успеть с таким именем? Разве что на Аничков мост со вздыбленными конями. Думаю, если бы у меня вместо рук были передние ноги, они тоже сейчас взлетели бы вверх — так резко меня потянуло назад. Приходится в срочном порядке наклоняться на сорок пять градусов и вытягивать тело вперед. Того и гляди жилы на вытянутой шее, словно упряжь, порвутся.

У нас в Кашеваре говорят: «Дарующий имя дарит и коня». Но мой дядя, видимо, решил совместить два в одном. Уложить подарок-коня и имя-нарекание в одно действие. Но что с него взять, с простого крестьянина. Откуда ему было знать арабский, если он даже арабских скакунов в глаза не видел. Думаю, они такие же красивые, как эти кони Клодта с их шикарными крупами. Хорошо, что у нас, в отличие от лошадей, есть руки, ими хотя бы мух со лба отгонять можно летом. Плохо, что нет хвоста, ибо вся спина и задница уже в мыле, и не прикрыться.

А клиент катится себе с ветерком, не зная забот. О чем это он, интересно, так долго и увлеченно болтает по телефону? Наверное, треплется про сводки с биржевых торгов. Про акции, венчуры да франчайзинги. Раздаст каким-то быкам и медведям последние указания насчет того, следует ли повышать или понижать.

Я напрягаю уши и сквозь свист ветра слышу, как мой клиент говорит, что уезжает в какую-то восточную дыру по контракту. Едет на поезде до Москвы, а там у него через пару часов самолет. Теперь понятно: наверняка прощается со всеми любовницами по очереди.

А с нашей работой... Тут даже невесту не завести — слишком устаешь. Сил нет идти потом на свидание. Ноги закинешь на спинку дивана и смотришь телевизор все свободное время. Не говоря уже про жену — на нее нужны деньги. Что-то я все об одном и том же все время думаю. Кому что, а вшивой кобыле парная в бане снится.

5.

Ну все, кажется, две трети пути позади. Еще чуть-чуть, последний рывок остался, и вот он, Московский вокзал.

Теперь стоп, светофор — есть минутка передохнуть и стереть соль с глаз.

— Эй, рикша, тормозни здесь, — останавливает меня клиент. — Дальше я прогуляюсь пешком.

— Как скажете, господин, — улыбаюсь я, — здесь так здесь, мне же меньше бегать. На цене-то это никак не скажется. Договоренность есть договоренность.

Я кладу дышла на землю и подбегаю к кибитке сбоку, чтобы убрать плед и помочь спуститься с небес на землю. Я смотрю, как клиент кладет в карман сотовый и достает бумажник. Совсем молодой парень. Лет тридцати, почти как мне. И как же он умудрился так быстро разбогатеть? Наверняка просто сын богатеньких родителей.

Я принимаю хрустящую купюру — вот удача! — сто зеленых, одновременно этой же рукой поддерживая клиента и помогая ему выйти из коляски-кибитки. Мне не надо смотреть, чтобы понять, какого достоинства купюра. Наверное, так же — одной силой осязания — лошадь определяет достоинство зеленой травки.

— Сэр, у меня вряд ли найдется сдача, вы сегодня мой первый клиент.

— Какая сдача? — пижоня, изображает удивление богатенький сынок. — Кто говорит о сдаче? Там только тебе на чай. Молодец, хорошо справился с поставленной задачей.

— Ого, — расплываюсь я в широченной улыбке. — Спасибо вам огромное-преогромное! Тут на два ведра чая! Всего хорошего, сэр! Удачного вам дня и счастливого путешествия, господин!

6.

Повезло, так повезло. Действительно, дорогой клиент попался. Впрочем, едва этот богач отошел на несколько шагов, как я стремглав бросаюсь к театру. Спектакль еще не закончился, а значит, есть шанс кого-нибудь еще выцепить. Сегодня там, кажется, премьера. Собрались все сливки общества, цвет бомонда, как говорится. Элита и интеллигенция в одном флаконе партера. Может, кому-то придет в голову помочь и такому бедному рикше, как я.

А этому фрукту, что свалил из театра пораньше, даже невдомек, что пятидесяти долларов, которые он дал сверху, то есть на чай, хватит мне на целый месяц. Потому что я не пью фруктовый чай в дорогих кафе на Невском, что зазывают своими кричащими вывесками, даже если с меня пот ручьем. Не по карману для лошади фруктовый чай. Вот приду домой и заварю себе огромную посудину с верхом.

Я бежал, тащил свой тарантас и думал о всякой ерунде. О своем дяде, что умудрился назвать моего брата Абатом, что по-персидски значит «процветающий». Опять хотел как лучше, а в результате брат никак не может жениться. Шатается по Кашевару с дрессированной обезьянкой, чем очень расстраивает мать. Думал о конях Клодта, которых тоже не могут удержать в узде их пастухи-конюхи. О сегодняшнем клиенте, что заплатил ровно в два раза больше, чем договаривались. Такое впечатление, будто я оказал ему какую-то неоценимую услугу. Да если бы он переплатил даже в несколько раз меньше, я бы все равно дотащил его чемодан на колесиках до вагона.

Сейчас он уже наверняка в предвкушении сладкого путешествия попивает горячий чай из фирменного стаканчика, что ему принесла на подносе проводница. Интересно, сколько чаевых он даст ей за это?

Если он не дурак, то, должно быть, срезал через дворы оставшийся угол и вышел прямо к перрону. С парадного входа к вокзалу не продрагаться. В этот железнодорожный час пик все подступы заставлены машинами. Хотя багаж у него совсем маленький. Видимо, едет ненадолго или собирается все купить на месте. Наверняка ему предложили выгодный контракт. Да и много ли там, на юге, надо: только белые шорты да черные очки.

7.

Вот и театр. Хватит мечтать. Нужно привести сиденье в порядок. Расправить складочки и сложить плед. Вытряхнуть крошки. Все должно быть чинчинарем. Богатые очень привередливы и брезгливы.

— Эй, рикша, смотри, где встал, — сигналит мне подъехавший кебэшник. Вообще-то они нас ненавидят. Мы у них хлеб вроде отбираем. Когда мы появились, у них работы стало меньше.

Если честно, я на них не обижаюсь. Стараюсь не замечать их выходок. Нормально я встал. Хватит уже сигналить и на нервы давить, думаю. Хватит свою злобу выплескивать. Поскандалил — и езжай дальше, тебе ли со своими лошадиными силами с моей тягловой силой мериться?

У меня даже сигналки такой нет. Один колокольчик. Колокольчик динь-динь-динь. Но что это здесь такое в проеме между спинкой и сиденьем — динь-динь-динь — вибрирует? О, кажется, клиент позабыл свой сотовый. И теперь названивает от начальника поезда?

«Круто! — мелькнула в голове первая мысль после того, как я вытащил мобильник. — А что если самому прямо сейчас вернуть сотик хозяину? Тогда можно получить еще сотню-другую чаевых. Не броситься ли сломя ноги назад к вокзалу? — заколотилось сердце. — Найти нужный поезд и моего клиента».

Но как? Столько поездов сейчас до Москвы отправляется. А вагонов еще больше. Да и двадцать минут назад это было. Если бы я клиента прямо до места проводил, тогда еще можно было бы на что-то надеяться. По крайней мере, я бы точно знал, что за поезд, и, позвонив другу, выяснил бы, во сколько этот поезд отправляется.

Мои родные места в Кашеваре и наш кишлак Гулизор дали Питеру не одну, а целых две артели. Одна артель резвых жеребцов и тягловых мерин, а другая — жилистых ослов. Те, кто похлипше и не в состоянии катать жирных боровов, с ручными тележками дежурят у выхода метро и предлагают за умеренную плату поднести поклажу до вагона. Это на нашем жаргоне называется «поишачить». Берут они по сравнению с вокзальными носильщиками дешево, и многие соглашаются на их услуги. Этого заработка хватает, чтобы семья там, в Кашеваре, не бедствовала. Да и с большой тележкой в переход метро не спустишься.

8.

С одним таким «ослом» из второй артели меня поселили в комнате рабочего общежития. Звать моего соседа Муха, и мы совсем неплохо с ним устроились.

Рожденный ползать летать не может. За время, проведенное под одной крышей, мы успели крепко сдружиться с Мухой. Это позволяет ему подтрунивать надо мной, а мне — подкалывать его. Но будь у моего сегодняшнего клиента багаж побольше, я бы с радостью перевоплотился в Муху и помог его донести. И сейчас имел шанс. Лишние деньги не навредят. А теперь иди ищи ветра в Бологом.

Просчитав свои шансы, я решил не дергаться, и моя замершая ладонь быстро сунула еще теплую золотистую коробочку в карман. Сразу видно, последняя модель «Верту». Дорого, наверное, стоит такая игрушка.

«Может, занести его в милицейский участок? — подумал я. — Но тогда я не получу хороших чаевых за возвращенный телефон. К тому же где гарантия, что милиция не арестует меня и не вышлет вон из страны? Пришлет мне еще кучу дел и до кучи в год Рыжей Собаки спустит на меня всех собак, как на рыжего. Наверняка у меня не все в порядке с эмиграционными документами и есть к чему придраться. Нет, милиции я доверять не могу. Они такие же ворюги, как и все представители закона. А может, и хлеще. С нас мзду только так берут. Подходя, смотрят, словно разглядывают на твоём лице ценник. Того гляди, рот тебе откроют и проверят, нет ли у тебя золотых зубов. А гнилые вас не устроят?»

Сунув руку в карман, я нащупал плоскую, твердую и тяжеленькую шкатулочку, похожую на слиток золота. Сердце опять бешено забилось. Впрочем, не стоит преждевременно радоваться неизвестно чему. Нужно сосредоточиться и добросовестно отпахать сегодняшнюю смену.

Глава 2

Персидский сервис с чайками

1.

Крик чайки, словно принесенная в ладони вода, растаял быстро. Но и этой утренней речной свежести хватило, чтобы умыться и больше не помышлять о сне.

Минуты две Омар Чилим сидел, укутавшись в одеяло и подперев коленями остатки сновидений, в которых он беседовал с рыбой. «Если петух кричит, завидев ангелов, то чайка кричит, услышав, как человек беседует с рыбой», — подумал Омар, пока не понимая, к чему ведут столь пространные размышления.

Человек слаб, и ему трудно свернуть с поманившего его пути, даже если он встал на этот путь в неудобных резиновых шлепках. По рассеянности Омар

спустился в гостиничное кафе в одном малиновом банном халате и банных сланцах, которые в хороших отелях входят в стоимость номера.

Хотя, может быть, он спустился подкрепиться в таком одеянии лишь потому, что нос кота, умытый Омару с утра спину, руки и грудь, показался ему чересчур мокрым.

«Что за непутевое глупое животное, сначала вытирающее, а потом умывающее? — подумал Омар о коте, выйдя во внутренний миртовый дворик гостиницы, где его вдруг осенило. — Если кот промурлыкал мне в живот, значит, рыба точно была».

Смутные сомнения Омара рассеялись окончательно, как только он припомнил прием у консула Аламани. Огромный зеркальный карп был главным яством, а главной изюминкой карпа, безусловно, являлась улыбка белолицой Примы Дивы. Потому что ее сияющий образ отражался во всех девятистах девяноста девяти зеркальных чешуйках. И во всех трехстах тридцати трех блестящих пластинках-висюльках люстры.

2.

«Небо в этой стране было чистым, как помыслы принца Алмаза», — кажется, так начиналась книга, которую он увлеченно читал в такси от аэропорта до гостиницы. Но сон смешал реальность с вымыслом, и теперь сам Омар чувствовал себя беспечным жителем республики Кашевар — страны, где все женщины счастливы и жизнерадостны, дети веселы и беззаботны, старики довольны своей почетной старостью, мужчины насыщены чувством собственного достоинства и полны благородства.

В тапочках, в махровом халате, Омар был самой безмятежностью. Прохладное дыхание чинар наполняло его легкие ощущением нового прекрасного дня, словно ветер паруса. И он в благодарности поднял глаза к небу.

«Что ж, пора и мне насытиться», — решил Омар, усаживаясь за столик открытой веранды. Развалившись в плетеном кресле, он заказал несколько чашек чая с кубиками сахара и пару бутербродов с параллелепипедами маслосыра. А для остроты вазочку с шариками черной икры. Его желудок постанывал от того особого, спросонья, голода, который можно утолить лишь двумя-тремя чашками чая и двумя-тремя бутербродами с икрой или грибами.

Официант принес заказ на распisanном подносе. Омар обратил внимание на эту изящную роспись под персидскую миниатюру. То был рисунок к старинной поэме «Хюсн и Ашк». Омар смотрел и смотрел, во всех подробностях разглядывая линии миниатюры, вплоть до цветов и соловьев, изящно

склонивших свои головки во всех четырех углах подноса. Все это время официант терпеливо ждал, изогнувшись в три погибели, словно это он сам был создателем рисунка и теперь смиренно показывал свое творение Верховному Визирю Искусств.

3.

Был один из тех прозрачно-прохладных осенних дней, что встречаются в здешних горных местах не часто, и поэтому он сулил не только Омару, но и официанту много хорошего. Рассмотрев рисунок и догадавшись, что официант ждет вознаграждения, Омар потянулся, сначала просто так, от хорошего настроения, а затем к фарфоровой ручке чайника, и лишь потом — ведь, как известно, суета от шайтана — полез было за портмоне из крокодиловой кожи.

Еще по прилете в Кашевар Омар прямо в аэропорту обменял выпрыгнувшие из банкомата купюры на национальную валюту, что позволило ему наполнить внутренности своего «аллигатора» изрядной порцией местных сомов.

Не найдя в кармане кошелек, Омар понял, что принял за карман всего лишь глубокую складку халата с отвисшим воротом, и теперь ему ничего не оставалось, как, приняв более безмятежную позу, погладить влажные волосы на груди и под мышкой, — ох уж этот гостиничный котятра!

«Чин-чинарем» — чирикали нетерпеливо воробы на чинарах, но Омар Чилим вовсе не чесался. Он именно поглаживал себя по печени и поглаживал по почкам, одновременно рассматривая росписи на чайнике, чашке и блюде.

Везде и всюду в этом отеле были изображены розы и соловьи, глядя на которые Омар не мог не вспомнить чарующий тембр Дивы Примы, с которой ему предстояло встретиться уже завтра. Он раньше и не подозревал, что может влюбиться в женщину, слушая лишь ее волнительный голос. На ланче у консула ария за арией волнами пробирались внутрь тела Омара, заполняя своей вибрацией даже кишки и щекоча ему почки.

«Вот она, моя дама печени», — решил Омар Чилим. Хотя, возможно, это расчлененный на части упрямый карп продолжал сопротивляться выпавшей ему участи и пытался, минуя пищеварительные органы, сразу угодить в кровеносную или мочеполовую систему, чтобы под шумок скрыться вместе с волнами вибрации в канализационной системе.

Омара действительно пробирало насквозь. Он стоял, оглушенный и униженный, прямо перед роялем, чувствуя, как карп, мимикрируя под угря, устремляется к низу живота. Еще утром Омар прилетел в Кашевар на самолете, напоминавшем ему

белолобого гуся. А уже ближе к ланчу он сам весь покрылся гусиной кожей.

Впрочем, вокруг рояля топтался не только Омар, но и человек тридцать приглашенных гостей. Консул Аламани был хорошим знакомым Омара по работе фонда. Теперь, кажется, он становился соперником в любовных интрижках, как и индусы, что украшали свой лоб звездами.

4.

Омар не раз отмечал, что в этом четырехзвездочном отеле к нему относятся как к очень почетному клиенту. Может быть, потому, что он в карточке гостя указал, что приехал фотографировать зверей из зооботсада, собранного самим эмиром и мэром Кашевара.

Но как бы то ни было, такое положение вещей очень забавляло и даже льстило Чилиму. Прислуге иногда хочется побыть господином. А Омар, будучи рядовым сотрудником одного английского фонда, вставшего на службу братьям нашим меньшим, хотел, чтобы изредка прислуживали и ему.

Чужое место за чужой счет — ну разве не ловко! Омар приехал в Кашевар по заданию фонда, чтобы пофотографировать чудо-зверинец эмира, и теперь собирался сполна насладиться выпавшей на его долю приятной поездкой и блестяще сыграть роль богатого иностранца за счет командировочных, которые ему щедро выписали в конторе. Будучи биологом, Омар уже давно не питал иллюзий о людском сообществе и знал, что человеку, как и всем групповым животным, присуще образовывать иерархии, положение в которых напрямую зависит от рангового потенциала и настырности того или иного индивида. И так повелось испокон веков со времен первобытного полуживотного существования гомо сапиенс. Чем больше сил, тем выше ранг. Причем только физической силой ранг не определяется.

У петухов место в иерархии зависит от высоты гребня, размаха крыльев и красочности перьев. У павлинов — от длины и пышности хвоста. А у человека — от количества и красочности красных, голубых, розовых, желтых бумажек в портмоне. То есть, по сути, тоже от длины хвоста попрошаек, от красочности выступающего из кошелька гребня. На худой конец, более высокий ранг можно получить за счет накладного гребня кредитных карт «Виза».

5.

Возвращаться Омару в номер, не перекусив и не взбодрившись чаем, совсем не хотелось. Его ноги после сладкого сна были ватными и дрожащими,

как брусничное желе с сахарной бахромой с Базарной площади.

И тут, взглянув по сторонам, Омар увидел знакомого посыльного, что увязался за ним от самого аэропорта. Эти взрослые дети просто кишмя кишели под ногами Омара в поисках хоть какой-нибудь поденщины. Одни якобы вытирали пыль с его туфель. Другие — пыль с места, куда нога Омара собиралась в следующую секунду ступить. А третьи так вообще рвали на ходу подметки: с такой страстью они натирали подошвы, не успевал Омар оторвать их от пола. Желая скорее отвязаться от докучливых попрошаек, Чилим поручил первому подвернувшемуся под руку подростку купить ему в местной книжной лавке какую-нибудь занимательную книжку.

На то он и новый день, чтобы приносить не только новые проблемы, но и новое виденье их решений. Мальчишка так обрадовался свалившейся на него удаче, что в мгновение ока разогнал всех прочих искателей счастья. Но с тех пор везунчик Самир следовал за Омаром как приклеенный, по пятам. Вот и сегодня с раннего утра он дежурил возле гостиницы, время от времени стараясь заглянуть в дверь и попасться Омару на глаза.

Заметив юношу, таково уж свойство памяти, Омар тут же вспомнил, что торговец книгами Абдулхамид не отдал ему в полной мере сдачи. Сославшись, по словам сорванца, на отсутствие мелочи, Абдулхамид якобы попросил подождать до вечера. «Какую выгоду лавочник здесь выискивал?» — задавал себе вопрос Омар. Неужели он надеялся, что чтение так захватит гостя, что в этот же день Омар обменяет шуршащую сдачу на шуршащие страницы продолжения оборванной на полуслове истории?

«Что ж, время продолжения настало», — подумал Омар и подозвал к себе мальчишку.

— Сходишь к Абдулхамиду, торговцу книгами, и возьмешь у него положенную сдачу. Скажешь, что тебя послал я, Чилим-бей... Три четверти отдашь официанту, четверть возьмешь себе.

— Спасибо, господин! — подобострастно раскланялся официант, сполна получивший ответ на все свои подозрения.

— Не за что! — взмахом руки отослал Омар официанта в черную комнату для челяди. Оставшись, наконец, один, он достал из фарфоровой сахарницы два куска рафинада, аккуратно опустил их в чашку и стал молча ждать, пока они растворятся в карих водах, испустив последние пузыри.

6.

От нечего делать он принялся разглядывать пузатый фарфоровый чайник с оттопыренным носиком.

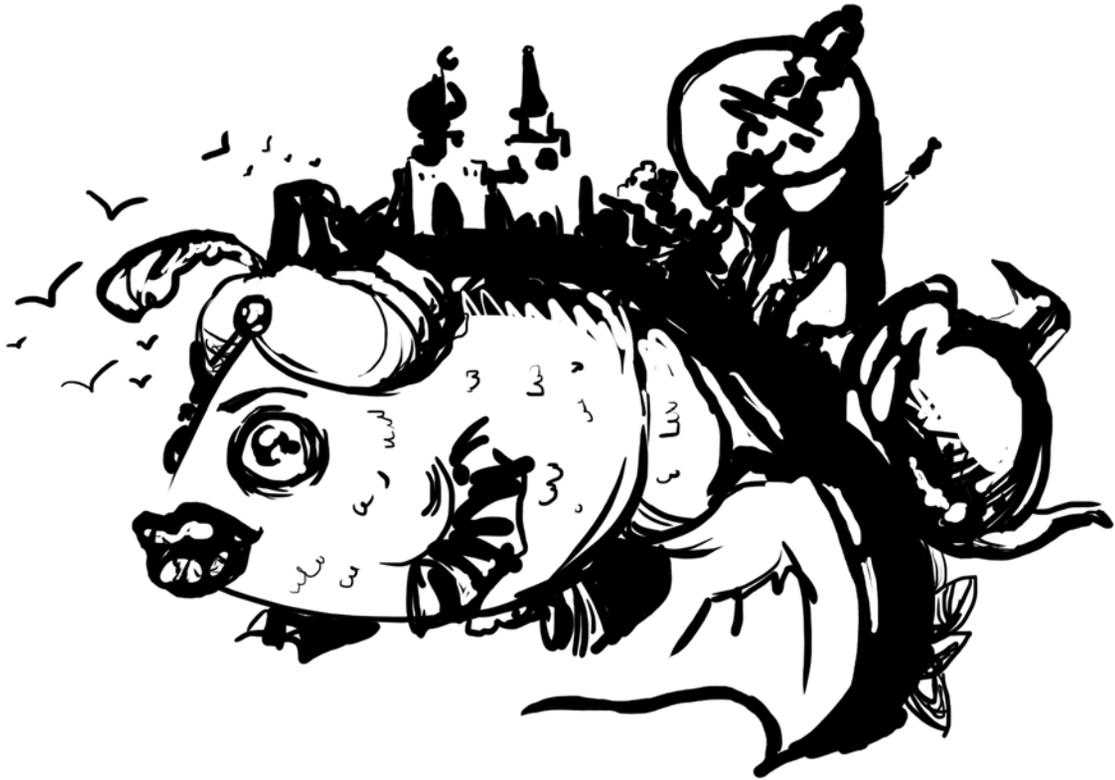

Рисунок Елизаветы Горяченковой

«Чайник от слова “чайка”», — подумал Омар и вдруг вспомнил, что во сне точно о чем-то разговаривал с рыбой. И это воспоминание о беседе с хладнокровной неожиданно взволновало кровь Омара так сильно, что он начал кое-что припоминать. Отдельные детали, не более того...

...Вот рыба приоткрывает свои пухлые, накрашенные коралловой краской губы, словно пытается о чем-то ему поведать. Вот рыба, ударив анальным плавником в знак благодарности, разворачивается и, довольная, уходит восвояси. Но чем довольная? Неужели она договорилась со мной о чем-то очень важном?

Размышляя подобным образом, Омар поднес чашку к пересошим от волнения губам. Напиток был еще достаточно горяч и потому обжег Чилиму нёбо. Омар стал на него легонько дуть, одновременно почесывать свое слегка опаленное ухо и смотреть, как, подталкивая друг друга, разбегаются в стороны круги...

И тут, после полноценного второго глотка, когда горячие волны ударились о стенки желудка, его провало: та рыба рассказывала ему о девочке с карими глазами, что каждый день, утром и вечером, приходит к городскому пруду и пытается что-то высмотреть там. Иногда она дует на воду, отчего рыбам становится не по себе...

Кажется, рыба просила Омара избавить их от этой девочки. И только Омар до всего этого додумался, как пронзительно крикнула распластавшая крылья высоко в небе чайка. А перепуганный звонким кличем официант споткнулся, опрокинув и разбив одну из чашек великолепного персидского сервиза.

Это в равной степени сулило и счастье, и сердечную рану влюбленному соловью, уколовшемуся об острый шип разбитого блюда.

Глава 3

Калиф на час

1.

Но одно дело просьба. А другое — ее исполнение. Как ему найти тот парк, где девочка дует на воду, среди тысячи парков поющих каштанов цветущего Кашевара? С другой стороны — не является ли сон о беседе с рыбой продолжением яви о ланче с карпом? Косвенным подтверждением чему может служить необычная жажда Омара. И может быть, его необычная одежда.

Полный раздумий, Омар поднимался по закрученной арабской вязью лестнице вслед за своими

витиеватыми мыслями, с каждым шагом ощущая, насколько тяжелее становятся его думы и заполненные чаевым илом ноги.

На самом верху перед дверью в номер со спасительной периной он настолько обессилел, что уселся на пол, прямо на ступеньки и затекшие ступни.

— Он такой странный, — услышал Омар всплеск женского голоса слева от опаленного чаем уха. — Знающие люди утверждают, будто он по ночам разговаривает с птицами.

Это болтали меж собой коридорные горничные. Нетрудно было догадаться, особенно после того, как они скрылись за дверью номера Омара, что они говорят о нем.

— Да, я сама своими глазами видела, — вторил ей второй голос, — когда меняла белье... Пойдем, я тебе покажу. — Дальше голоса были неразборчивы...

«Горничные всегда считали себя всезнайками, — поспешно вставая, подумал Омар. — Интересно, что они такого узрели, чего не смог увидеть у себя в номере я?»

От страстного любопытства Омара аж скрутило в три погибели. Боль — ведь где страсть, там и боль — стрельнула в спину, и Чилиму ничего не оставалось, как, согнувшись в пояснице, припасть глазом к замоной скважине.

2.

Эх, говорил же ему врач: нельзя злоупотреблять устрицами, печеночным паштетом и дамами печени при столь слабом собственном здоровье, но он не послушался и теперь вот вынужден, находясь в неудобном положении, подглядывать за собственным номером, полным милovidных горничных.

Более того, эти пери забрались с ногами на пуховую перину, а потом та, что постарше и попухлее, желая явно что-то показать напарнице, сорвала резким движением покров с небольших, но мягких подушек.

Раздался крик удивления. Затем девушки, очень волнуясь и спеша, натянули наволочку обратно. Но даже вид забравшихся на его постель с ногами горячих горничных не мог побудить Омара к активным действиям. Бедный Омар был просто не в состоянии что-либо предпринять в столь пикантной ситуации из-за своего давнишнего недуга.

Он мог только навалиться на дверь и в полусогнутом состоянии, как краб, вползти в комнату. Но, здесь надо отдать ему должное, он сделал вид, что находится в таком полусогнутом состоянии лишь потому, что снимает шлепанцы. Взволнованные девушки тоже по привычке не растерялись и изобразили, что заняты обычной утренней уборкой

номера. Хотя одна из горничных, та, что похудее, увлеклась настолько, что запорхала по комнате, как пушинка, стряхивая мимоходом пыль своим пушистым веничком даже с книги на ночном столике.

Впрочем, убирались они недолго, да и то для видимости. Когда через минуту все трое столкнулись у двери спинами — не положено убираться при постояльце, — одна из горничных спросила, не желает ли чего господин.

Омар попросил принести ему бритвенные принадлежности, точильный брусок и мыльную воду. А сам в это время заглянул в совочек для мусора, в котором, кроме двух перышек, черного и белого, не было ни пылинки.

— Хорошо, мой господин, — покорно прошептала пухлыми губами горничная, та, что попышнее, отчего перья в совке зашевелились.

3.

Когда горничные удалились, Омар уселся на кровать и покрутил в руках бархатную подушечку. Эта была единственная вещь, которую он таскал за собой из города в город. Так захотела его возлюбленная невеста Гюляр.

«Твои сны будут слаще и интересней, — любила говорить она, — так как с этой подушкой видеть меня ты будешь даже далеко от дома. А если я тебе не приснюсь, ты будешь сильно беспокоиться».

При мысли о своей прекрасной невесте на сердце у Омара потеплело. Надо будет ей обязательно привезти что-нибудь из Кашевара, решил Омар, может быть, гранатовый браслет, пусть повеселит ей сердце, или подвески с лунным камнем, что видел, проезжая на такси, в ювелирных лавках, рассыпанных на Базарной площади.

Омар знал, что его возлюбленная более всего хотела получить в подарок полкарата бриллианта на обручальном кольце. Но, будучи убежденным холостяком, Чилим гнал от себя любые мысли о женитьбе. Ему было неприятно представлять, как загорятся глаза Гюляр при виде футляра, похожего на ее бархатную подушечку. И как они разочарованно потухнут, когда она, открыв футляр, обнаружит лишь яркий свет сверкающих на подвеске камней.

«Может, я, подсознательно откладывая момент свадьбы, с такой радостью отправился в эту командировку? И по той же причине вместо покупки украшения первым делом пошел на вечер к консулу?» — задавал себе вопросы Омар, вспоминая, как Гюляр плакала, отпуская его в поездку.

— Ты позабудешь меня и изменишь мне в Кашеваре на третий день четыре раза, а четвертый раз, возможно, будешь в роли женщины, поскольку твоя

профессия одна из двух самых древних, — изводила она его и себя ревностью.

— Почему всего четыре раза? — хохоча, подливал огонь в масло Омар.

— Потому что сам ты — четвертая власть, — впадала в истерику Гюляр. Она была уверена, что Омар журналист лишь потому, что его отправили в Кашевар фотографировать зоопарк. Объяснять, чем он занимается в фонде, Омар считал излишним, потому что сам толком не знал, чем он занимается.

4.

Вообще в последнее время — вот дурное предзнаменование! — их ссоры стали слишком частыми. Гюляр ревновала Омара к каждому почтовому ящику и умудрилась устроить жуткий скандал из-за нанятой Омаром домработницы. А потом эта приятная поездка, в которую Гюляр все никак не хотела его отпускать. Просто вцепилась шипами своих коготков в горло изо всех сил и ни в какую не ослабляла хватки...

Глупая, как она не могла понять, что только она и ее рукоделие были по-настоящему дороги сердцу Омара? А потом, он так привык к ее мягким подушечкам и к ее золотым ручкам, что уже не мог без них заснуть. Странно, что такого необычного горничные нашли в самой обычной рукодельной подушке? Может быть, надпись? На наволочке золотыми нитками было вышито имя его дорогой Гюляр, как подпись под дарственными словами: «СНЫ — ЭТО ИЗНАНКА ЯВИ, А Я — ИЗНАНКА ТВОИХ РАЗВРАТНЫХ СНОВ О ДРУГИХ».

Расстегнув тугие пуговички бархатной малиновой наволочки, Омар стянул ее с подушки. Самая обычная серая, набитая пухом, подушечка. Ничего не оставалось, как прочитать надпись еще раз. А потом и еще раз, на восточный манер задом наперед. Впрочем, и эта абракадабра не помогла.

«Может быть, следует прочитать это заклинание, прислушиваясь к голосу своего сердца?» — подумал Омар. Затем он расправил наволочку, закрыл глаза и провел пальцем по надписи, как это, читая, делают слепые.

И тут его озарило: впервые за долгие мгновения разлуки он видел во сне не свою невесту, а другую женщину. А еще девочку, дующую на воду. И это не могло не усилить биение сердца Омара.

5.

Резкий стук в дверь заставил его сердце заколотиться еще сильнее. Должно быть, это горничные принесли бритвенные принадлежности. И чего они так

смугились, сделали вид, будто убираются и уже собираются убраться, как говорится в одной курдской скороговорке. «Что они такое видели, чего не смог увидеть я?»

— Войдите, — попросил Омар, поспешно накрывая подушку покрывалом.

— Эфенди, — в приоткрытую дверь просунулась голова посыльного мальчишки, — мне надо вам кое-что сказать.

— Проходи, проходи, — позвал Омар, — не стесняйся.

Мальчишка вошел в комнату, но тут же смущенно остановился, пряча руки за спиной.

— Ну, что случилось? Ты отдал официанту деньги?

— Нет. Торговец книгами велел вам отдать вот это, — и юнец, вынув руки из-за спины, протянул книгу в тисненном кожаном переплете.

— Ох! — возмущился Омар. — Что за странные люди! Если в их руки попадают хоть какие-то сомы, они из кожи вон вылезут, чтобы уже не выпустить рыбку назад.

— Торговец книгами Абдулхамид-ага сказал, что вы будете ему благодарны. Он сказал, что это другой вариант истории, которую вы купили сегодня утром, и потому он вам ее отдает почти даром.

— Что еще сказал этот упрямый книжный баран? — Омар уже не мог сдерживать своих эмоций, слишком напряженным выдалось сегодняшнее утро. — Как у него язык не отсох? Быть настолько высокомерным в своих словах!..

— Он сказал, что в одной из двух книг верный, а в другой — неверный вариант истории. И что вы сами должны решить, брать вам эту книгу или нет. Если вы не захотите ее брать, сказал ага, то сможете уже к полудню получить причитающиеся вам деньги.

— А ну-ка иди сюда, — подозвал Омар мальчишку ближе. — Тебя ведь зовут Самир?

— Да, господин.

— Скажи, Самир: торговец книгами — он со всеми своими клиентами любит так шутить?

— Проворачивает ли он со всеми такие номера, хотите вы узнать? — улыбнувшись, будто понимает, о чем идет речь, переспросил Самир.

— Ну, что-то в этом роде, — сказал Омар, а сам подумал, что торговцы в Кашеваре — люди не промах.

— Не знаю, — еще хитрее улыбнулся Самир. — Никогда ни от кого из посыльных не слышал о чем-нибудь подобном.

— Хорошо, где находится лавка Абдулхамида? — нахмурился Омар Чилим. — Я с ним сам потом разберусь!

6.

Вообще с местными прощелыгами надо держать ухо востро. Например, здешние таксисты имеют гадкую привычку везти не в ту сторону, в которую вам нужно. Это Омар понял, когда таксист привез его совсем не в тот отель, где у Омара был бронирован номер, а в тот, где заплатят самому таксисту. На возмущение Омара таксист заметил, что он вообще не знает отеля, о котором говорит Омар. Точнее, не «не знает», а знать не хочет, ибо в этом отеле живут только наркоманы и проститутки, а сама гостиница в очень опасном для иностранцев районе. Там убивают и насилюют прямо в номерах. И вообще, она, кажется, сгорела, подвергшись атаке террористов. Или вроде, как он слышал, ее закрыла санэпидемстанция, а дорогу перекрыли в связи со строительством метро.

Пришлось Омару громко кричать, что если сейчас же таксист не отвезет его в отель «Чайная роза», то он поедет туда на метро.

— Но в Кашеваре метро еще не вырыли! — удивился таксист разъяренности Омара.

— Ничего, поеду на тоннеллепроходческом комплексе, — заявил Омар, — все получится быстрее!

После этого заявления пришлось таксисту везти Омара по нужному адресу. Но все равно по пути он заехал в магазин, торгующий коврами, — всего на пять минут, чтобы решить срочные-неотложные дела с кумом-сватом-братом. И в эти пять минут Омару, конечно же, предложили осмотреть коллекцию красочных ковров и что-то приобрести. А уж если бы Омар купил какой-нибудь ковер, таксист, сто процентов, получил бы свои комиссионные.

Так и Самир, как мальчик на побегушках, наверняка в сговоре с местными торговцами и имеет от них свой процент. Возможно, он даже приходится родственником Абдулхамиду. «Как я сразу не догадался, — подумал Омар. — Если я и дальше буду позволять себя обманывать, то меня могут нагреть и с билетами в зоопарк, и в ресторане, и везде по списку».

7.

— Самир, — обратился Омар к мальчишке, — ты, конечно же, не знаешь, какая из этих историй правдива, а какая с ложным привкусом?

— Нет, вы сами должны решить этот ребус для себя! Так сказал ага, и пусть вам улыбнется после вашего решения Аллах в виде удачи!

Омар встал, подошел к посыльному и взял книгу из его рук. Внешне это была точно такая же по размеру, в тисненой крашеной коже эрзерумских быков книга, что ему довелось купить утром. В названии

значилось: «Необычайные приключения Благородного Принца Кашевара Алмаза I на великой шахматной доске». Автор указан не был. Только вот цвет переплета был другой: не пепельно-красный, а грецко-ореховый.

Открыв оба фолианта на середине, Омар сравнил несколько фраз. Первое, что бросилось в глаза Омару, — это то, что некоторые действующие лица были одни и те же, словно они кочевали из книги в книгу. А стилистика варианта, читаемого накануне, была намного изысканней. Обычно изысканность, выражаемая в образности и неповторимом слого, как подлинность, теряется при частой переписке, решил Омар, заранее отдавая предпочтение начатой уже книге.

Он еще помнил, что это была обычная макала, — такие истории часто рассказываются коахинами на базарной площади, — что-то среднее между поучительной притчей и сказкой, повествующей о счастливой стране Кашеваре, прекрасные обитатели которой жили, не зная горя и бедности, не ведая алчности и зависти. И поэтому их сердца никогда не омрачала печаль. Правил этой благословенной, вечно юной и прекрасной, не знающей недостатка каменной страной, как и положено, падишах всех камней Рубин Великолепный. Но самой большой радостью для правителя являлся его сын Алмаз I. Он был не по годам зрел. Не по годам крупен и хорошо сложен. Но главное, Алмаз был кристально прозрачен сердцем.

«Его помыслы были чисты, а душа светла!» — так высокопарно и торжественно было сказано в книге о юном принце:

8.

«Принц Кашевара Алмаз-ибн-Рубин Первый, действительно, все шестнадцать лет, проведенных им под благочестивым горным небом Кашевара, не подозревал о том, что кому-то это небо может быть не в радость.

Алмаз-ибн-Рубин Первый не знал ни смерти, ни голода, ни холода. О смерти ему просто не говорили. Холода в его стране не было. А на голод его научили не обращать внимания обильными подношениями, или, говоря по-простому, подносами, полными вкуснейших яств, и кувшинами, наполненными сладкими напитками.

Его отец, Рубин Яшел Зумруд Шестидесят Четвертый, хотел вырастить полностью счастливого наследника, дух которого не был бы омрачен ни одной скверной на земле. Чтобы душа его не замутилась и продолжала во веки веков сверкать всеми гранями. И тогда по достижении Алмазом шестнадцатилетия и во исполнение своей мечты Рубин

Великолепный, красовавшийся на пальце у самого эмира и желавший счастья своему отпрыску, отправил его на учебу в Альпину. Но на самом деле, отправляя Алмаза Первого в страну самых надежных дверей и сейфов, Рубин Великолепный преследовал две цели. Во-первых, он хотел уберечь сына от смерти и порчи, от старости и разрушения и вообще от всех невзгод. От знания того, что за пределами Альпинии, за ее толстыми высокими стенами-горами и непроходимыми, как и в Кашеваре, лесами существует бедная, даже нищенская жизнь. А во-вторых, падишах Кашевара, желая отпрыску Алмазу участи, достойной всех знатных камней, надеялся найти в Альпинии равную пару своему сыну, ведь говорили же, что нет прекрасней девушек, чем те, что охраняются толстыми стенами Альпинийских гаремов.

Но по пути в Альпину случилось непредвиденное. То ли Алмаз Благородный так влюбился в пальчики инфанты, дочери Визиря, что очень привык к ним, то ли просто не хотел покидать родину, но в любом случае он ухитрился выпасть из бархатного мешочка, выйти за перламутровые ворота оберегающей шкатулки и столкнуться нос к носу с пылью. Так Алмаз Первый узнал о смерти, ведь все, что создано из земли, без искры Божьей рано или поздно превращается в пыль.

И еще он увидел, как бедно и несчастно живут люди. Многим из них нечего есть и пить, многим нечем растопить свой очаг, чтобы согреть жилища, негде лечиться. Многие заражены проказой и мучаются в агонии, умирая от своих болячек.

Не зная, где найти приют раненой душе, Алмаз стал бродить по миру, переходя из рук в руки. И нигде он не находил утешения. А везде встречал лишь смерть, подлость, кровь и убийства. Начиная от казненной Марии Антуанетты и убитого турецкого султана Абдулла-Хамида и заканчивая неким Симоном Монтаридесом, экипаж которого вместе с женой и ребенком упал в пропасть, и некой мисс Э. Маклин, найденной мертвой в собственном доме без малейших следов насильственной смерти. И везде, куда бы ни попадал Алмаз, он сталкивался с унижением духа. Он видел суть человеческую с черной стороны. Ибо не раз его прятали в задний проход или воющий рот. Он видел, как из-за него совершаются страшнейшие преступления.

И вот тогда, собравшись с последними силами, Алмаз решил помочь простому бедному человеку. И затерявшись в очередной раз в толпе, попал в руки бедному дворнику, мечтавшему иметь утешение собственной старости, благодарного сына, что был бы ему опорой и явился бы подмогой в уборке улиц.

Так Алмаз решил переклассифицироваться из Благородного в Благодарного».

9.

Далее шел рассказ о самосовершенствовании бедного странника. Как, нещадно работая над собой, Алмаз из неопытного прекрасного юноши превратился в великий бриллиант. Получив огранку, стал опытным мужем. И, в конце концов, сполна оказав помощь старику и многим другим встречавшим его страждущим, но поняв, что все его старания не приносят утешения, Алмаз I путем семеричного обмена и просветления попал в верхнюю чакру Будды, в лоб самого величественного истукана-изваяния в Индии.

Для Омара не составило большого труда понять, что это повествование о драгоценном камне рассказано западным летописцем, так как в нем угадывается буддийская история. А для Западного мира Восток — это, прежде всего, буддизм. К тому же в истории Алмаза I прочитывалась история самого знаменитого драгоценного бриллианта «Хоуп».

Захлопнув книгу, Омар пошел прочь из парка буквиц — в свои сладостные сны. Он любил почитать занимательные книжки перед сном, так как истории-снадобья успокаивающе действовали на нервы. А некоторые даже умудрялись устраивать массаж мышцам лица — так искусно они были написаны.

Впрочем, то было утром, а сейчас Омар решил размять свои мозги новым ребусом. «Надо будет, ради забавы, сравнить оба варианта-фолианта», — решил для себя он, отпуская мальчишку.

— Иди с миром, — сделал благородный жест Омар, — но передай торговцу книгами: если я не обнаружу в книгах никакой принципиальной разницы и достаточно сложной задачи для ума, ему не сдобровать.

— Хорошо, — сложил у груди руки Самир.

— Надеюсь, он заплатил тебе за твоё дерзкое предприятие. — Омар был все еще разозлен. — Иди же и больше не попадайся мне на глаза.

— Что-нибудь еще, господин? — спросил Самир.

— Да, и скажи официанту, что я расплачусь с заведением во время ужина.

Глава 4

Лошадь Пржевальского

1.

Почему-то работа толком не шла. Даже кричать, зазывая клиентов на свой тарантас, звонко и радостно не получалось. Голос неуверенный и сиплый, будто

я какой воришка и кричу: «Держите вора!» Все мысли только об этой золотистой шкатулке в кармане. Сколько, интересно, за нее можно выручить, и как ее сбыть, если не удастся найти хозяина?

Не знаю, случилось ли с вами нечто похожее. Например, в обыденное серое утро, когда вы нехотя тащитесь на нудную низкооплачиваемую работу и вдруг у выхода метро находите дорогой телефон. Подбираете и прячете в карман — с одной мыслью: «Неужели и мне наконец повезло? В кои-то веки!» Хороший телефон, модный, дорогой, с наворотами. И главное, потерял его кто-то на улице, а не в кинотеатре, где полно камер наружного и внутреннего наблюдения: объективов, нацеленных на тех, кто тайно приходит снимать новый блокбастер о борьбе хороших и плохих парней.

Но вы себя плохим парнем отнюдь не считаете. Скорее наоборот, вы видите себя лихим ловцом удачи. «Сейчас, — думаете вы, — сдам мобилу фарцовщикам-скупщикам и бац — погуляю с девушкой или кутну с друзьями». Тем более скупщики телефонов — вот они, тут как тут — стоят у перехода с картонными объявлениями: «Куплю телефон. Дорого».

Дорого — это слово особенно цепляет вас. Дорого — это сколько? Хватит ли этого «дорого», чтобы позволить себе, наконец, осуществить хоть одну из своих маленьких фантазий? Например, выпить фруктового чаю в кафе и накуриться фруктового табака из кальяна. Или купить в гипермаркете всякой ненужной всячины, на которую давно положил глаз, — кастрюль и сковородок, например. Да хотя бы раскладной швейцарский нож, который раньше ты себе любимому позволить не мог.

Да мало ли? Но в то же время вас мучает совесть, вам неприятно сознавать, что эта камера — с ярко светящимся дисплеем-окном — не из вашей, а из чужой жизни. Что на мобиле номера незнакомых вам людей, стоит набрать — и вы услышите абсолютно чужой для вас, но близкий владельцу телефона голос. И еще что в камере, возможно, фото его машины, дачи, детей, жены. Возможно, даже обнаженной жены. Такое чувство, будто вместе с телефоном вы украли у этого Маши-растеряши частицу счастливой жизни. Нахрапом, нагло оттяпали кусок чужого счастья и семейного благополучия. Отчего вам на мгновение становится хорошо и весело, а потом появляется тяжесть в животе и тошнота.

Ведь у вас ни машины, ни дачи, ни красавицы жены, ни детей. Вы вообще живете не так, как хотели бы. В кармане вы сжимаете еще теплый телефон с цифровым кодом-паролем для входа в чужую жизнь. За пазухой щемит, телефонная батарея сладостно греет душу.

2.

Ночью холодно. Я оставляю кибитку на улице Стремянной — на огороженной забором площадке одного из долгостроев. Снесли какой-нибудь шедевр номер 7, а построить собираются современную бездушную стекляшку вроде «Ак-Барс банка», что через дорогу. Стремянная — как будто специально название для нас, лошадей.

— Эй, зверье, смотри, куда прешь! — кричит мне охранник стоянки в униформе. К нам, черным, он всегда так. Отрывается!

Не обращая на него внимания, я стреноживаю трехколесную тачку. Затем смешиваюсь с толпой и спешу в сторону Гостиного двора. Кстати, о зверях — есть тут через здание «дом со зверями». С чудесными рыбами и змеями по краям окон второго этажа, с птицами-стражами у парадного входа, с дремлющими совами на четвертом. Это мой любимый дом в Питере. Сейчас в темноте причудливые фигуры почти не видны, но я знаю: они есть даже на карнизах.

А клиентов наверняка уже нигде нет. Ждать возле театра больше не было никакого смысла. Все давно разошлись. Стоять с моим тарантасом у ночного клуба — занятие почти такое же бессмысленное. Современная молодежь не имеет аристократических замашек. Если они и взберутся на меня, то скорее покуражиться и побеситься. Топтаться после полуночи возле дорогого ресторана — все равно что пальцем в небо. Неизвестно, есть ли в этом заведении вообще кто-то из посетителей, думаю я, по инерции заглядывая в окна «Фасоли», что на Гороховой.

К тому же если я промедлю, то, возможно, не успею на последнюю маршрутку. От метро до общежития они прекращают ходить около часа ночи. Да и метро вот-вот закроется. Придется, о бедные мои ноги, переться минут пятьдесят пять пехом.

А фасоль и чечевица — еда бедняков и лошадей. Вспомнив, как мы валялись на гороховом сеновале у себя в Гулизоре, я однажды заглянул в этот ресторан. Как заглянул, так и дальше пошел. А вообще, на Гороховой полно недорогих заведений вроде «Пышки и пудра» от «Веселого пекаря» или «Пельменных» столовых от «Диеты 18».

Но все же, если тебе восемнадцать, пельмени дешевле варить дома. Перед тем как отправиться к себе, я захожу в круглосуточный супермаркет «Дикси» купить на ужин кефиру и пельменей. Обычный вечерний ритуал холостяка. У нас в районе так поздно уже ничего не купишь.

На входе в магазин смуглая девушка собирает принесенную с улицы грязь, ловко орудуя шваброй. Я сразу узнаю в ней кашеварку. Подтерев лужи, она меняет лежащий под ногами промокший

картон на сухой. Нищета заставляет моих соотечественников быть тряпками и подстилками на порогах сытной и богатой жизни. В магазине, в ущельях между прилавками, я чувствую себя как дома, в Кашеваре.

Я знаю, если я хочу сбегать мобилу, мне нужно слиться со средой и, став незаметным, поскорее избавиться от симки. Но с другой стороны, нужно еще просчитать, что дороже: сдать телефон фарцовщикам или вернуть хозяину вместе с симкой, которой он наверняка дорожит. А вдруг мой недавний клиент — олигарх и в благодарность предложит мне хорошую, стоящую работу, когда вернется?

От одних радужных мыслей об открывающихся перспективах на лбу выступает испарина, а ноги делаются мягкими, как промокший картон.

3.

Нет! — принимаю я решение. Не буду выкидывать симку, а прямо сейчас свяжусь с хозяином или его близкими и сообщу, что телефон в надежных руках. Для этого нужно покопаться в телефоне, пролистать записную книжку и сообщить о найденной пропаже подходящему человеку из окружения владельца.

Но, кумекаю я, если я сейчас, в такой стремной, обрызганной машинами одежде достану этот дорогой телефон, то неминуемо вызову подозрения. И я начинаю осторожно оглядываться по сторонам: а нет ли рядом охранников или, что еще хуже, камеры наблюдения. Я боюсь, вдруг где-то рядом ходит мент в штатском? Маловероятно, конечно, но все-таки какой-то процент есть. Завидев меня с таким телефоном, он тут же попросит предъявить питерскую прописку или регистрацию, которых у меня отродясь не было.

Подсознательно я понимаю — мне нужно спрятаться в хозяйственном отделе, где торгуют всяким домашним хламом. Только дома мы чувствуем себя по-настоящему защищенными. Я сажусь возле пластиковых ведер на пластиковый стул. Я хочу спрятаться в мире резиновых сланцев, детского лото, гладильных досок и бигуди, в мире пластмассовой дружбы и резиновой любви.

Вот, уже уверен я, сейчас загляну в открывшееся окно и увижу чужую жену в бигуди и в домашнем халате. Но, к моему разочарованию, в телефонных фотофайлах нет ни одного намека на домашний уют. Все фото сделаны, кажется, в один и тот же день на улице. Точнее даже, в каком-то парке. Я листаю картинки с фотографиями цветов, машины, малыша и красавицы, которая аж вся изогнулась, пытаясь представить свои формы в выгодном свете. Для этого она сняла домашний халат и надела лосины.

Девушка смотрит прямо — глаза в глаза, открыто, радостно, призывно. И даже седан «Ситроен» смотрит, не моргая и, кажется, улыбаясь. Только трехгодовалый малыш, никому не позируя, согнулся над цветком. Ему стрекоза-лепесток гораздо интересней.

4.

Но тут телефон предательски завершал и стал дрыгаться, словно запеленатый в подкладку кармана малыш. Он всячески старался привлечь к себе внимание, отчего я жутко напрягся. Реагировать или сделать вид, что это золотой ребенок не имеет ко мне никакого отношения? Что он подкидьш?

Обнаружся у меня грудное чадо, кто мне, с моей внешностью, поверит, что я не цыган-люля, похищающий из люлек детей? Но, с другой стороны, надо что-то делать. А вдруг это объявившийся хозяин вопиет о своей потере и слезно, через мистическую связь, умоляет вернуть свое дитя? Или это служба безопасности, сбившиеся с ног оперативники пытаются выяснить и высчитать, где географически находится похищенный ребенок? Вдруг хозяин мобилы — крутой мент или начальник какой-нибудь спецслужбы? А тут еще продавец-консультант услышал писк малыша и направился ко мне на помощь.

Собрав всю силу воли в кулак, я принял звонок. Не выкидывать же в мусорку, а тем более не подкидывать малыша, как последний мерзавец, под чужую дверь. Мы же не звери, чтобы признавать только своих детей, даже если половых ковриков здесь целая тележка, а мусорные пластиковые ведра засунуты одно в другое.

— Алло! — кричу я в молчащую трубку. — Алло, говорите!

В крайнем случае, если разговор будет затягиваться, звонок всегда можно удушить подушкой пальца. Но к моему великому облегчению, напугавшим мое сердце звонком оказалась СМС. Точнее, череда СМС, которые шли одно за другим.

Поистине, когда у страха глаза велики, время тоже неимоверно расширяется, а пространство — понятие относительное. Увидев, что я разговариваю по телефону, консультант сделал вид, что он шел за бигуди. А я, оторвав трубку от уха, читаю открывшуюся эсэмэску. Одно выразительное слово: «Сука!»

5.

«Сука!» — передернуло меня так, как будто, посмотревшись в зеркало, я увидел свое испачканное лицо или, занимаясь непристойным делом, вдруг понял, что за мной подглядывают.

Кому адресовано это слово? Кто его прислал? — расстраиваюсь я, хотя, скорее всего, это не послание — крик души, и его не стоило принимать близко к сердцу.

Но так уж устроена наша совесть, что, если мы чувствуем хоть толику своей вины, мы готовы вернуться над собой жестокий самосуд.

Расстроенный, я выхожу из хозяйственного отдела. Если это слово-обвинение адресовано мне, то оно вполне заслуженно. Копаюсь в чужом белье, я и так чувствовал себя воришкой.

Хотя почему воришка? — включается мой внутренний адвокат, готовый в любой момент переспорить-перекричать совесть. Разве я украл, а не нашел этот телефон? И разве у меня нет оснований не обращаться в полицию и не доверять окружающим, а самому по фото и номерам искать хозяина?

И почему обвинение адресовано конкретно мне? — начинает успокаивать обоих спорщиков разум. Если это обвинение сгоряча бросил клиент, то он вполне мог его бросить потенциальному вору-карманнику, решив, что его обокрали в толпе на перроне.

А мне и вовсе нет причин расстраиваться!

Но сердцу не прикажешь. Оно, как то зеркало, указывает именно на мое замаранное лицо. Вот что значит пойти против себя, против своего воспитания и своих убеждений.

Совсем подавленный, я спускаюсь в подвал-кафе на Казанской и, изменив своим правилам еще раз, заказываю фруктовый чай с сахаром. Пойманный за руку, я продолжаю сопротивляться. Хочу дойти до самого дна и ощутить всю сладость своего падения.

Вот они, муки совести. Вот они, страшные жернова самосуда. Здесь, в кафе, я могу спокойно читать. К тому же у меня сегодня неплохой куш: сто евро и золотая коробочка. И душа требует их тут же спустить — то есть от них отказаться.

6.

Теперь я уже без опасения изучаю попавшуюся мне шкатулку. Телефон действительно оказался очень дорогим — с отъезжающей вверх панелью. На большом мониторе красовались две надписи: слева, напротив зеленой кнопки, «Честь и слава», справа, напротив красной, — «Счастье и богатство».

Это что? — удивляюсь я. Опять послание мне? Мол, что я выберу. Богатство, но бесчестие?

Вопору снова начать паниковать. К счастью, как мне скоро удастся выяснить путем нажатия кнопки меню, надписи всего лишь были заставкой. Да и сообщение «Сука» было адресовано не мне, а самому Грегору Стюарту от его девушки. Я выяснил это,

прочитав все пришедшие СМС. Они были посланы с одного и того же телефона.

«Дорогой, милый мой Лео Грегор Стюарт, — прочитал я в первой СМС. — Я подумала над твоей просьбой и спешу тебя разочаровать. Меня порадовала твоя абсолютная уверенность, что я вернусь и буду, как и прежде, безропотно поливать цветы, штопать носки и кормить твоего Элиота, ожидая, когда ты нагуляешься и вернешься из очередной романтической командировки или от очередной шлюхи».

В следующей эсэмэске я прочитал: «Хватит, пусть теперь за тобой следят твои многочисленные бабы. Я, как и ты, решила развеяться и отправиться отдыхать в более теплые края, но, думаю, ты не очень расстроишься и быстро найдешь мне замену».

Далее следовала эсэмэска: «Тебе ведь было скучно и неудобно с хозяйственной и заботливой женщиной вроде меня, Леонардо».

«Я не приду ни завтра, ни послезавтра. Это мое последнее слово. И пусть твоего Элиота и тебя заодно кормит другая», — читал я следующую эсэмэску. Видимо, у отправительницы разыгралась истерика.

«Прощай, Леонардо Грегор, и прошу тебя, больше не беспокоить меня своими звонками. А дабы не дать тебе шанса меня третировать и расстраивать, я меняю свой номер».

И еще одно напоследок, чтобы, видимо, окончательно отвадить хозяина мобилы: «Дорогой Грегор, не обижайся, но вопреки твоей полной уверенности во мне я не смогу присмотреть за Элиотом. Непредвиденные обстоятельства. Я тоже отправляюсь на юга, помнишь, я говорила, что собираюсь. У меня появился бойфренд, и я надеюсь, что буду с ним счастливей, чем с тобой. И вообще, не пиши мне больше. Оставь меня в покое. Моего нового молодого человека это очень нервирует».

7.

Что же так взбесило женщину? — удивлялся я. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы разобраться в интерфейсе и покопаться в архиве отправленных сообщений, из которых я выяснил, что Леонардо Грегор Стюарт очень просил свою девушку вернуться или, по крайней мере, покормить кота, которого она так любит. Кроме обращений к ней других сохраненных СМС не было.

«Почему ты не берешь трубку, зайчик? Я вылетаю по очень срочному делу в одну восточную страну. Поезд через пять минут. Вся надежда на тебя, зая. Покорми, пожалуйста, Элиота».

«Ключи, как ты помнишь, киска, под ковриком, а деньги на продукты, карманные расходы и кор-

между Элиота — как обычно, в столе. Целую, твой Леонардо».

«Милая, ну хватит, прекращай дуться на меня! Холодильник я наполнил устрицами и креветками, как ты любишь, котик!»

Далее Грегор настоятельно просил не экономить и покупать Элиоту только самый отменный корм по списку, приложенному к деньгам.

И еще тысячу раз Стюарт выражал сожаления по поводу своего «непотребного поведения», многократно клялся в своей любви и преданности. А еще сообщил, что уволил с треском ту домработницу, что чуть не разрушила своим нескромным поведением их отношения.

И опять сто двадцать пять раз, что он очень расстроен и сожалеет. И что надеется, что его птичка — ох уж эти пошлые ласково-звериные обращения! — простит и вернется. Не погибать же Элиоту и цветам.

Действительно, не погибать же. Я стал называть зайке-курочке-киске, которая оказалась очень близка со Стюартом и как никто другой, видимо, была в курсе всех его дел.

Но птичка-питончик-тушканчик — вероятно, такая же участь постигла самого Грегора, — не отвечала. Точнее, вместо хомячка другой женский голос, набравший зерен за щеку, говорил о том, что абонент недоступен или отключен.

8.

Зачитавшись перепиской, я не заметил, как прошло полчаса. Мой рабочий день и так поздно заканчивается, а сегодня из-за благотворительной (благоотвратительной) премьеры в театре с непременным фуршетом он, похоже, начался только после полуночи.

— Мама родная! — опомнился я, взглянув на часы. — Метро-то уже давно закрыто!

Опять придется тащиться до частного сектора пешком да еще при опасности получить в тыкву от скинхедов. А ноги — словно к ним подвесили гири на цепях, гудят, как у каторжного.

И тут у меня появилась крамольная мысль переночевать в жилище Стюарта, тем самым оказав хозяину — теперь я называл его не иначе — еще одну неоценимую услугу. Я знаю, где находится его квартиры, куда выходят окна и где ключи. Я знаю, что сегодня наверняка никто к нему уже не придет. К тому же он просил приглядеть за Элиотом и цветами.

Я вдруг понял, что это шанс пожить в квартире, в престижном районе рядом с театром, ресторанами, ночными клубами. А значит, и рядом со своей работой. Не надо будет каждый день, опоздав в метро, переться в рабочее общежитие на окраине. Не надо

платить каждый день по сто рублей за койко-место. За месяц, если подсчитать, накапливает четверть месячного заработка.

А тут я смогу спокойно пожить и последить за котом. А в случае чего — объяснить неожиданно явившемуся незадачливому Леонардо, что лишь хотел услужить: посмотреть за вашим котом и фикусом, так как ваша девушка послала вас, сэр, на три буквы. Не погибать же бедному животному от голода, в конце концов. Главное, ничего не брать. Там, в квартире, убеждал я себя, покопавшись в личных вещах, я смогу понять, как связаться с самим хозяином телефона.

Но одно дело — мысль, прокрававшаяся в душу, а другое — набраться храбрости и заставить себя самого пробраться в чужую квартиру. От тепла кафетерия у меня закружилась голова. Ноги отказывались слушаться, но я все же нашел в себе силы встать с высокого стула.

9.

Через десять минут я уже был у запомнившегося дома. Код в парадную я определил по стертým клавишам. Если все время дотрагиваться пальцами до железки, то она быстрее полируется. Этаж я уже знал. Осталось только, подняв кучу пыли, перетряхнуть коврики перед тремя квартирами, под одним из которых действительно лежал массивный ключ.

Трясущимися от усталости руками я просунул ключ в замочную скважину, как свои последние пять копеек в игровой автомат. Слово медвежатник, я пытался крутить ручку сейфа и влево, и вправо, но массивная стальная дверь в сладкую жизнь не поддавалась. На лбу в который раз за вечер выступила испарина.

Если вдруг соседка-домохозяйка выглянет в глазок и увидит, как я копаюсь в чужой замочной скважине, то она неминуемо вызовет милицию. И тогда придется мне опять полагаться на свои ноги.

Но тут мне в голову пришла мысль помолиться. Я сложил ладони, держа связку, как четки с минаретиком, прочитал молитву и даже приложился к ключам устами, а потом приложил ледяную связку к горячему лбу, смочив ключ слюной и потом.

Чудо не чудо, но мне это помогло, и я немного успокоился. А когда вновь стал вращать ключ, замок, скрипнув, поддался. Поворот, еще поворот, и вот я уже, как бык, вваливаюсь в темную квартиру и тут же прикрываю за собой дверь.

Фу, кажется, пронесло. Какое-то время ушло на то, чтобы отдышаться, присев на корточки, и привыкнуть к темноте. Незнакомый, приятно-острый запах чужого цивилизованного жилья щекотал ноздри.

Успокоившись, я начал искать выключатель, шаря по стенам ладонями. В какой-то момент мне показалось, что я нащупал некую кнопку. Но когда я нажал на нее, ничего не произошло. Только сверкнули искры глаз из глубины комнаты. Должно быть, это проснулся Элиот.

Уподобляясь животному, я решил пройти в комнату на ощупь и уже при свете луны, проникшем в окно, найти какой-нибудь источник электричества. Скинув ботинки и по-кошачьи мягко ступая, я прокрался вглубь. Пол подо мной, как я ощутил, был теплый и ворсистый. Не иначе с подогревом и с ковролиновым покрытием.

— Ну здравствуй, друг, — усевшись неподалеку от горящих глаз, я откинулся на мягкий остов дивана. — Теперь я буду тебя кормить.

Гладить незнакомого насторожившегося зверя я посчитал излишним.

10.

И тут меня охватил приступ дикой радости оттого, что я могу вот так, скинув штiblеты, вытянуть горящие ноги и запросто развалиться на полу комфортного жилища в самом центре города. Сейчас я засну и выплусь, не заморачиваясь по поводу обратной дороги. А завтра с утра мне не придется вставать на работу ни свет ни заря.

Я гордился тем, что у меня хватило силы духа и сообразительности проникнуть в чужой мир, а не тащиться в свою конуру на другой конец города. Что я нахожусь в квартире один, а не с кучей вонючих собратьев-гастарбайтеров, ибо частенько в нашей с Мухой комнате проводили ночи наши многочисленные земляки. В конце концов, просто тем, что я сэкономил — на жетоне метро и на проезде в маршрутке.

А когда вернется хозяин, я верну ему телефон и попрошу чаевые за присмотр за котом, за уборку и кормежку. Я ведь не собираюсь ничего воровать. Не собираюсь свинячить. А если соседи спросят, кто я, то я всегда могу сказать, что меня наняли присматривать за квартирой. Или делать ремонт.

Вот это удача! Если повезет, этот маневр можно будет провернуть еще не один раз и пожить здесь не один день. Я чувствовал себя диким животным, обхитрившим всех. Вроде бы и живущим за счет других, но совершенно независимым, смелым и свободным. С этим чувством полного удовлетворения я начал засыпать прямо на полу, раскинув ноги и руки, словно отмечая захваченную территорию.

Сказывались и усталость, и нервное напряжение. А еще теплый ковер подо мной, на котором можно было развалиться, как принято в Кашеваре.

Уже засыпая, я понимал, что мне снится мой родимый край. Край, откуда берут начало серебристые могучие реки и где растут рясистые яблони. Здесь, в холодной стране, мне часто снился Кашевар. Но впервые он мне снился так, будто я живу в Кашеваре, одновременно находясь в европейских условиях. И ничуть об этом не жалею.

Глава 5

Прогулка по Кашевару

1.

Не успел мальчик уйти, как в дверях появилась горничная. Девушка принесла поднос с двумя кувшинами с мыльной мертвой и чистой живой водой, два полотенца — шелковое и хлопковое, кисточку с резной деревянной ручкой в чашке из слоновой кости, острое лезвие и тупой брусок. Глаза ее были опущены: горничная явно смущалась.

— Поставьте все на подоконник, — попросил Омар, откладывая тяжелую книгу в сторону. Так уж сложилось, что он любил бриться подолгу и почти на ощупь. И чтобы не терять при этом понапрасну времени, он любил, бреясь, смотреть на то, как бойко идет торговля, как богатеет и беднеет жизнь с каждым появляющимся между торговыми лавками и исчезающим в них пешеходом. Тем более открывающийся из окна пейзаж с видом на людскую реку и глинобитные дома старого города был необыкновенно хорош. Распахнув створки окна и ворот халата, он полной грудью вдохнул запах благоухающих каштанов, акации и кипарисов.

Благо небо все еще не было запянуто ни одним смягчающим гладкую кожу пенным пятнышком-облаком и можно было бриться, глядясь в него, как в зеркало. Всегда приятно быть первым в делах, касающихся гигиены.

Окно номера Омара выходило на оживленную широкую улицу, что вела в парковый комплекс с каменными прудами, мечетями и усыпальницами-мавзолеями, среди которых наиболее почитаемым считался белый мавзолей Буль-Буль Вали у Черного пруда. Этого праведника особенно чтит в Кашеваре за то, что он будто бы умел общаться с органической — рыбами и птицами — и даже, по преданиям некоторых очевидцев, неорганической — драгоценными камнями и минералами — природой.

Будучи разумным человеком, Омар не очень верил в эти восточные рассказы и легенды, доверяя только проверенным наукой фактам.

2.

Бреясь со спокойным сердцем и чистым зеркалом — лезвие скользило легко и непринужденно, — Омар плавно погружался в собственные мысли. Или, говоря по-другому, занимался рефлексией, не боясь пораниться острой бритвой самокритики.

«Я уже полдня в этом городе, — тщательно скреб свою совесть Омар, — а еще не посетил чудо-зоопарк эмира с его великолепным серпентарием, ради которого и был направлен в командировку. И я все еще не купил ни одного украшения, которыми так славится Кашевар. Какую-нибудь безобидную игрушку-безделушку, что поможет мне примириться с моей возлюбленной Гюляр».

А все из-за лени: долго отсыпался после приема у консула, последовавшего сразу за утомительным ночным переездом и утренним перелетом.

Что называется, с корабля на бал. А как, скажите, отказаться от ви-ай-пи приглашения на ланч, когда в списках значились самые известные лица и церемония обещала быть сколь приятной, столь и полезной? Понятно, Омара позвали с надеждой, что он, известный общественный деятель, осветит на сайте фонда, а значит, и «в европейском свете», работу консула с цветом общества Кашевара.

Ориентация местных кашеварских элит на ЕВС, «взбивание сливок» — так это, кажется, называется на дипломатическом жаргоне, — входила в работу дипломатов. Беда, впрочем, заключалась в том, что завербовать на прием консула всех умудрилась приглашенная Прима Дива Донна Белоликая. Исполнив несколько арий из Вагнера, она своим властным тембром пленила и Омара, который с первых же нот проникся симпатией к культуре Аламании, напрочь забыв о культуре верности.

А сегодня и завтра, как выяснил Омар, чудо-юдо-зоопарк вообще не работает. Для простых смертных он, оказывается, открывается только в те дни, когда эмир и мэр Кашевара выезжает из цитадели со своей свитой на соколиную охоту. Или с дипломатическим корпусом отправляется по приглашению в какую-нибудь зарубежную поездку с дружественным визитом. Читай, на охоту за кредитами.

Поэтому вечером следующего дня Омар мог с чистой совестью направиться в гости к Приме Диве. А уже в среду спокойно прогуляться по лавочкам и магазинам Большого базара, с чувством, с толком, с расстановкой выбирая подарки для своей девушки.

А потом без запарки ожидать в тени отеля, когда он сможет сделать снимки чудо-барса и белокрылого орла. В консульстве Германии ему сообщили, что, как ожидается, зоопарк откроют для всех желаю-

щих в день выборов — в четверг, а также на следующий день — в честь праздника переизбрания эмира и мэра Кашевара на новый срок. Гулять, так гулять!

«Что ж, время терпит», — бросил Омар мокрое от пота и мыла лезвие в тазик с водой, отпуская акулу собственной совести в свободное плавание.

3.

Пока Омар разглаживал шелковистым полотенцем помятое после бессонной ночи лицо, его слух и взгляд привлекла шумная процессия возбужденных людей, что, подобно звонко чирикающим глупым воробьям, подпрыгивая и обгоняя друг друга, двинулись по направлению к парку вслед за мякишем в чалме.

— Что это за толпа? — спросил Омар горничную, пришедшую на всякий случай с новой партией полотенец и освежающих салфеток.

— Это партия Гураба-ходжи! — отмахнулась горничная, мол, не обращайтесь внимания. — Эти всегда против чего-то митингуют. Гураб-ходжа возглавляет тайную сыскную полицию в Кашеваре и считается министром-ястребом при дворе-правительстве мэра Кашевара. Он первый религиозный фанатик.

— А что они так кричат? Что им надо?

— Они возмущаются тем обстоятельством, что из пруда при мавзолее Буль-Буль Вали пропал один лебедь. Как всегда, они видят в этом происки иностранцев и продавшихся шайтану торговцев западными открытками, марками и спичечными этикетками.

— Лучше бы они винили в этом собственное правительство и толпы нищих и безработных, праздно шатающихся по улице.

Омара очень нервировало, когда к нему постоянно обращались «Хелло, мистер», норовя ущипнуть и потрогать.

— И что же они теперь хотят сделать? — спросил Омар у горничной.

— Они хотят, — отвечала горничная, — чтобы торговцы видами западных городов и альпийских лугов удалились подальше от священных лебединых прудов Буль-Буль Вали. Чтобы они не соблазнили людей и лебедей закордонными красотами.

— Неужели? — содрогнулся Омар от плохого предчувствия. Не опоздает ли он с посещением зоопарка? Если дела в Кашеваре будут развиваться подобным образом, так, глядишь, и барс-альбинос пропадет из вольера. Или случится нечто похуже.

— А сейчас они кричат, что это недопустимо, когда на марках и этикетках помимо голубых альпийских озер с лебедями еще изображены и голубые альпийские оперы с танцующими бя...ми.

— Вы хотели сказать, лебедями, — поправил плохо говорящую на его языке горничную Омар.

— Да, им кажется, что танцующие лебеди разворачивают молодежь. И что обтягивающие трико на них — это пародия и порнография. Что женщины и мужчины не должны быть настолько обнажены. А деревья настолько бутафорски оголены, как это бывает в театрах. Что, вообще, изображения творений Аллаха привлекают к себе душу и перекачивают в себя энергию реальных тварей. Но особенно это касается силы мужчин.

— Разве? — только и мог сказать Омар, недоуменно поведя плечами. — Абсурд, да и только.

— Да, чуть не забыла, — остановилась в дверях милостивая горничная, — яства второго полдника уже готовы.

— Сейчас подойду, спасибо, — вздохнул Омар, поглаживая себя по животу. К счастью, бытующее мнение, что на Востоке едят часто и помногу, подтверждалось. Место в разработанном с ланча и обеда желудке требовало заполнения. Как известно, свято место пусто быть не должно.

4.

К полднику Омар спустился уже при полном параде. В хлопковых кремовых штанах, в хлопковых бежевых носках, в хлопковой же рубашке светло-лососевого цвета, в расшитых серебряной нитью рыжих туфлях и еще — с толстой книгой под мышкой и тяжелым фотоаппаратом через шею. После очередной трапезы Омар решил отправиться в парк, посмотреть на лебедей, пофотографировать и почитать книгу в прохладе какого-нибудь каштана. Денег Омар решил с собой не брать, чтобы не удариться в покупки безделиц.

А чтобы ничто уже не отвлекало Омар-бея от увлекательного чтения, он заказал легкий чечевичный суп с лимонным соком, салат из китайской капусты с турецким йогуртом и вишневый шербет с тертым грецким орехом.

Сразу после трапезы Омар из внутреннего двора, где и располагалось летнее кафе, проследовал через парадный вход гостиничного дворца «Чайная роза», именуемого в Кашеваре караван-сараяем, и очутился на широкой филателистской улице.

Вечерело. Тополинный пух усыпал землю, словно снег зимой в Тебризе или Мешхеде. По краям улицы перед множеством книжных и антикварных лавок были выставлены стенды на длинных ногах с расписными открытками и марками. Издали марки и открытки походили на билеты, предлагаемые клоунами на ходулях на свои представления. А вблизи — на большие, цветные, с белыми оборочками снежинки.

Омар не выдержал и остановился возле видов европейских городов. Ему вдруг остро захотелось хоть

на миг вновь оказаться в Петербурге, где он частенько смотрел на мир через падающие с неба снежинки и висячие сосульки. Взяв одну из марок со стенда, Омар поднес ее к глазу. Белая каемка-обод звякнула от прикосновения ногтя, глаз заслезился, а на реснице образовался иней.

— Господин, видно, интересуется марками? — подкрался к Омару сзади незнакомый человек в кавказском кепи.

— Да, немного.

— И что же вас больше всего привлекает в этих картинках? — Человек был щупленький, но с очень выразительным акцентом, который свойствен лезгинкам, чеченцам, черкесам, абхазам, абызам, адыгам и другим лицам западной национальности.

— Так, все по мелочи. Ну, например, экзотические виды снежных вершин и долин.

— А господин знает, что в наше время небезопасно быть филателистом?

— Кое-что слышал, если вы имеете в виду сторонников Гураба-ходжи.

— И не только, — махнул рукой странный человек. — Скупка марок означает недоверие как к собственной валюте, так и к валютам зарубежных стран, а значит, преддверие страшного всеобщего катаклизма. Например, всемирного экономического кризиса и обесценивания всего и вся, кроме марок. В общем, марка, по мнению сторонников Гураба-ходжи, является предзнаменованием судного дня. Если, конечно, мировой экономический форум в Давосе не предпримет экстренных мер по спасению ситуации.

Но с другой стороны, марка является спасательным кругом в период полного хаоса и раздора. Например, когда грянула Вторая мировая война, предприимчивые люди вложили все сбережения именно в марки. Так что настоятельно советую вам, — почти шепотом на ухо сказал филателист, — покупайте марки. Сами видите, времена сейчас настали неспокойные.

— Вы хотите сказать, что в Кашеваре могут возникнуть катаклизмы. Это как-то связано с грядущими выборами?

— Еще какие катаклизмы. Недаром город полнится слухами о покойном Буль-Буль Вали. А с марками вы всегда сможете спастись, отправив письмо с криком о помощи в ООН или другую международную гуманитарную организацию.

— Да ну?! — улыбнулся Омар.

5.

— Кстати, меня зовут Фахад, и я могу вам рассказать не одну историю о Кашеваре. Хотите мою любимую про достопочтимого Ревеса Максута-пашу, извест-

ного еще как Александрийский Марко Поло, и его возлюбленную Жарият?

— Пожалуй. — Омар уже решил для себя, что в этом благословенном городе никогда нельзя отказываться от поучительных историй.

— Итак, — начал рассказ Фахад, — Ревес Максут-паша очень любил путешествовать с важными государственными заданиями и писать письма своей возлюбленной Жарият из дальних стран. Сначала его письма были полны нежного преклонения и трепетного обожания. Вязь письма, словно скрученная на бандеролях лента, связывала сердца двух друзей на расстоянии.

Эти легкие весточки и увесистые посылки приходили из далекого заснеженного Чувашистана. Из знойного, полного ручейков голубого пота Судана. С берегов Нила, вода в который стекается по желобкам с крутого лба Эфиопских гор. И даже с географического перевертыша Нила — Идели, глубокое русло которого набирается из порогов перевертыша африканских гор. А говоря иначе, поднимается с подземных вершин ледников. Впрочем, не будем отвлекаться, ибо всех мест, в которых бывал Максут-паша, не перечислить и за год. Скажем лишь, что к письмам Максут-паша, как и положено, всегда приклеивал марочку с видов мест, откуда он писал.

И, конечно же, огнепылкая Жарият отвечала любезностью на любезность. Ее послания очаровывали достойного пашу, оплетали вязью шерсти и письма. Они согревали его в минуты раздумий в долгие северные ночи, которые, как известно, в некоторых заполярных странах растягиваются на месяцы.

Ответные письма паши были полны грусти от разлуки и жажды скорой встречи. Буквы клонились то вправо, то влево, как парус корабля, они то съеживались под тяжестью снега и дождя, то вытягивались, карабкаясь в гору, как сам скиталец. А в конце страницы буквы нередко скатывались горстью ячменных зерен в плоску. Так много хотел сказать Максут-паша своей возлюбленной.

Но долгие годы разлуки и заполярные холода остудили страсть Ревеса Максута-паши к Жарият. Письма его стали значительно короче, хотя расстояния увеличились. А раз увеличивались расстояния, то увеличивались и размеры марок, и требования к качеству конвертов.

Теперь конверты были настолько жесткими, что напоминали шведские спичечные коробки, а огромные марки уже походили на спичечные этикетки. Это письма разогли в сердце Жарият бурю ревности: неужели мой паша нашел на чужбине другую женщину? Ведь постепенно письма стали приходиться

все реже и реже, а послания всего в несколько фраз умещались на обратной стороне открыток с видом альпийских лугов. Так изображение вытесняли слова, пока не вытеснили их окончательно. Видимо, Максут-паша увлекся западным искусством живописи, то есть его очаровала одна из гляцевых красоток. Подписывался же теперь Максут-паша на западный манер просто Паша, утерев часть закрепленного за ним Аллахом имени.

И однажды Жарият получила открытку без марки, на которой не было ни слова, ни даже подписи. Только один вид заснеженных гор с большим ледяным катком в котловине горной площади. И как ни старалась она страстно дышать на ледяное изображение, открытка не поддавалась. И тогда Жарият поняла, что сердце Ревеса Максута-паши остыло, и ей уже никогда не отыскать следов своего возлюбленного.

6.

— Так Жарият навсегда потеряла Ревеса Максута-пашу во времени и пространстве, — заканчивал свой рассказ выводом странный филателист Фахад. — Хотя вполне возможно, что у Максута-паши всего лишь замерзли чернила и засох клей. А виной всему послужили гляцевые журналы и порнографические открытки с Запада, заманившие Максута-пашу в дальнюю дорогу к чужим женщинам. Бойся же и ты этого, о неосторожный человек!

— Хорошо, — поспешил успокоить навязчивого рассказчика Омар, чтобы избавиться от него поскорее, — отныне я буду более осторожен.

Когда Омар уже пожимал Фахаду руку, филателист заговорщически сказал ему на ухо:

— Кстати, я дам вам ту самую открытку; может, вам удастся по следам отыскать благословенного странника Максута-пашу, известного как Александрийский Марко Поло.

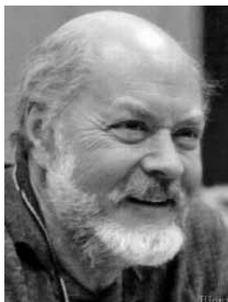
— А почему вы уверены, что эта открытка принадлежит Ревесу Максуту-паше? — успел спросить Омар, увидев, что на обратной стороне нет подписи.

— Просто ваш покорный слуга долгое время работал егерем эмирской почтовой службы и умеет отличать зерна от плевел. И помните, ходят слухи, что Максут-паша отправился с экспедицией в Якутистан, что за Уралом. — С этими ободряющими словами он сунул посетителю под мышку открытку, которая, как нож в масло, вошла между страницами в книгу. — А после Якутистана он собирался поехать с экспедицией в горы куда более близкие, хотя, возможно, и подземные.

Продолжение следует.

Лев АННИНСКИЙ

АМАТА NOBIS

Если бы ермоловцы в противовес нынешним расхожим концепциям любви, укладываемой то в чистый расчет, то в нечистый секс, представили на своей сцене что-то вроде добропорядочной семейной идиллии, это вызвало бы только усмешки.

Ермоловцы представили другое.

В Австрии русая переводчица получает пулю от любовника, с которым собирается расстаться — расстаться ради другого любовника, который перед тем расстался еще с двоими...

Во Франции русский эмигрант преклонных лет, бывший белый генерал, находит себе, наконец, спутницу жизни, тоже из русских эмигранток, — и неожиданно умирает в вагоне метро...

Русь участвует в этих любовных сюжетах. Но по своему. Старый князь, развратник и снохач, кладет глаз на молоденькую невесту своего сына, молодого князя, и уже почти овладевает беззащитной жерт-

вой своей похоти, как вдруг, откуда ни возьмись, выпрыгивает огромный волк и вгрызается негодяю в горло.

Старый князь, умирая, в покаянном экстазе благословляет своего убийцу. Волка объявляют святым.

Глупо? Дико? Неправдоподобно? Может быть. Но и хорошо. Да чем же хорошо-то? Да тем и хорошо, что не знаешь, чем.

Каким чудом аура любви удерживается над этой круговертью пуль, клыков и сердечных взрывов?

Удерживается — загадочным талантом Ивана Бунина, по мотивам которого почетный деятель искусств Москвы Герман Энтин поставил спектакль, названный несколько прециозно: «Возлюбленная нами...»

На латыни, у того же Бунина, клятва Прекрасной Даме звучит лаконичнее, проще и как-то надежнее: «Амата нобис...»

Кристина Джорджина Россетти (1830–1894) — английская поэтесса, сестра поэта и живописца Данте Габриэля Россетти. В начале XX века ее поэзия была забыта, и заново ее открыли только в 1970-х. Современная критика считает Россетти одним из самых интересных поэтов Викторианской эпохи.

A Green Cornfield

The earth was green, the sky was blue:
I saw and heard one sunny morn
A skylark hang between the two,
A singing speck above the corn;

A stage below, in gay accord,
White butterflies danced on the wing,
And still the singing skylark soared,
And silent sank and soared to sing.

The cornfield stretched a tender green
To right and left beside my walks;
I knew he had a nest unseen
Somewhere among the million stalks.

And as I paused to hear his song
While swift the sunny moments slid,
Perhaps his mate sat listening long,
And listened longer than I did.

Зелёное поле

Земля — в зелёном, небо — в синем,
А я сквозь солнце поутру
Заметил птаху между ними
Поющей точкой на ветру.

Внизу порхала не у дел
Весёлых мотылёчков стая,
А жаворонок пел и пел,
То опускаясь, то взмывая.

И поле длилось, длилось, длилось —
Как океан без берегов,
И где-то в нём гнездо таилось
Средь миллионов стебельков.

Но песне, как ни жаль безмерно,
Не мог внимать я без конца,
Её поклонник самый верный —
Подруга милого певца.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Евгений Никитин — студент третьего курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Сергей ФОКИН

Сергей Фокин родился в 1964 году. Живет в г. Дзержинске Нижегородской области. Ранее не издавался.

Мысль о том, что из читателя можно достаточно легко превратиться в писателя, посетила меня после прочтения «Приключений капитана Врунгеля» А. С. Некрасова. Это произошло, когда я учился в шестом классе, все казалось по плечу, и каждое написанное слово воспринималось как откровение.

Так получилось, что вначале подражал Некрасову, сраженный кажущейся простотой его текстов, потом взялся за Дюма, очарованный романтизмом и «высотой стиля». Что-то свое стал реализовывать, уже учась в Горьковском политехническом институте. Тот период вообще примечателен тем, что я стал определяться как автор, склонный к литературе для детей. Это заметно и по сей день, потому что лучшие вещи получаются, когда ориентируюсь на средний и старший детский возраст.

Пора 90-х для меня — это начало семейной жизни и крушения социализма, бедность финансовая — и всплеск творчества. Тогда же случились и первые попытки издаться, впрочем, неудачные.

Конечно же, как все дети социализма, много читал и стараюсь читать сейчас. Когда-то проглотил все собрание сочинений Диккенса, увлеченный историей про Дэвида

Копперфилда. Любимые книги из детства — «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Соловьева, рассказы об индейцах Д. Шульца, «Золотой ключик» А. Н. Толстого. Случается, перечитываю их и сейчас.

В последнее время отдаю предпочтение фэнтези, философским книгам. Джим Батчер, Экхарт Толле — то, что можно взять в дорогу и с чем можно посидеть в тишине.

Однозначно ответить на вопрос, откуда приходят сюжеты для сказок и рассказов, сложно. Чаще всего мотивом служит какая-то ситуация из жизни, а привычка переводить любую мысль в литературную форму, выработанная со школы, помогает превратить картинку в нечто целостное. Еще могу честно признаться, что пишу намного быстрее, чем на ум приходят новые темы.

Писать люблю исключительно дома. Когда-то давно делал это в коммуналке, прячась за шкафом и держа тетрадь на коленях, чтобы свет от настольной лампы не мешал близким спать. Сейчас все изменилось, работаю за компьютером и удивляюсь, как прежде мог без него обходиться.

Как и для большинства начинающих писателей, изначально главной

мотивацией для моего творческого развития служило детское стремление к славе. Только со временем стал понимать, что возможность реализоваться — это именно то, о чем говорил Христос в своих притчах, а радость от самого процесса творчества и есть одна из составляющих человеческого счастья. Соответственно, с пониманием меняются цели и интересы в жизни. После сорока, наверно, следует больше думать о глобальном, читать Библию — это помогает не утонуть в мелочах.

Ныне пишу уже для внука. Он пока мало что понимает, а я, признаться, подзабыл язык полтора-годовалых слушателей. Приходится вспоминать. Способность говорить на разных языках для писателя, по моему, — нужное качество.

Работаю начальником бюро промышленной электроники на одном из предприятий г. Дзержинска. Помогает ли творчество в моей основной работе? Конечно, без него никуда. Когда логика становится бессильной, на помощь приходит воображение — и тогда проблемы решаются гораздо быстрее и качественнее.

Сергей Фокин

РАССКАЗ И СКАЗКА

ГЛУПЕНЬКИЙ

РАССКАЗ

Мишка родился глупеньким. Не таким, о которых говорят — «с простинкой», а совсем глупеньким...

Он отставал в развитии от сверстников, и когда те начинали ползать, только учился сидеть, да и то с грехом пополам.

Дальше — больше. Самостоятельные шаги дались ему почти в два года, а пассивный словарный запас к тому времени вообще был равен нулю. Вдобавок ко всему Мишка оказался еще и немым. Он только мычал и приводил в ужас своих молодых родителей.

Кроме всего прочего, внутричерепное давление сделало его гиперактивным. Он не понимал, что можно трогать, а что нельзя, и превращался в источник опасности для самого себя. Мог, например, совершенно спокойно включить газ, не зажигая его, и уйти с кухни.

И еще он орал! Так долго, как может только ничего не понимающий человек. Он изводил отца с матерью, засыпая уже за полночь, а просыпаясь с восходом, не давая им вздохнуть ни днем, ни ночью... И при этом не мог даже показать, что у него болит.

Побои на Мишку не действовали. Он просто ревел, как маленький бычок, потом отвлекался, и все начиналось сначала. Правда, со временем этот метод все-таки дал результат: мальчик стал побаиваться отца.

А еще он его любил. И маму тоже. Они были для него целым миром, потому что кроме них он мало что видел. Отец, конечно, гулял с ним по улице, водя за руку, но это ограничивалось окрестностями дома. Да и тут случались неприятности. Однажды на детской площадке Мишку отпустили побегать, и тот помчался, не разбирая дороги, к железной горке и получил удар качелями по уху. Хорошо, что не в висок, и качели были уже на излете. Голова могла бы вообще расколоться. Но обошлось небольшим сотрясением мозга, добавилось болей и вечернего плача.

Жили они в коммуналке, и соседи попались терпеливые. Мишка доставлял хлопот и им. Чего стоило только его топанье с криками по коридору среди ночи! Девчонка-ровесница показывала ему язык и обзывалась, если никто не видел. Мишка не понимал, что она хочет его обидеть. Ему было смешно смотреть на ее сузившиеся губы с длинным языком, и он глупо хихикал про себя.

Ходить на горшок он стал только к четырем годам, и это почти сделало из него взрослого человека. Правда, ни снять штаны, ни подтянуть их он тогда еще толком не умел.

Естественно, в детский сад его не брали, и матери пришлось расстаться с работой. Как потом оказалось — навсегда.

Она тоже была со странностями — могла молчать часами, уйдя в себя, потом придумывала разные страхи — то за ними кто-то следит, то пытаются забраться на балкон с крыши... Постепенно это выросло в постоянную тревогу за себя, за Мишку и мужа.

Мишку они почти не лечили. Мать решила, что врачи захотят его отобрать, и на этой почве они с отцом постоянно ругались. В такие минуты мальчик заливался смехом: ему нравились скандалы. За это родители называли его вампиром, но Мишке это слово ни о чем не говорило.

Со временем он стал кое-что понимать, особенно на бытовом уровне, но говорить так и не научился.

— Мэмэ!.. Пэпэ!..

На то, что его интересовало, он показывал пальцем или брал отца за руку и подводил ближе. Это касалось, например, разных болтиков-винтиков, которые лежали в специальной коробке на верхней полке шкафа. Он вообще имел тягу к технике и больше любил играть отцовским инструментом, чем игрушечными машинками. Потому что почти не общался с другими детьми.

А потом они раз в месяц стали ездить к деду и бабушке в другой город. Электричка так поразила Мишку, что стала любовью на всю жизнь. И отца он просил рисовать только ее, и когда ему купили пар-

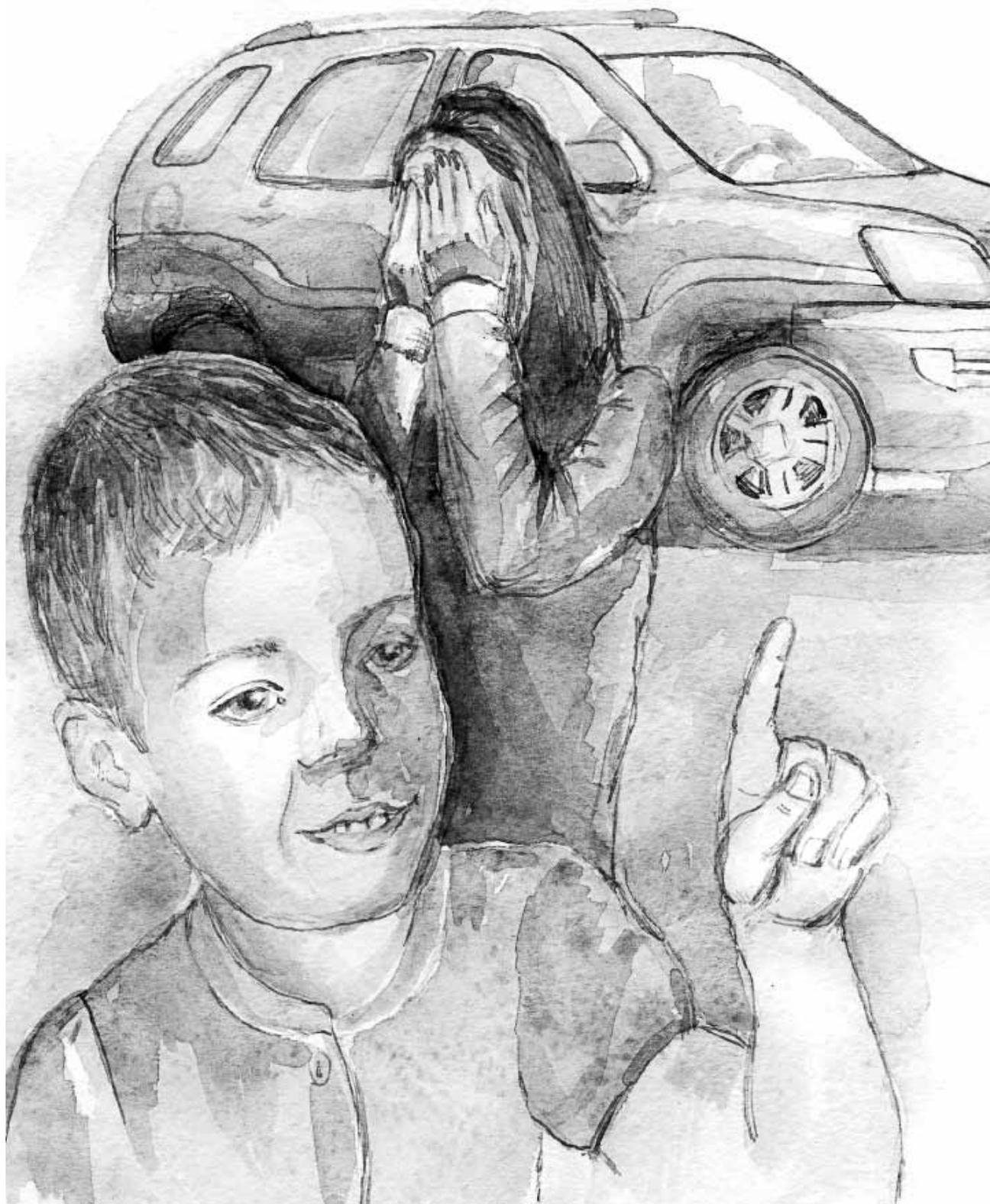

Рисунок Антонины Решетниковой

возик на батарейках, от благоговения изломал его в пятнадцать минут.

Дед с бабкой в Мишке души не чаяли, особенно дед. Каждую зиму он говорил:

— Ну, Мишка, весной ласточки принесут тебе язычок... Хочешь научиться говорить?

— Дя-дя, — отвечал Мишка, и это означало: «Да-да, хочу!» Он уже начал сознавать, что чем-то отличается от других людей. И иногда ему очень хотелось бы, чтобы папа его понял, когда они играли на полу за кроватью...

Годы шли, а ласточки все прилетали без подарка... Кажется, Мишка даже стал представлять, что те летят по небу и держат в клювах его длинный язычок.

— Как он будет жить? — сокрушалась бабушка.

— В деревне. К городу ему не приспособиться, — отвечал ей дед. Они часто тихо разговаривали на кухне, когда Мишка засыпал. Или делал вид, что спит. Это была его первая хитрость в жизни, и она удавалась.

— Он ведь ничего не может делать!

— Бог даст, поумнеет немного, коров пасти научится...

Мишка часто слышал, что он не умный. Что это такое, ему было непонятно. Просто когда отец начинал рассказывать ему во время прогулок то про насекомых, то про зверей и птиц, Мишка удивлялся, откуда тот все это знает.

Наверно, для него и купили дед с бабкой дом в деревне. Стали сажать картошку, разводить сад. Деревенская жизнь тяжелая. Мишка сначала просто бегал по улице, пьянея от свободы — его отпускали погулять одного! — а потом стал понемногу участвовать в общих работах. Скорее, не потому, что этого ему хотелось, а потому, что деревенские дети не приняли его в свою компанию. Он им был неинтересен.

Однажды к ним прибежала соседка и с выпученными глазами стала доказывать деду с бабкой, что Мишка забрался к ней в дом и пытался украсть у нее деньги. Мишку принародно выпороли, он ревел и коротенькими, как у Буратино, мыслями пытался про себя оправдаться. Он понимал, что его лупят за то, что вбежал в чужой двор. О деньгах же не имел никакого представления — даже о том, зачем они нужны. Для него не существовало понятия товарно-денежных отношений. Он оставался на уровне первобытнообщинном. Но с тех пор слово «чужое» стало для него синонимом «табу».

Неожиданно для всех Мишка научился кататься на велосипеде — сначала с опорными задними колесиками, а потом и вовсе без них. Глядя на такое дело, дед купил ему «школьник».

Они с бабкой восприняли это как хороший знак: — Может, станет лучше?

Имелось в виду — поумнее. Потому что внешне Мишка рос очень красивым — в маму. Соседи, глядя на него, головой качали — такой парень, а вот поди ж ты... Всем хорош, и не скажешь, что дурачок. Только глаза застилала непонятная муть, сквозь которую, видимо, разуму было никак не пробиться.

Как-то перед грозой отец его предупредил, показывая на тучи, чтобы не уезжал далеко от дома. Мишка пропустил эти слова мимо ушей и укатил в лес, который находился в низине. Дождь начался мгновенно. Просто стена воды вышла из-за деревьев и обрушилась на поляну. С градом и молнией.

От страха бросив велосипед, Мишка помчался домой, ревя на ходу. Он прибежал трясушийся и синий от холода, ни одной сухой ниточки. Мелькнула мысль, что за велосипед будут пороть, но гроза все же показалась страшнее. Пороть его не стали, наоборот, быстро переодели и обогрели. А потом они с отцом снова пошли в лес. Оказалось, что велосипед утонул в огромной луже, разлившейся в низине. Едва его оттуда вытащили. Если бы Мишка не убежал, мог бы и захлебнуться ненароком — такой был ливень.

Мать в деревню почти не приезжала. Она со всеми переругалась и в городе чувствовала себя спокойнее. Хотя, как потом выяснилось, покоя для нее не было уже нигде.

Станным и непонятным оказался ее неожиданный развод с отцом. Страх потерять мужа, постоянная тревога за него обернулась другой стороной. Она стала злиться, что он будто бы задерживается с работы, долго ходит в магазин, стала подозревать его в связях с другими женщинами. Потом даже видела его голый торс в окне дома напротив. Участились скандалы, которые были для Мишки большим развлечением. Выброс эмоций его всегда приводил в восторг — в жизни ли, в телевизоре ли...

Однажды отец вернулся с работы, а его вещи разбросаны по коридору. Дверь ему никто не открыл. Мишка слышал, как он пытался уговорить жену, только та, набычившись, смотрела в одну точку и ничего не отвечала. Мальчик хотел отпереть замок сам, но мать вдруг вскочила со стула и принялась дубасить его по рукам:

— Никогда! Никогда не открывай дверь ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ! Ты слышишь? Никогда!

Мишка так и не понял, за что его отлупили.

Отец еще несколько раз приезжал к ним, что-то привозил из сладкого, но в комнату мать его уже не пускала. Она подала на развод, и их развели с первого раза.

Вскоре отец стал приезжать реже. Мишку ему не доверяли, даже не показывали, а топтаться у порога в роли просящего было обидно.

Мальчик не знал, что развод очень больно ударил по сердцу деда. Оно не выдержало, и через год тот умер. Вскоре за ним последовала и бабка.

Вначале жизнь вдвоем Мишке понравилась. Мать большую часть времени сидела молча, о чем-то напряженно размышляла, иногда произносила короткие ругательства. Он мог делать, что вздумается, — даже то, что прежде отец не разрешал. Так он переломал все его приборы, паяльник и выбросил в окно или мусорное ведро инструменты и целую коробку с болтами. На свалку отправились и магнитофон, и приемник, и все игрушки.

Через некоторое время, когда ломать и вышвыривать стало нечего, Мишка почувствовал скуку. Отец каждый день занимался с ним хотя бы час-два: они вместе рисовали, рассматривали книжки, что-нибудь пилили-точили или просто шли гулять в парк, где было огромное озеро. Летом ему даже разрешали там купаться.

После развода мать закрылась в комнате и выходила только по ночам, когда соседи ложились спать. Она стала их бояться. На улицу выбиралась короткими перебежками — за продуктами, и часто не брала Мишку с собой.

Постепенно оба превращались в растения, и мальчик стал к этому привыкать. Он день напролет болтался из угла в угол комнаты, которая когда-то казалась ему целым миром, а теперь — просто пустой. Или смотрел телевизор. Но почти ничего, что там показывали, он не понимал, и это быстро надоедало.

Потом мама заболела. Вначале она еще двигалась, морщась и поругиваясь, а вскоре и вовсе слегла.

Соседка — старая бабка — уговаривала ее вызвать скорую помощь, но мать только головой мотала. Врачей она ненавидела и боялась больше смерти.

В эти дни Мишку впервые выпустили на улицу одного. Мать уснула, и бабка помогла ему одеться и выпроводила во двор, чтобы он не вертелся в коридоре.

Там Мишка столкнулся с действительностью, от которой его старательно оберегала мать. К нему подошли соседские мальчишки и что-то попросили... Мишка не очень разобрал, что, поэтому просто замотал головой. И его ударили в лицо кулаком.

Это было так неожиданно, что он повалился на землю, прикрываясь от новых ударов, и из его глаз брызнули слезы. Он размазывал их по лицу и бормотал без конца:

— Дя-дя... дя-дя...

Пацаны вначале тупо на него уставились, а потом один сказал:

— А, это тот идиот из двадцатой квартиры!

Они еще посмеялись над ним, но бить больше не стали.

Мишка ревел не от боли. Он ревел потому, что не понял, за что его наказали. И еще от обиды на себя. Потому что он такой тупой.

Странно было видеть плачущего подростка, в таком возрасте мальчишки уже не плачут.

Соседка все-таки вызвала врачей. Мать увезли в больницу. Потом приезжали какие-то люди, принесли с собой фотоаппараты, бумаги, без конца писали и заставляли соседку расписываться. Та сидела в Мишкиной комнате с красными глазами и иногда молилась вполголоса, утирая лицо краешком платка.

Перед тем, как в последний раз помочь Мишке одеться, она все-таки не выдержала. Слезы полились ручьем, она обняла мальчика и произнесла навзрыд:

— Сиротинушка ты...

Тогда Мишка почувствовал, что произошло что-то плохое.

Понятия хорошо и плохо были для него очень простыми. С ним находилась мама, с которой они почти пять лет жили вдвоем. Это было хорошо. А плохо — когда она ушла из его жизни. Куда? Неизвестно, да и не все ли равно.

Он страшно тосковал. В ее постоянно нахмуренном лице заключалась для него вся вселенная. Они почти не разговаривали все эти годы. Мать, если и понимала, что он хочет от нее, ничего не могла делать. Ни рисовать, ни пилить, ни паять... Постепенно он отвык просить у нее что-либо. Но она всегда была рядом...

А теперь ее не стало.

Он жил в детском доме для больных детей, где у него имелась своя кровать и тумбочка. И еще зубная щетка.

Здесь каждый был сам по себе. Дети, случалось, дрались из-за пустяков и разбивали и без того больные руки и ноги. Мало кто дружил между собой. И никто не дружил с Мишкой. Потому что он был самым глупым.

Впервые так близко он увидел других детей, и на какое-то время это отвлекло его от глубокого уныния. Потом оно вернулось и терзало почти постоянно. Отступило еще раз лишь однажды — когда он, взглянув на девочку, которая немного ему нравилась, вдруг с удивлением почувствовал, что с ним что-то происходит. Он с большим интересом разглядывал округлости на ее теле, длинную — как у матери — косу... На другой день в столовой попытался дотронуться до нее и предложить поиграть, но санитарка, присматривающая за порядком, побе-

жала к врачу, и в тот же вечер Мишку нашпиговали уколами.

Когда он пришел в себя и снова увидел девочку в коридоре, она показалась ему самой обычной, и он отвернулся от нее, как от занавески.

Странно, но мама вспоминалась ему почти каждый день. Память о ней не притуплялась с годами. И тоска тоже.

Как-то он стоял в холле возле окна, рассматривал падающий снег и вдруг обратил внимание на подъехавшую к ограде детдома машину. Из нее вышло целое семейство — мужчина, женщина и двое маленьких детишек. В фигуре мужчины было что-то знакомое, и сердце Мишки неожиданно екнуло.

И вскоре он увидел в дверях отца.

Тот шел без улыбки, с какой-то настороженностью во взгляде. Мишка бросился к нему, гудя как паровоз:

— Пэ-пэ!.. Пэ-пэ!..

Он трогал его, как когда-то папуасы трогали стеклянные бусы — боясь, что порвется ниточка и чудо рассыплется по полу мелкими звездочками. Отец уже не казался ему таким большим, как раньше: ведь Мишка стал почти с него ростом. Но все воспоминания о той поре, когда они еще были вместе, вернулись и лавиной захлестнули мальчика. От восторга у него полились слезы.

— Ну, ну, успокойся! — говорил отец, смущенно поглядывая на подходящего главного врача. А у Мишки сами собой вылетали слова, в которых заключалась половинка его жизни:

— Пэ-пэ... пэ-пэ... пэ-пэ...

Он видел, как отец о чем-то говорил с врачом, даже слышал отрывки их разговора, и с его души будто камень упал... Она запела — очень тоненьким и слабым голоском.

Отец передал врачу какой-то конверт, подошел к Мишке, похлопал его по плечу, потом вдруг наклонился, поцеловал в лоб и, развернувшись, быстрыми шагами пошел к выходу.

— Пэ-пэ! — в отчаянии крикнул Мишка, но тот больше не оглянулся. Дверь за ним закрылась.

Изо всех сил прижимаясь к стеклу головой, смотрел он, как отец, а за ним и женщина с детьми садятся в машину, как та разворачивается и уезжает... Навсегда.

Время для Мишки остановилось. Он плохо помнил, как жил дальше. Дни стали серыми и тягучими и сдавливали его без того гудящую голову. Иногда было ощущение, что вот-вот все это оборвется и придет к какому-нибудь концу. Может быть, отец вернется и заберет его с собой... Или случится чудо, о котором часто говорили воспитатели, и Мишка

уйдет отсюда сам, чтобы найти самого близкого для него сейчас человека...

Ночами он спал плохо, метался на кровати, пережевывая сны, в которых видел маму. И та говорила ему что-то успокаивающее, даже иногда брала себе на колени и поглаживала по голове, напевая, как младенцу:

— Баю-бай, мой малютка, засыпай...

Пробуждаясь, он бормотал: «Мэ-мэ», снова засыпал и, кажется, иногда чувствовал себя во сне лучше, чем наяву.

Однажды на исходе зимы он снова увидел, как подъезжает к воротам машина, и выбежал на улицу раздетый.

Это была чужая машина. Отец так и не приехал.

Мишка стоял на крыльце до тех пор, пока не закончился. А потом пошел в свою комнату, упал на кровать и расплакался. Кажется, он стал что-то понимать, но это его не обрадовало.

Потом он заболел воспалением легких. Врачи кололи ему лекарства, ставили капельницы, но Мишка уже не хотел выздоравливать. В бреду к нему приходила мама и ругала за это, только он сказал ей:

— Папа больше не придет за мной.

Да, он действительно сказал ей так. Она впервые услышала от него слова, и это ее удивило. Но она не подала вида, ведь сейчас это было неважно. Важным представлялось то, что она знала наверняка: Мишка прав. У отца другая семья, и он никогда больше не придет за ним.

Мама снова и снова ерошила его густые волосы, но больше ничего не говорила.

А в последнюю ночь, лежа в отдельной палате больницы, Мишка каждую минуту шептал: «Пэ-пэ... пэ-пэ... пэ-пэ...», словно надеясь, что, как в детстве, обратит на себя внимание отца, тот подойдет к кровати и поднимет его своими сильными руками.

Белое покрывало стало окутывать его уже под утро. Возник свет — ослепительный, как солнце на снегу, и по этому свету, будто на лифте, он поднялся туда, где ждали его мама, дед и бабушка.

Здесь царил тишина, от которой делалось спокойно и сладостно. Мать протянула ему руку, грустно улыбаясь, и сказала:

— Здравствуй, сынок...

С последним вздохом он ответил ей:

— Здравствуй...

Медсестра, словно почувствовав неладное, заглянула в его палату и увидела, как Мишка вдруг поднял голову на подушке, открыл глаза и совершенно правильно произнес:

— Мама...

А потом голова опустилась, и глаза потухли, так и не закрывшись.

ЛЕСОВИК

СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Охотник Лоск крикнул от удовольствия, затягиваясь трубочкой, и подмигнул слушателям. Вокруг костра сидели его товарищи и двое ребятишек-близнецов, заплутавших в лесу и случайно вышедших на охотничью стоянку. Они-то, наверно, больше всего хотели, чтобы эта ночь длилась бесконечно: очень уж занимательные истории рассказывал им охотник Лоск, даже сон летел прочь. Мужчины иной раз качали головами от удивления. Но не верить было нельзя: славился рассказчик в их краю честностью и правдивостью.

— Есть у меня один знакомый, — начал снова охотник, откинувшись на своей лежанке. Костер весело трещал, словно поддакивая ему. — Человек как человек — такой же, как и мы с вами. А вот пришлось ему в своей жизни сталкиваться с Дедом-Лесовиком, и не раз...

— С Дедом-Лесовиком? — ахнул молодой охотник, сидевший напротив Лоска.

— Да, — подтвердил рассказчик. — Живым он остался, только память об этих встречах сохранил до конца своих дней.

— Еще бы!

— А кто это — Дед-Лесовик? — спросил один из братьев. Они переглянулись, и оба одновременно пожали плечами: нет, никогда не слышали ни о каком Лесовике. Что он за важная персона, если о нем история сложена?

— Кто? — Глаза охотника Лоска засверкали лукавыми искорками. — Это, скажу я вам, не простой дед. Кто-то называет его по-другому — Леший. Кто-то — Дух Лесной. А в наших местах величают уважительно

но — Дед-Лесовик. Хозяин он всех лесов и болот, и тот, кто встречается с ним, может домой не вернуться...

Лоск выпустил несколько колечек дыма, снова усмехнулся, глядя на испуг мальчишек, и успокоил их:

— Да вы не бойтесь. Нечасто Дед-Лесовик людям показывается. Говорят к тому же, что в последнее время сделался он добрее, чем был раньше. Может обернуться путником, так что встретишься — не узнаешь.

В прежние годы любил Лесовик побаловаться. А если уж понравится ему кто, от привязанности этой только беды да несчастья происходили. Впрочем, бывало и иначе...

Человека, о котором я хочу вам рассказать, звали Зигфрид.

Когда-то жил Зигфрид в лесной деревеньке вдаль от города Крокен-Брука с его господскими дворами и был добродушным и веселым парнем. И ростом его Бог не обидел, и лицом он вышел — одним словом, жених хоть куда. Промышлял Зигфрид охотой и среди товарищей славился и умением, и удачливостью. Уйдет, случалось, на несколько дней, мать волнуется — а вдруг с медведем повстречался? Появлялся иногда в их лесах огромный медведь, которого боялись даже бывалые охотники. Говорили, будто величиной он с корову, а если вставал на задние лапы — мороз по коже продирали, хотелось тотчас же залезть на самое высокое дерево.

Да ведь знают охотники: коли расвиреплет медведь — достанет и с дерева. Оттого и не ходили в лес в те дни, когда замечали поблизости от селения свежие медвежьи следы.

Медведь этот в отличие от других своих собратьев редко задерживался в одном месте. За то люди прозвали зверя Шатуном и боялись его разбойного нрава. Никто не осмеливался идти в лес и мстить за задранных телят или разрушенные ульи.

Только Зигфрид испытывал судьбу. Уходил он, когда ему нужна была добыча, и блуждал в ее поисках долгие дни. Иногда доносился до него далекий рев Шатуна, но Бог миловал — не доводилось им сталкиваться нос к носу.

По воскресным дням снаряжали деревенские обоз в город — продавать мясо, мед и шкуры. Отправлялся с ними и Зигфрид, и торговал он всегда удачно. У веселого молодца купить куропаток — одно удовольствие, потому что на сдачу обязательно скажет он такую шутку — расхохочешься.

Был в доме Зигфрида достаток, а когда умерла его мать, остался он один, деньги и вовсе девать стало некуда. Много ли нужно холостяку? Лес и кормит, и поит, и одевает. Все чаще стал пропадать охотник в походах. Возвращался только тогда, когда кончались хлеб да соль.

Привольное житье может сыграть с человеком злую шутку. Свыкшись с одиночеством, почувствует он, что не надобен ему больше никто, делается волком-одиночкой.

К счастью, в истории с Зигфридом до этого не дошло. И вот как все изменилось.

Жила в ту пору в их деревне девочка по имени Манила. Руки-ноги тонкие да длинные, тело стройное, как осинка, — что еще нужно, чтобы бегать с подругами по полянам, опушкам, собирать

ягоды и грибы, купаться в лесной речке, соблазняя мальчишек, а потом со смехом да весельем мчаться домой — к отцу с матерью?

Была Манила покладиста и работяща, а уж красавица росла — просто загляденье. Местные ребята глаз с нее не сводили, а старики-охотники вечерами за трубками и бутылкой доброго вина покачивали головами:

— Хороша... Ох, хороша! Как бы беды не вышло от этой красоты!

Прослышав о небывалой красавице, примчался однажды к ним в деревню в своей карете герцог Крокен-Брукский со своим сыном. Искали они во владениях герцога невесту молодому оболтусу, только все не нравились юнцу девицы: у одной нос слишком длинный, у другой глаза темные, а рот маленький. Но лишь увидел он Манилу, как тут же схватился за сердце и залепетал что-то по-французски.

— Ей еще рановато невеститься, ваша светлость, — развел руками отец девочки, когда та со смехом убежала из дому — и напрямик в лес.

— Ну хорошо-хорошо, мы приедем через год, но уж тогда-то будьте готовы, — согласился герцог, которому Манила понравилась не меньше, чем его сыну.

Они уехали, а отец с матерью задумались. Слишком высоко хотят вознести их дочку. Как бы не упасть ей оттуда да не переломать себе крылья.

Вскоре волнения как-то забылись, а когда год должен был уже миновать, пропал вдруг Беренц — отец девочки — в лесу. Ушел однажды за хворостом и не вернулся. Обыскали все поблизости от деревни и даже ходили за болота — никаких следов старика.

Прошла неделя, люди перестали уже верить, что вернется он когда-нибудь, как вдруг узнали: явился рано утром весь потрепанный, но с дровами. С тех пор стал он какой-то хмурый, поглядывал то на Манилу, то на лес. И смекну-

ли тогда бывалые охотники, что обручилась красавица, сама того не ведая, с Дедом-Лесовиком.

Как это, спросите вы? Такое бывало и прежде. Узнавал хозяин леса, что подрастает в какой-нибудь деревне девица на выданье, приглядывался к ней, а если она ему нравилась, то заманивал в лес отца или мать красавицы, а отпускал только после того, как давали они согласие через некоторое время привести дочку в расплату за свою жизнь.

Перестали ходить за Манилой парни, вздыхали тетки да дядьки ей вслед. И только когда миновал назначенный год и приехала в деревню из города знакомая карета, рассказал отец девушки, что с ним произошло на самом деле.

Шел он в тот день налегке по тропинке, ведущей к вырубке. Это совсем недалеко от деревни, и заблудиться было негде. Как вдруг почудилось ему, что кто-то на него смотрит из кустов. В это трудно поверить, но он почувствовал чужой взгляд затылком. Обернулся — и обмер. Среди ветвей сидел старик в драном полушубке и манил его пальцем. И при этом не говорил ни слова.

— Я? Зачем? — забормотал Манилин отец. Страх забрался ему в душу, потому что догадался он, с кем повстречался на лесной тропе. С Дедом-Лесовиком какие шутки!

— Ты, ты, — ответил ему хозяин леса и выбрался из кустов.

Ох и вид же был у него, скажу я вам! Оборванный, будто всю жизнь по кустам продирался (да так оно и есть!), немыйтый (какое мьтье осенью-то: в речку не залезешь — холодно!).

А выглядит совсем как человек, даже ноги босые с мозолями, будто недавно башмаки малого размера сбросил...

— Подойди ближе, не бойся, — немного хрипловато произнес Дед-Лесовик. — Ничего худого я тебе не сделаю.

Приблизился старик к нему, а Беренц думает: «Если станет смотреть в упор да бормотать заклинания — тут и конец мне придет! Лучше уж бежать куда глаза глядят...»

Ходило в ту пору меж людей поверье: если внимательно глядит на тебя Дед-Лесовик и шепчет что-то — значит, колдует, добра не жди.

Но как будто не собирался сегодня хозяин леса дурить прохожего. Пригласил присесть на пенек: не молод ведь; сам уселся на невесту откуда взявшийся чурбачок и вытащил трубку:

— Будешь? Славный табак... Заморский.

— Спасибо, своего доволь, — ответил Беренц и тоже принялся набивать трубку.

— Как хочешь. Ну, слушай, зачем понадобился ты мне...

Застыл старик. Ох, сейчас заведет разговор о дочке, чтоб ему пусто было! Бабник проклятый...

— О ней, о ней хочу поговорить, — спокойно согласился Лесовик. — Люба она мне, страсть как любая... Но, — он поднял указательный палец и многозначительно покачал им, — не для себя прошу ее. Слишком она умна и добра, чтобы при такой красоте в лесу сгинуть...

Не верил старик своим ушам! Не хочет ее Лесовик брать себе в невесты?

— Давно я за нею следил, почти с самого рождения, — важно говорил хозяин леса, а у Беренца на душе пели птицы. — Хотел я, признаюсь, воспитать ее, как положено моей будущей невесте. Ан не вышло, перещеголяла она меня, медведя неотесанного. Сейчас не возьму грех на душу. Есть и у меня свой судья, не буду его сердить. Оставлю красоту писаную и умницу твою людям. Только задумал я вот что... Поскольку дорога мне Манила как отцу родному, — он едва заметно усмехнулся, поглядывая на старика, — то и пристроить ее в жизни хочу так, чтобы было ей больше счастья, чем горя.

— Как же это? — не сумел сразу догадаться Беренц.

— Выйдет она замуж только за самого достойного... И не отдавай ее в чужие края, худо станет. Люба она мне сейчас, любя будет и после — если не за красоту дивную, то за сердце доброе. Хочу, чтобы жила всегда поблизости от меня.

— Как же сделать это? За кого же ее отдать-то?

— Не волнуйся, — ответил Лесовик. — Вы, люди, недогадливы и многого не знаете о своих соседях. А я могу читать человеческую душу. Поэтому сам решу, кто достоин руки твоей дочери.

— Как же шепнешь ты мне об этом?

— Сделай так. Когда приедут в твой дом сватья, открой окно, поставь возле него зажженную свечу — и смотри. Если потухнет свеча — гони прочь. Коли останется гореть долго и даже от ветра не загаснет — значит, согласен я, смело выдавай девочку.

— А если не понравится он мне? — робко спросил было старик, пытаясь выяснить все до конца, но Лесовик только отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

— Понял? Так смотри, не оплошай, — и поднялся. — А дочь не бойся пускать в лес, я ее и пальцем не трону.

И пропал. Повернулся, чтобы зайти в кусты — и просто исчез, будто не было его вовсе.

Оставшись один, озадаченно покачал старик головой, а когда вспомнил, зачем пришел сюда, и огляделся — не узнал места, на котором стоял. Где тропинка? Где вырубка? Забросил его куда-то Дед-Лесовик. Да делать нечего, пришлось выбирать...

Ориентировался он по солнцу, только дни осенью все больше сумрачные, иной раз и дождь до нитки промочит. Словом, намаялся, пока дорогу домой отыскал. Оборвался весь, но не забыл перед самой деревней хворосту

набрать — за ним ведь и шел в лес.

Когда герцог Крокен-Брукский с сыном снова появились в избе Манилы, старик, не медля, поставил на окошко зажженную свечу — и разом потухла та. Вздохнул он, и волей-неволей пришлось отказывать гостям. Впрочем, давно уже со старухой решили они, что не пара их дочка господскому сыну.

Герцог нахмурился, услышав ответ, пробурчал что-то вроде: «Ну, мы еще посмотрим...», вышли они на двор, сели в карету — и убралась восвояси.

Испугались отец с матерью, уж больно грозен вид был у герцога, только послушаться Деда-Лесовика показалось им еще страшнее.

А добратся до города без происшествий герцог не сумел. Отвалилось колесо у его кареты, а когда слуги взялись чинить ее, послышался в лесу страшный рев — и огромный медведь вышел из кустов, грозно открыв пасть. Слуги как один бросились бежать, а медведь подошел к карете, обнюхал ее, заметил внутри герцога с сыном — и одним усилием перевернул их вместе с каретой. Лошади взбесились и умчались прочь, оборвали упряжь, так что пришлось господам дожидаться следующего утра и идти в город пешком. Поговаривали, что никто из слуг так и не вернулся назад. Сгинули они в болоте или пошутил над ними Дед-Лесовик — никому это не известно.

Только с тех пор не видели больше в деревне кареты. Не захотел герцог рисковать жизнью еще раз.

А соседи не могли надивиться на рассказ Беренца. Вот уж действительно повезло: отыскался такой покровитель.

Прошел еще год — и расцвела Манила красотой неписаной. Если прежде оставалось что-то у нее от неказистой девчонки-длинноножки, то теперь на что ни взглянешь — все на своем месте. Коса длинная и упругая, волосы так и блестят на солнце. Брови черные и раскидистые.

Грудь высокая, талия тонкая, что твоя березка, — немудрено, что молодцы вокруг с ума сходили.

А Зигфрид несколько месяцев бродил в лесах, питаясь зверьем и птицей, и не возвращался к людям. Одному спокойнее. Нет нужды думать о том, что ответить лукавой соседке на приглашение зайти вечером почаявничать. Дом постепенно старился и требовал ремонта, но и это могло обождать. Как-то он все-таки надумал вернуться...

И тут на глаза ему попала Манила. Смутился молодой охотник, не знал, что и сказать. А девушка будто почувствовала это — мягко улыбнулась и спросила:

— Как прошла охота? Давно тебя не было видно, Зигфрид.

— Охота неплохая, — выдавил из себя молодой человек и не выдержал все-таки — поднял взгляд на Манилу. И почему он раньше не замечал ее? Этакая прелесть росла прямо возле его дома (они были почти что соседи!).

— Когда снова отправишься?

— Не знаю... теперь, — смутился охотник еще сильнее. А вечером, когда лег он спать, всплыло у него перед глазами лицо девушки, и все слышались ее слова, сказанные на прощание:

— Что-то очень часто гостишь ты у Деда-Лесовика. Заходи и к нам как-нибудь. Отец с матерью будут рады...

— А ты? — вырвалось неожиданно у Зигфрида.

— И я тоже, — снова улыбнулась Манила. — Пирогов тебе напеку...

Оказалась она не заносчивой и не чванливой, как думалось Зигфриду. Девушка шутила над его лесной жизнью и интересовалась, встречался ли он с Шатуном.

— Нет, не приходилось еще, — честно признался охотник и рассказал даже то, о чем и не спрашивала она вовсе, — о тайнике на болотном острове, где прятал он деньги и шкуры убитых им зверей. — У меня их скопилось много.

Если хочешь, принесу тебе лучшие...

— Нет, оставь себе, — ответила, покачивая головой, девушка. — Захочешь жениться — будет подарок невесте.

Промолчал тогда Зигфрид, хотя вертелось у него уже на языке: «Выходи за меня, Манила!» Но подумалось ему: зачем ей нужен такой бродяга? Ведь он привык к одиночеству и хотя не чувствовал себя в обществе девушки как-то скованно или неудобно, боялся, что завтра утром снова потянет его в лес.

На другой день проснулся он на заре, как привык уже за последние годы, и так же по привычке хотел было схватить старое отцовское ружье, вещевую сумку, которая служила ему подушкой, — и двинуться куда глаза глядят, но... Вспомнилось ему лицо Манилы, ее ясный взор, смех, подобный звону ручья, — и остался он дома. Ни в это утро, ни на следующее не пошел охотник в поход.

Тоскливо поначалу казалось ему сидеть в четырех стенах и не видеть неба над головой. Но нашел он себе занятие — забор подправить, крышу починить, оконную раму заменить. День и пролетел незаметно. А когда кончилась одна неделя и началась другая, почувствовал Зигфрид, что и здесь от него есть польза, руки мастеровые свои узнал. Вечерами он всякий раз собирался с духом, чтобы зайти к Маниле в гости — и всегда почему-то не решался.

А когда надумал, то пришел очень неудачно. Явились вскоре еще и новые сваты и завели долгий разговор с отцом девушки. Тот поначалу ничего не хотел отвечать, а потом зажег свечку, поставил на окно и принялся ждать. Долго горела свечка, но вдруг дунул легкий ветерок — и потух огонек. И сваты, и жених — красивый парень из друзей детства Зигфрида — ушли ни с чем.

Удивился Зигфрид: где-то в глубине души зародилась в нем великая радость, которая вскоре захватила его целиком. Значит, Манила еще свободна!

И все же не утерпел он — решил уйти на недельку в лес, чтобы прийти в себя после всех волнений и как следует подумать, кто он такой и зачем живет на белом свете. Зашел попрощаться к девушке и услышал: — Возвращайся. Мы всегда да тебе рады.

Время, течения которого он обычно не замечал, теперь тянулось почему-то страшно медленно. Еще не понимая, что с ним произошло, Зигфрид вдруг почувствовал, что ему хочется вернуться в деревню. Зачем? Ведь он жил там почти две недели и переделал все дела... Манила! Вот что влекло его назад. Одно имя девушки вызывало теплоту в груди, а когда припоминал он ее красивое лицо и мягкий голос, начинало бешено колотиться сердце.

«Неужели я влюбился? — думал охотник озадаченно. — Вот ведь как бывает! Хотел только солью запастись да хлеба прикупить, а получилось — застрял, как в болоте. Может, не судьба мне прожить в одиночестве, бродяжничая по лесам? Только вот Манила...»

Что-то скажет сама девушка? А ее родители? Они хорошо принимают его как гостя, когда он является раз в полгода, а после снова пропадает на столько же. Но как они посмотрят, если он придет и скажет им: «Отдайте вашу единственную дочь за меня замуж...» Конечно, он сумеет прокормить семью, да и запасы деньжат и шкур у него большие — хватило бы и на новый дом. Только ведь не по одним деньгам судят о человеке. Приезжал же к ним сам герцог...

И тут вспомнилось Зигфриду лицо его друга детства — Ференца, которому отказали всего несколько дней назад, и он, Зигфрид, присутствовал при этом. Если Ференц и не заплакал от обиды и разочарования на людях, то обязательно отвел душу, оставшись в одиночестве. Он не отличался сильным характером и, пожалуй, был мягковат для мужчины, но, сколько помнил Зигфрид,

Ференц всегда нравился ему больше остальных мальчишек: он никогда не обманывал, делился последним, а при случае мог и побороть свои слабости. Однажды на охоте (юнцами они ставили силки и капканы) пришлось им столкнуться с матерым волком, и Ференц не подвел, не бросился бежать, а встал плечом к плечу с Зигфридом, и вместе они одолели зверя.

И он был готов заплакать от обиды!.. Смятение пришло в душу молодого охотника. Пусть робок Ференц, пусть неумело ухаживал за девушками, но он совсем не плохой человек. И если уж отказали ему, то как посмотрят родители Манилы на Зигфрида? А тут еще наслышался Зигфрид от людей, будто отец девушки в сговоре с Дедом-Лесовиком. Доверять ли чужим словам? Сама Манила только рассмеялась в ответ, когда он спросил ее напрямую. Может, и она не верит молве? Не такое уж это обычное дело, чтобы поверить сразу, но и отмахиваться тоже нельзя. С Лесовиком шутки плохи. «Кто же знает, — размышлял долгими вечерами у костра молодой охотник, — может, и выдумал старый Беренц историю со свечкой, на самом же деле обручил дочку с Лесовиком, только признаться теперь боится. Не каждый в себе силы найдет воспротивиться Деду. А перед людьми стыдно — вот и придумал сказку о покровителе...»

И страшно стало Зигфриду возвращаться в деревню. Знал он: не выдержит, захочет снова посмотреть на удивительные глаза Манилы, послушать, как поет она старинные песни. А тогда обязательно сделает ей предложение и пойдет свататься! И если выпроводят его — не перенесет он стыда, уйдет отсюда навсегда, чтобы не испытывать боли. Ведь невыносимо будет знать, что ходит где-то рядом краса ненаглядная, да не твоя она, потому что не вышел ты для нее лицом.

«Нет, лучше не знать ответа, чем всю жизнь терзаться отка-

зом», — решил тогда Зигфрид и поутру двинулся прочь от деревни, думая в скитаниях по лесам забыть-ся и вернуть потерянный покой.

Но ноги сами понесли его в другую сторону. Никогда не бывало такого, чтобы ходил он кругами. Всегда, верный охотничьей привычке, твердо держал направление в самой дремучей чащобе. А тут сплоховал!

Раздвинул кусты и увидел дома. «Эх, — вздохнул он обреченно. — Ну, ладно. Ведь сухарей да соли взял я маловато, они почти на исходе. Забегу на двор, прихвачу еще — и тогда уйду надолго. Когда вернусь, Манилу уже сосватают — и горевать будет не о чем!»

Сказано — сделано. Подошел к своему дому, радуясь, что утро раннее, почти все деревенские еще спят, и вдруг обмер... Идет ему навстречу Манила и улыбается приветливо.

— Ты вчера прийти должен был, — сказала она просто, давая ему воды в ковше. — Я ждала тебя...

Затрепетало сердце охотника и чуть не выскочило из груди. Ждала? Зачем? Неужели и он ей нравится?

— Вечером заходи к нам в гости, — предложила она и протянула ему сверток. — Вот, поешь... пряники тут.

— Ладно, — кивнул он, да больше, кажется, и язык отказался бы отвечать.

Весь день не находил он покоя, а вечером, чуть стемнело, уже стоял на пороге ее дома, одетый в непривычную для себя чистую рубашку.

— Манила, у нас, кажется, гости, — забормотал старый Беренц, не ожидая увидеть Зигфрида таким нарядным. Понял он, зачем пожаловал молодой охотник, и, нахмурившись, покачал головой. Если уж десяток молодцов да удалцов до сего дня ушли ни с чем, не нужно было Зигфриду задумываться о сватовстве. Нелегко будет ему отказать. Соседи они, к тому же водил старик дружбу с отцом Зигфрида, а было

время, даже присматривал за непоседливым юнцом, пока тот не встал на ноги. За родителя... Ох, нелегко!

А Манила, кажется, и не думала ни о чем. Накрыла на стол, пригласила садиться. Когда Зигфрид без всякого предупреждения заявил, что хочет взять ее в жены, посмотрела вопросительно на отца, на мать и промолчала. Но почудилось охотнику — обрадовалась она в душе.

Старик, кряхтя, поднялся за свечой, зажег и поставил на окошко.

— Значит, правду люди говорят? — кивнув на огонек, спросил Зигфрид. — Про Деда-Лесовика?

— Что люди говорят, не ведаю, а вот послушай-ка ты меня, сынок, чтобы в случае чего не сердился и жил мирно, по-соседски, — ответил Беренц и рассказал всю историю сам, без прикрас и недомолвок.

Свеча между тем продолжала гореть, и только однажды качнулось пламя, но тут же вновь взметнулось ввысь — и даже порыв ветра, ворвавшийся в окно, не сумел его потушить.

Когда оставался совсем небольшой огарок, положила Манила свою руку на жесткую и сильную ладонь Зигфрида и произнесла вполголоса:

— Чувствовало мое сердце, что не захочет он обидеть меня...

И, словно в ответ на ее слова, донесся из леса могучий рев: видно, Шатун снова забрел в их края.

Может, кто-то подумает, что и сказке тут конец. На самом деле она только началась.

Потекли дни чудесные и удивительные. За несколько месяцев, что провел Зигфрид с молодой женою, он только трижды уходил в лес. Один раз принес спрятанные на болоте шкуры и деньги, и еще дважды — чтобы пострелять дичи. Мясa хватало и им двоим, и родителям жены, которых молодой охотник уважением не обделял.

Забылись те времена, когда не было Зигфриду занятия милее, чем

долгие походы, ночи у костра и рискованные встречи с диким зверьем. Стал он домоседом, да нисколько не жалел об этом. Всегда в их доме был порядок, и душа отдыхала, когда видел он, как неторопливо, но ловко управляется красавица жена возле печи. Мастерница она оказалась на все руки: и костюм новый сшить, и нитей напрясть, и коров да коз подоить и выхолить. Дела, казалось, делались сами собою, стоило ей только взяться.

Не мог Зигфрид нарадоваться на свою судьбу и давно позабыл дорогу в деревенский трактир, куда иногда захаживал по молодости. Дружки бывшие завидовали ему, но никто не мог сказать о нем худого слова. Короче говоря, был он достоин такой жизни.

Шли годы, и умерли у Манилы родители. Только за мужем была она как за каменной стеной. Никто не смел ее обидеть словом или делом, потому что боялись не столько тайного покровителя, сколько Зигфрида: мог он, рассердившись, и голову снести обидчику. А история с Дедом-Лесовиком уже забылась, и мало кто догадывался, что хозяин леса еще оставался верен своему обещанию.

Появились у Манилы и Зигфрида малыши. Дочке было всего три года, а сынишке — год, когда Лесовик снова дал о себе знать.

Случилось это после того, как, вернувшись с ярмарки, Зигфрид прямой дорогой отправился в трактир. Замерз он в пути, и подумалось ему, что вино хмельное согреет его лучше родной жены. Напившись вместе с дружками-попутчиками, затеяли они разговор о женщинах, и нашелся среди них один завистник (такие обычно пьют, не хмелея, потому что скроены особенным образом), который принялся искать изъяны у жены Зигфрида. И нашел-таки! И чересчур она скромна, и людей боится, соседей сторонится, со старыми ухажерами двумя словами перекинуться не может. Одним словом — ракушка. Закрылась в своей

скорлупке, а открыть не хочет, чтобы люди на нее посмотрели да свое суждение о ее жизни заимели.

И подумалось тогда Зигфриду, что правду ему говорят, нехорошо живет его Манила. Гостей в дом не зовет, все больше о нем да о детях печется. Крикнул он на весь трактир, что приглашает всех в гости сейчас же, немедленно, и сколько ни уговаривал его Ференц, оказавшийся в тот день рядом, не послушался охотник, повел орущую ватагу к себе в дом.

Ждала его Манила терпеливо, хотя на дворе была уже глубокая ночь. Так же безропотно накрыла на стол, достала бражки из старых запасов — и пошло веселье до утра. Не заметил вконец напившийся Зигфрид, как жадно посматривал на хозяйку дома завистник, первым нашедший в ней множество недостатков.

Уже под утро разгорячился охотник, проводив гостей, закричал на жену, что слишком она скучна была сегодня — и ударил ее по щеке. Зазвенело в голове у Манилы, закрылась она от второго удара, и звон этот отозвался где-то далеко-далеко тысячей колокольчиков — будто падали с веток елей на землю появившиеся за ночь сосульки.

Проснулся Зигфрид только под вечер. Голова его страшно трещала, и не лезла в рот ложка со щами. Хмуро посмотрел он на Манилу, детишек, суетившихся возле него, и вышел подышать воздухом.

Как он зашел в лес, наверно, не вспомнит и сам. Почудилось ему только, что неспроста хрустнула сзади ветка. Вытащил нож, опасаясь нападения волков — и вдруг застыл. Из кустов появился приземистый старик в драном тулупе и произнес негромко:

— Спрячь нож-то... Не требуется он тебе нынче.

Руки сами собой повиновались, и тогда понял Зигфрид, кто перед ним. Дед-Лесовик!.. Перепугался охотник. Доводилось ему слышать множество расска-

зов о встрече с хозяином леса, но вот увидеть его еще не случалось.

— Рассердил ты меня сегодня, — начал старик, примостившись на поваленном дереве и набив трубку душистым табаком. — Крепко рассердил. Если нет на плечах головы, пользуйся той, которую еще послал тебе Бог — головой жены. Зачем послушался злого языка? Мало того, что притащил в дом совсем чужих людей, так и жену ни за что обидел.

Лесовик помолчал, затаиваясь, потом посмотрел на охотника в упор и спросил:

— Знаешь ли ты, что я остерегаю Манилу от дурного человека, и потому выбрал тебя ей в мужья, что показался ты мне в тот день, когда решил свататься, славным малым?

— Знаю, — вздохнул Зигфрид. — Помню.

— То-то, — удовлетворенно кинул Лесовик. — Не позволю обижать ее никому, даже тебе. Если за дело — пожалуйста, но просто из прихоти или дурного настроения — не смей... Понял?

— Ага, — Зигфрид начал уже подумывать, что дешево отделался, когда старик, взглянув ему в лицо, покачал головой и пробормотал:

— Нет, видно, ты еще не понял. Но поймешь. У тебя будет время. Прощай. — Он поднялся, повернулся, чтобы уйти, потом вдруг что-то вспомнил и оглянулся через плечо. — Да, не забывая посматривать в лужи...

И пропал. Как стоял на месте — так и исчез в мгновение.

Остался Зигфрид один. В недоумении он вспомнил последние слова Лесовика, тряхнул тяжелой головой, проверяя, не спит ли, потом сел на тот самый ствол, где находился во время разговора Дед, и задумался.

Что хотел сказать хозяин леса? Ну, не обижать жену — это ясно. А вот про лужи... Какие лужи?

Целый час провел он на полянке, но так ничего и не смог придумать. Если бы голова не трещала после вчерашнего веселья,

может, и по-другому сложилось бы все. В конце концов махнул он рукой — что гадать, если толку нет, — и побрел к деревне.

Только сколько ни шел он по тропе, не мог выйти на знакомую просеку. Вроде бы и узнавал лес — вот-вот должна она появиться за поворотом, за кусточком — а оказывалось, что идти ему еще целый час. Будто подшучивал над ним кто... Хотя что тут гадать. Понятно, чьи это проделки. Захотел Дед-Лесовик ему свою силу показать — вот и насмеяется.

«Ну да ладно, все равно моя возьмет, — уже весело думал Зигфрид. Показалась ему забава Лесовика шутиливою игрою. — Скоро надоест старику — отпустит...»

Но не тут-то было. Вначале тропинка стала теряться меж кустов, только привычный охотничий взгляд и мог рассмотреть, как она вьется, а потом и вовсе не стало ее.

«Куда я попал?» — недоумевал Зигфрид, то и дело сверяя направление с солнцем. Вроде и шел в свою сторону, а вот угодил в неведомое место. Еще хуже стало, когда началось болото. Летом он частенько ходил здесь одному ему знакомыми тропами, открывал новые, высматривал на болоте островки, а сейчас скоро зима, лезть в болотную жижу ох как неприятно.

Но делать нечего — пришлось пробираться. Одолевал он несколько километров и с облегчением увидел, что кончается болото, только радости это в конце концов не принесло. Совершенно чужой стоял вокруг лес. Куда ни взглянешь — глушь да бурелом.

Кончился один день, за ним миновал другой, а Зигфрид все брел и брел, не разбирая пути. Только бы выйти на тропинку или дорогу! Славились эти леса труднопроходимостью и протяженностью, но для охотника, столько времени проведенного в них, не было здесь ничего страшного. Правда, для того охотника, у которого есть с собою ружье! А у Зигфрида

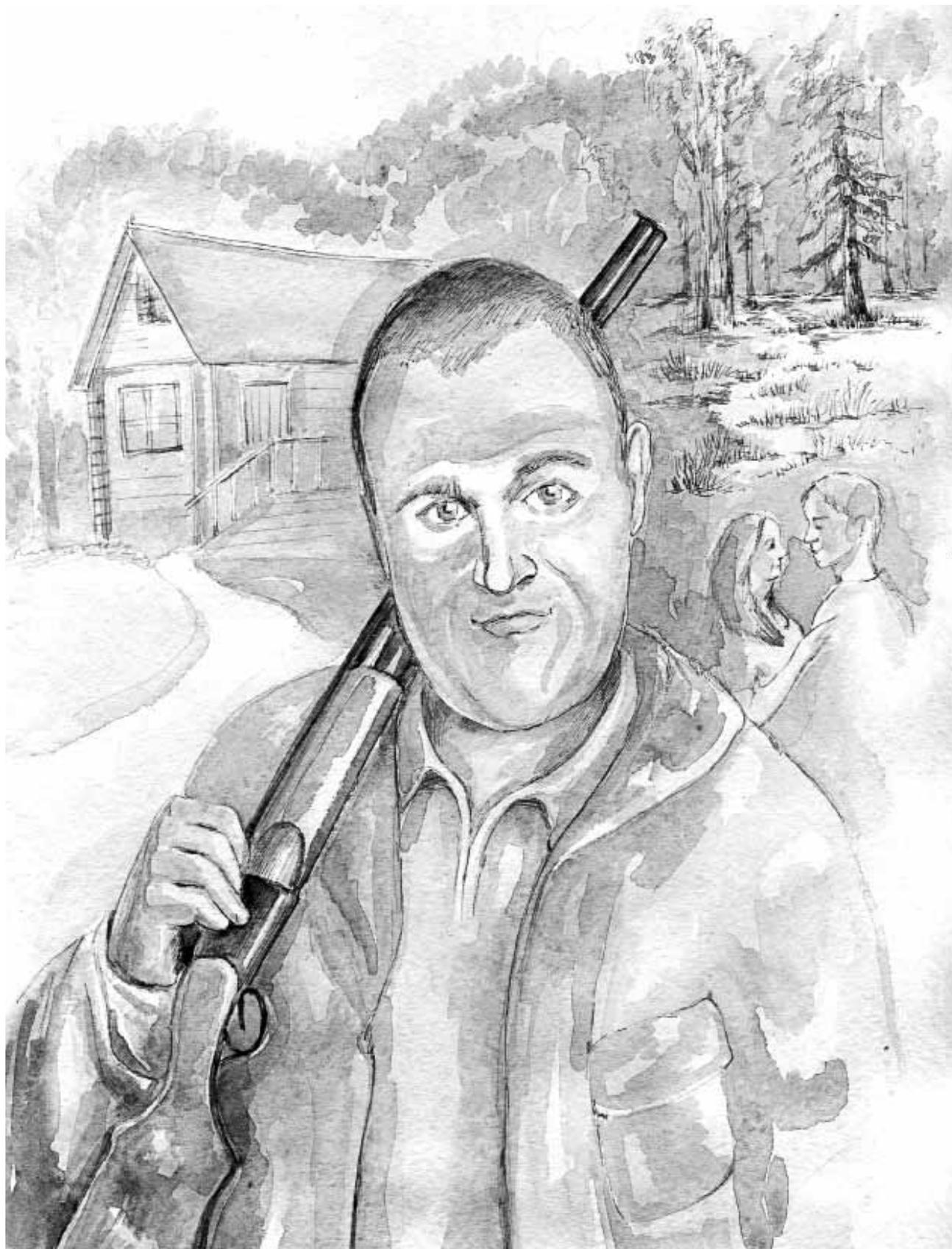

Рисунок Антонины Решетниковой

не оказалось его. Не догадался захватить, когда вышел из дома. Ни соли, ни хлеба — ничего не взял.

Пришлось ему питаться ягодами — прокисшей уже черникой да клюквой, которых вдоволь росло по окраинам болот. Наконец, понял он, что долго придется ему блуждать по лесам: крепко, видать, осерчал Дед-Лесовик. Изготовил себе лук и стрелы тупые, стал тетеревов да рябчиков постреливать. Сделалось полегче. Огниво всегда держал он в кармане, так что и обогреться, и обсушиться мог в любой момент.

Прошло несколько недель. За это время передумал Зигфрид все думы, какие только приходили ему в голову. Покаялся перед собой за обиду, нанесенную жене. Вспоминал теперь о ней с ласкою, только весточки не мог ни передать, ни получить взамен. Как же живется им втроем, без отца и мужа? Наверно, тоскливо... Не голодают ли? Нет как будто. Ведь привез он с ярмарки достаточно денег и муки, хватит им на полгода.

Однажды наклонился Зигфрид к болотной луже, чтобы воды попить, — а в ней увидел дом свой да жену с ребяташками. Вот так чудо! И вспомнились ему слова Лесовика перед прощанием... Оказывается, в себе был старик, когда бормотал про какие-то лужи!

Только что это там творится? Какой-то гость у них, что ли? Ах, да это тот самый человек, который называл Манилу ракушкой! Что он делает в его доме?

И донеслись вдруг до Зигфрида слова, которые говорил завистник чужой жене, — вкрадчивые, настойчивые:

— Не придет он, Манилушка! Сгинул в болоте... Наверно, пьян был, вот и утонул, бедняга. Сколько уж времени-то прошло — почитай что месяц! Забудь о нем, думай теперь обо мне. Поостынет вскорости сердечко — и свадьбу сыграем.

— Уйди! — коротко, но твердо ответила Манила, и глаза ее, всегда

добрые да веселые, сверкнули гневом. — Уходи и больше не приходи никогда. Я сама не знаю, что случилось с мужем, но и ты сказать мне не можешь, если... если сам не убил его!

Испуганно вскочил гость, забормотал какие-то извинения и бросился бежать от неприветливой хозяйки. А Зигфрид, который не мог дотянуться, чтобы расцеловать жену за такие слова, плакал возле лужи, разбавляя мутную воду солеными слезами.

Вот так каждый день отыскивал он лужи и видел в них, как бывшие его дружки приходили в дом Манилы, чтобы выразить ей сочувствие, а задерживались допоздна, и, в конце концов, каждый предлагал одно и то же. Скрипел Зигфрид зубами, видя их хитрые лица, но никогда не подводила его жена.

Только Ференц, посидев с полчаса, ушел, не сказал ни слова, и понял тогда Зигфрид, что именно Ференц любит Манилу сильнее, чем все остальные ее ухажеры. И пожалел его охотник, но только прибавилось у него в душе гордости за свою жену.

Три месяца блуждал он по лесам, и только тогда вышел, наконец, на знакомую тропу. Усталый, ободранный, он все равно побежал бегом и через час уже был дома, обнимая Манилу и детишек. Как они обрадовались ему! Дочка прыгала вокруг и напевала песенку; сын, еще не умевший толком говорить, подходил и трогал мягкими пальчиками, словно не веря в его появление. А Манила просто плакала от счастья!..

Понял тогда Зигфрид, что дороже семьи у него ничего нет. Вышел однажды вечером к лесу и крикнул во все горло:

— Спасибо, Дед! Открыл ты мне глаза... Запомню твой урок!

В ответ заухал на ветках филин — словно засмеялся.

С тех пор жили они еще дружнее. Не захотел охотник рассказывать жене, что с ним произо-

шло, только и выдавил из себя:

— В гостях был... У Лесовика.

И стало Маниле многое ясно. Не нужно ей было даже выпытывать, где и когда довелось им встретиться, как прошла встреча и почему отпустил ее покровитель Зигфрида домой. Вернулся он — с нее и этого довольно.

Прошло еще несколько лет. Подросла дочка — уже видно, что красавица получится, будет всех парней в деревне притягивать. И хотя несмышлена еще по женской части — всего десять минуло, — а иной раз наклонит голову, улыбнется хитровато — ни дать ни взять кокетка. Сын стал помогать отцу в делах по дому: и дров принесет, и баньку затопит, и за скотиной приглядит.

Смотрел иной раз Зигфрид на жену и диву давался. Как была она красавицей писаной, так и оставалась по сей день. Встретится незнакомый человек, подумает: какая славная девка идет, можно и пожениться.

Перестали ходить в их дом незваные гости. Живи да радуйся. Только не сумел охотник выполнить наказ Деда-Лесовика.

Однажды после ярмарки опять зашел в трактир, напился до умопомрачения, и завистник, который давно уже боялся в его присутствии рот раскрыть, снова принялся подзуживать: неправильно, мол, живешь, душа-то у тебя широкая, а из-за своей жены приходится тебе дома сидеть. Смотри-ка, сколько вокруг девок подросло красивых да румяных! Заиграй с ними — сами целоваться полезут. Не упускай потеху, пока молодой. Возле жениной юбки насидишься еще в старости.

Слушал Зигфрид, слушал, потом кулаком по столу ударил и крикнул:

— Пойдем по девкам гулять!

Пошли они целой ватагой, впереди Зигфрид, а сзади — завистник советы дает: какую выбрать да как к ней подступиться. Схватил охотник самую бойкую, прижал к себе богатырскими объяти-

ями — куда девке деваться, пришлось с визгом да писком уступить.

А завистник тем временем побегал к Маниле и говорит ей:

— Твердил я тебе, Манилушка, что непутевый муженек твой. Ты сейчас его здесь дожидаясь, ночью не спишь, а он с молодыми девками развлекается. Пойдем, покажу! — И тянет ее за рукав.

Отдернула Манила руку, гневно посмотрела на гостя и ответила:

— Если захочет, сам расскажет. А нет — на его душе груз будет висеть, ему с ним и жить...

Удивился и испугался завистник, бросился вон из избы. Завидно ему стало пуще прежнего, что Зигфрид и с девками повеселится вволю, и домой придет, где его все равно ждать будут.

Так оно и вышло. Дождялась Манила мужа уже под утро, когда пришел он разбитый и усталый. Свалился на кровать, слова доброго не сказал.

Уснул он, а жена проплакала до рассвета, потом поднялась — и за дела принялась. Хозяйство ждать не будет...

Встав под вечер, Зигфрид почувствовал, как гудит у него голова. Выпил квасу — не полегчало.

— Пойду пройдусь немного, — хмуро сказал он Маниле и вышел во двор. Незаметно очутился возле леса, а там и по тропинке двинулся. Медленно брел, охая и ахая — так дурно ему было после вчерашнего веселья.

— Что же ты, охотник, не ту дичь выбрал? — раздался вдруг сварливый голос, и вздрогнул Зигфрид, обернувшись. Стоял перед ним Дед-Лесовик — точь-в-точь такой, каким встретился ему несколько лет назад. Только глаза еще более суровые...

— А? Какую дичь? — не сразу догадался Зигфрид.

— Ночью, когда затеял охоту на чужом дворе.

— Ах, это...

— Помнишь, что говорил я тебе в прошлый раз?.. Вы,

люди, живете мало, оттого, наверно, и кажется вам, будто минуло все давно, забылось да сгнуло. А для меня это случилось только вчера, потому что жизнь моя другой меркой мерится... Ну, так помнишь ли?

— Да, — склонив голову, ответил Зигфрид. — Не забыл еще...

— Чувствуешь ли вину за собой? — Старик внимательно посмотрел на охотника. Лучше бы он спросил об этом завтра, сегодня же голова Зигфрида болела так сильно, что ему ни о чем не хотелось думать. Он кивнул, но в мыслях проскользнуло: «Быстрее бы отделаться от него...»

— Эх, человек, человек, — покачал головой Лесовик. — Век будешь учиться, все равно помрешь глупее, чем родился... Ладно, не стану тебя больше задерживать, коли торопишься. Иди, только подумай, зачем и ради кого ты живешь.

Исчез старик, и Зигфрид огляделся. Нет, как будто все в том же месте стоит, где говорили они с хозяином леса. Может, забросит его куда-нибудь немного погода? И, уже готовый к этому, побрел он домой...

Странно... Лес как будто знакомый, а все-таки не тот. Вот сосенка, возле которой он каждый день ходил за дровами. Что-то она высока стала. Да и кустарник справа от тропы больно загустел... Впрочем, это все могло и померещиться. Ведь голова-то так и не прошла.

Зигфрид с радостью увидел впереди деревню. Значит, простил его Лесовик на этот раз. А он-то боялся, что снова придется блуждать по лесам. Ведь у него сегодня и огнива с собой не оказалось.

Шел он по деревне уже веселее, представляя, как встретится с женою и как доверчиво она положит ему на грудь свою голову... Любил он такие минуты, особенно после разлуки, когда впереди много дней спокойной жизни дома.

Встретившийся ему сосед отшатнулся и побледнел, только Зигфрид не придал этому никакого значения. Отметил лишь про себя, что

осунулся сосед и бороду отпустил. «Видно, целую неделю из трактира не вылезал», — подумал Зигфрид, с удовольствием вспоминая, что он сам бывал в трактире только по великим праздникам и вообще не особенный любитель пображничать.

Подошел к дому, открыл калитку и... Что это такое? Не узнает он двор свой! Вроде бы сарай тот же, только дверь у него новая, доски еще не потемнели. Скамья у стены расписана красками. Окна — тоже. Яблоньки, которые он посадил своими руками несколько лет назад, вымахали выше крыши, и плоды на них висят огромные. Что же это за чудо такое? Протер глаза... Ничего не изменилось. А тут голоса слышались в избе, и вышли на крыльцо... Господи, кто же это?

Манила, только совсем не та, которую покинул он всего час назад. Стала она взрослее как будто, потому что нельзя сказать, что состарилась: красота ее несколько не поблекла. Просто лицо стало немного крупнее и серьезнее, а в глазах прежний огонек уже не искрился, а светился спокойно и уверенно.

Вслед за нею появилась дочка... Но она уже невеста на выданье! Точная копия матери, когда Зигфрид повстречал ту, выйдя из леса много лет назад. Коса до пояса, брови раскидистые, только вот немного посветлее — от отца достался ей этот цвет... Одним словом — загляденье, а не девка!

А это кто? Сын? Вот так парень вырос! Такому не страшно и дом оставить. Плечи широкие, словно у мужчины, руки большие и сильные...

Подожди-ка! А это еще кто? Девочка лет шести выбежала вприпрыжку, соскочила с крыльца — и смущенно остановилась, увидев незнакомого дядю. Откуда ты взялась, пигалица, и как тебя зовут?

И последним вышел из дома... Зигфрид схватился за голову. Ференц! Но и он совсем не такой, каким был прежде. Возмужал, окреп, выглядит серьезным и сосредото-

ченным. Тоже вот бороду отпустил. Не скажешь, что когда-то называли его друзья рохлей да тряпкой.

Смотрели они все на него с каким-то любопытством, словно пройдет минута — и растворится он в воздухе, как утренний туман под солнечными лучами.

— Манила, — прошептал чуть слышно Зигфрид, потрогал свое лицо, осененный внезапной догадкой, но не обнаружил на нем ни щетины, ни морщин. Он оставался молодым, как и был. А они все...

— Все-таки вернулся, — произнесла Манила, и в глазах ее мелькнула жалость. — А я тебя три года ждала. Извини, не дождалась. Думала, совсем сгинул ты в лесах. Или убил тебя кто. Ведь люди-то не признаются.

— А я вот... пришел, — ответил Зигфрид и развел руками, словно извиняясь в свою очередь, что остался жив.

— Где ты был столько лет? — спросила Манила.

— Сколько? — дрожащим голосом проговорил Зигфрид.

— Почти десять...

— Не знаю! — охнул охотник. — Не могу вспомнить... Словно только вчера из дома вышел. После той ночи, помнишь?

— Ага, — кивнула Манила. — Ты не изменился совсем, будто и не прожил эти годы.

— А как ты... сама? — не утерпел Зигфрид.

— Как видишь, живем хорошо. Ференц зашел ко мне семь лет назад и предложил свою помощь. Тогда нам троим-то было не сладко. Нужно и на охоту самой ходить, и хозяйство вести. Хорошо, что дочка быстро повзрослела, помощницей стала. Вот еще девочка родилась... От Ференца. Тоже пытается помогать, только у нее пока силенок маловато...

Слушал Зигфрид эти новости как во сне. Вроде бы и произносила их любимая жена Манила, а совсем не касались они его, точно о чу-

жом человеку речь шла. Или для чужого рассказывалось. Это вот вернее всего. И когда предложили ему войти в дом и отведать щей, согласился, но был рассеян. Ел, а у самого в голове слова Манилы витали многократным эхом:

— Сейчас живем неплохо. Хозяйство крепкое. Ференц расписывать красками выучился. Вся деревня теперь у него просит, отбоя нет. Кому окна и ставни, кому стены в доме. Глаз у Ференца верный, а рука легкая — получается красиво.

Поел Зигфрид супа, поблагодарил за гостеприимство и не знает, что дальше сказать. Понимает, что оставаться не может, а уйти просто так — душа противится.

— Поживи немного у нас, пока не найдешь, куда себя деть, — словно почувствовав, что у него на душе, предложила Манила. Она смотрела с прежней жалостью, но растерянность, заметная в момент встречи, уже прошла. И понял он, что никому не нужен здесь. Даже дети называли теперь отцом Ференца, а не его.

— Спасибо. Будет лучше, если я уйду.

Никто не стал отговаривать Зигфрида или утешать. Это было бы еще хуже, еще больше...

Пошел он куда глаза глядят, даже не взял со стены свое старое ружье, хотя увидел, что рядом висит новое, купленное, наверно, Ференцем.

Вышел из деревни, чувствуя на себе удивленные взгляды соседей, и побрел дальше — по тропе, ведущей к болоту.

Расстегнул он ворот, а жарко ему все равно. То ли голова болит, то ли душа — не разобрать сразу. На сердце кошки скребут, обливается оно кровью. «Что же ты со мной сделал, дед проклятый?!» — и спрашивал, и рыдал охотник. Стон рванулся из груди и разнесся по лесу диким воплем, словно не человек кричал, а зверь бессловесный.

Брел он так, не замечая дороги, забыв, что впереди опасное болото. Миновал его, даже не за-

думавшись о тропке, а когда вдруг очнулся, то огляделся — и не узнал места, где находится. «Как я сюда попал?.. Вот угораздило! Назад вернуться?» Но только подумал о том, как встретят его соседи и Манила с детьми, — покачал головой и устало опустил на пень. Куда же теперь идти? Назад дороги нет. И как он наверстает потерянные десять лет? Вернее, пропущенные... Чепуха какая-то! Совсем спятил Лесовик, коли такие загадки перед ним ставит.

— А это и не загадка вовсе, — услышал он вдруг ответ на свои мысли, но почему-то не испугался, словно ждал его в любой момент. Вышел Дед-Лесовик на полянку и присел рядом прямо на землю.

— Неужели не догадался?

— Догадался, — хмустро произнес Зигфрид.

— И что скажешь? — Старик с любопытством посмотрел на охотника и на этот раз удовлетворенно кивнул, будто соглашаясь с самим собой.

— Удружил ты мне, дед...

— Недоволен разве? Так ведь ты молодой еще, к тому же стал теперь холостым — самое время по чужим девкам бегать. — Лесовик усмехнулся и вдруг посуровел враз: — А чего же ты хотел? Я тебя предупреждал, или не так? Полюбилась мне жена твоя сызмальства, потому и охраняю ее, как собственный глаз.

Не нашелся Зигфрид, что сказать на это.

— И как видишь, живет она сейчас недурно, — продолжал опять лукаво Лесовик. — Детишки веселые, муж добрый, сама довольна... Что еще нужно?

— А мою жизнь, значит, зачеркнул разом? — вдруг вырвалось у охотника. — А как же мои дети? Чем они виноваты?

— Ничем. Потому и отец им достался хороший. Новый.

Опустил голову Зигфрид и глубоко задумался. Дед молчал, ожидая, когда тот заговорит снова, и покуривал свою трубочку.

— А нельзя ли, дедушка... — начал Зигфрид и осекся на полуслове. Господи, что он хочет спросить? Разве можно такое совершить?

— Говори, говори, не бойся, смеяться не стану, — подбодрил Лесовик.

Собрался охотник с решимостью и dokonчил:

— ...вернуть все! Нельзя ли сделать все по-прежнему? — и посмотрел так тоскливо, что даже старика мороз по коже пронял. Но не захотел он легко сдаваться, ответил, будто не понял:

— С мордобоем и руганью?

— Нет же! Семью! Семью мне вернуть нельзя ли? Крови не пожалею! — И впился руками в пенек, так что пальцы побелели.

Покачал Лесовик головой:

— Нет, милый человек, не в моей это власти. Если бы только время воротить — это еще можно. Но ведь сколько с тех пор воды утекло! У твоей Манилы дочка народилась от нового муженька — куда ее прикажешь деть-то? Дана уже ей душа человеческая, не смогу отнять ее просто так...

— Что же, — в отчаянии воскликнул Зигфрид, — совсем ничего нельзя сделать? Ведь должно быть какое-то волшебство...

— Я сказал тебе все, что знаю, — пожал плечами дед.

— Но как МНЕ вернуть Манилу?

— Ты только этого хочешь? — с сомнением спросил Лесовик.

— И детей! Счастья хочу!

— Есть одно средство, коли так...

— Какое?! — с жаром

вскричал охотник.

— Не знаю, примешь ли...

— Говори!

— Убей дочку Ференца и приходи ко мне, тогда и помогу.

— Убить?! — хрипло переспросил Зигфрид. — Да как же? Что ты говоришь?

— Другого ты от меня не услышишь. Не захочешь сделать так — быть тебе вечно одному...

Схватился за голову охотник, пошла она у него кругом, и крик

раненого зверя разнесся по поляне. Бросился он в самую чащу леса, не обращая внимания на ветки, хлещущие по лицу, на болотную жижу, чавкающую под ногами... А когда остановился, увидел впереди себя деревню.

Там, всего в сотне шагов от него, были те, кто составлял весь смысл его жизни, его счастье. А рядом с ними находилось существо, которое мешало ему обрести все это заново...

В руке появился нож. Одно движение...

Представил Зигфрид, что скажет Манила, узнав о его поступке, как зарыдает она над бездыханным телом своей дочери... А если бы это была дочь Зигфрида, а какой-нибудь Ференц раздумывал над вопросом, оставить ей жизнь или?..

Да и сумеет ли он когда-нибудь обрести тот душевный покой, без которого никогда не бывает счастья, если будет висеть над ним вечное проклятие убийцы? Как посмеет ласкать он собственных детей руками, запятнанными чужой детской кровью?

Загудела голова Зигфрида еще сильнее, закололо сердце — и, повернувшись, побрел он прочь, гонимый умирающей мечтой.

Дни шли за днями, недели за неделями, месяцы сменяли один другой, а он все блуждал по лесам, стараясь вначале уйти подальше от своих краев, а потом просто двигаясь, куда глаза глядят. Не было у него оружия, кроме ножа. Сделал он себе лук. Питался кое-как, едва не умер зимою с голода, да пчелиные запасы спасли: нашел однажды дупло-улей без хозяев.

Через год стало не узнать Зигфрида. Словно зверь, рыскал он по лесу, обходя человеческие тропы и дороги, сторонясь деревень и охотничьих домиков. Не хотелось встречаться ему с людьми. Что он им скажет? И начинать жизнь заново тоже не желал: считал, одна судьба дается человеку.

А когда минуло почти три года его скитаний, разучился Зигфрид говорить вслух: только думал словами. Обрел он все повадки дикого зверя. Добычу чувствовал по запаху пота и крови. В лесу не боялся никого, даже медведей, хотя, кроме как дубиной и ножом, нечем было защищать ему свою жизнь. По деревьям лазал и прыгал сверху на кроликов, как настоящая рысь. Рвал зубами оленье шею, подобно волку. Стал он царем зверей, и только Шатун, до сей поры бродивший по всем краям, делил с ним этот трон.

Вышел однажды Зигфрид, сам того не ведая, к родной деревне. Заорчал он по-медвежьи, потом задумался — и завыл волком. А мысли были такими: «Зачем живу? Для чего? Кто я такой? Кем был... А стал... У-ух! Стоит ли... стоит ли дальше... вот так же... одиночкой... навсегда?»

Долго он выл — до самого вечера, а люди в деревне укрепляли запоры в хлевах да сараях. И уже стемнело, когда вой переплелся с могучим рычанием: привлеченный шумом, явился сюда сам Шатун.

Уйти бы Зигфриду прочь, остеречься огромных когтей и зубов, а пуще — мощи немереной, но не стал он отступать. Отчаяние ударило ему в голову необузданной яростью: «Умереть... Скорее умереть! Если не сегодня, то когда же? Сам на себя руки наложить не могу, а постарому жить — силы нет!»

И бросился он на Шатуна с небольшим ножом в руке. Сплелись они в бешеной схватке, в которой, по сути, делить им было нечего: оба жаждали одного. Только так уж скроена натура человека, что не может он просто подставить голую шею под зубастую пасть. Шерсть летела ключьями, а рев перепугал до смерти всех коров и лошадей в округе. Да что говорить — волки तो ропливо уносили ноги подальше, слыша вопли разъяренных бойцов.

Наконец почувствовал Зигфрид, что слабеет. Хватка косолапого оказалась настолько могучей, что не

удавалось высвободить руку с ножом. Пришлось пускать в ход зубы, но куда его зубам до медвежьих! Истекая кровью, все-таки изловчился он, выбрался из объятий. Рванулся за ним Шатун, думая, что тот убегает, но повернулся охотник лицом — и заставил врага подняться на задние лапы.

Нож вонзился медведю прямо в сердце, и рухнул он, подмяв Зигфрида и раздавив его страшно заросшую голову...

Очнулся Зигфрид от нежного прикосновения руки к изодранной щеке. Открыл глаза... Что это? Манила, веки которой напухли от слез, сидела у изголовья постели и смотрела на него.

— Жив! — сказала она шепотом и заплакала.

Он попытался было что-то ответить, но увидел стоящих рядом детей — сына и дочь. А третья девочка? А Ференц?

— Где... Ференц? — промолвили его губы беззвучно, но Манила, кажется, догадалась:

— Ференц? Он заходил вчера проведать тебя. Обещал и сегодня прийти.

— Он... ушел? — не мог поверить сразу Зигфрид.

— Конечно! У него сейчас своих забот хватает: жена должна родить малыша.

— Малыша?!

— Да. Он хочет сына, — слабо улыбнулась Манила.

— Сына? — Зигфрид почувствовал головокружение. — Дочка будет... дочка...

— Пусть девочка, тоже неплохо. Правда, мама? — спросила красавица, стоящая возле Манилы.

Это все-таки его дочь такую выростала. Гляди, как расцвела! А где же...

— Манила, сколько у тебя... детей? — хрипло спросил охотник, боясь услышать ответ.

— Ты еще не пришел в себя, милый! — ласково улыбнулась жена. — Вчера Ференц нашел тебя возле мертвого Шатуна, так думал, что конец пришел вам обоим. Мы всю ночь проплакали. Крови очень много на поляне было...

— Так мы... живем вместе? — чуть не подскочил на постели раненый.

— Уже двадцать лет! — хохотнула дочка. — Ох, папка, умолил ты нас! Здорово, видно, тебя медведь потрещал.

— Да уж! — протянул Зигфрид устало и счастливо. Он тихо смеялся и плакал, засыпая, и уже не боялся проснуться и обнаружить, что все это ему только приснилось...

Вскоре он совсем встал на ноги, но как и где провел десять лет своей жизни (а точнее, семь: ведь три года он блуждал по лесам), вспомнить не мог до конца дней. Это было наказание Деда-Лесовика — суровое, если учесть, что потерял он из памяти самые лучшие, самые счастливые годы жизни.

Охотник Лоск выбил трубку о подшву сапога и усмехнулся, глядя на притихших слушателей. Они еще не вернулись из чудесной сказки к ночному костру, и каждый переживал ее по-своему.

— А что, Зигфрид никогда больше не встречался с Дедом-Лесовиком — потом, через много лет? — спросил, наконец, один из братьев.

— Спросите об этом у самого Лесовика! — лукаво ответили Лоск.

— Ха! А как же мы спросим, если он сейчас неведомо где по лесам бродит?

— Бродит он, возможно, и далеко, да все равно вас слышит. А может, — тут старик поднял указательный палец, призывая к тишине, — рядом он, только руку протяни...

— Ох, дедушка, напугали вы нас! — засмеялся молодой охотник. — Даже мурашки по спине!

— Это от притухшего костра! — пояснил Лоск и предложил: — Ну, давайте ложиться спать, а то заговорили меня совсем.

Они разлеглись на приготовленных лежанках и вскоре заснули, глядя, как охотник Лоск, вызвавшийся подежурить у огня, подбрасывал в него новые поленья.

Когда они проснулись поутру, костер весело трещал, а Лоска уже не было. Он всегда поднимался и уходил с рассветом, потому что считал: ранней пташке достается первый червячок.

Андрей ШАЦКОВ

*Андрей Шацков — известный русский поэт.
Родился в 1952 году в Москве.*

*Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей
России и Международного союза журналистов.
Действительный член Академии российской словесности.
Главный редактор альманаха «День поэзии».*

*За поэтическое творчество был награжден Патриархом
Московским и всея Руси Алексием II орденом преподобного Сергия
Радонежского, а МГО СП России — орденом Гавриила Державина,
юбилейными серебряными Пушкинской и Тютчевской медалями.*

*Победитель 11-го Всероссийского поэтического конкурса им.
С. А. Есенина и лауреат литературных премий: Всероссийской
им. Александра Невского «России верные сыны», международной
Лермонтовской, общероссийской им. П. Л. Проскурина, независимой
«Навстречу дня!» им. Бориса Корнилова, журналов «Наш
современник», «Молодая гвардия», «Юность» и других.*

*Долгие годы состоял референтом министра
культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.*

Проживает и творит в Рузе.

Сон о Вербном

Новый год. Сугробы выше кровель.
Но наперекор календарю
Тетерев токует, выгнув брови,
Прозревая вешнюю зарю.

Свет небесный — холоден и скуден.
Беспокоен снега океан,
Словно знает: день придёт — не суден.
Вербною любовью осиян.

И стремясь из тесной колыбели,
Подчиняясь солнцу и теплу,
Краснотал и чернотал в апреле
Выбросят пушистую стрелу.

И народ поднимется на взгорок,
На взлобок, угор и старый холм.
Чтоб на миг увидеть древний город
И в воротах — путника с ослом.

И сердца откроются Мессии.
Но минует время вещей снов...
И снегов достанет у России,
И дорог — к подножию крестов.

Воинам России

Вдоль речки дымится порез
Несомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

В галопе крещенской пурги,
Под платом рождественской ночи
Таятся в чащобах враги,
Мерцают разбойные очи.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия — вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.

Какой заповедной строкой
Пришедшей на память молитвы
Хоть на год продлить твой покой,
Чтоб силы достало для битвы?!

Но нет, не расходится мгла,
И рваные тучи теснятся.
На струганых досках стола
Харлуг и прадедовы святцы.

Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.

И дланью обнял рукоять,
Расслышав отцовское слово:
«Рождённым в России — опять
Средь поля стоять Куликова!

И падать от стрел и от смут
За Правду средь бранного дыма...
А павшие — утром придут,
Ведь мёртвые сраму не имут!

Лишь просят включить в литию
Забытого война имя.
И места всё меньше в строю
Осталось
меж нами и ними!»

Дотянуть до весны!

Дотянуть до весны, синеглазой, летящей, поющей.
Услышать соловья заполошную, дивную трель...
Утонули в снегах заповедные Рузские пущи.
И навывлет сквозит по замерзшим дорогам метель.

Холода, холода — над Россией и пряничной Рузой,
Где церковей перезвон застывает в мороз на весу.
Где деревья стоят, пригибаясь от снежного груза.
Где восход и закат продолжают одну полосу.

По зиме,
что может окончиться тихо и просто,
Как кончаются зимы средь мартовской талой воды,
И бредут холода, опускаясь в лощины с погоста,
Словно сумрачный причт,
возвращаясь с поминной страды.

И всю ночь напролёт — затаённое прошлое снится
В это смутное время, под самый конец февраля:
Я стою на дворе, а в руках моих птица-синица,
И кружит надо мною, как зámеть, перо журавля.

Дотяну до весны, до берёзовой Пасхи апреля,
До цветенья черёмух на Рузы крутом берегу...
Горюном-журавлём, над заветной околицей рея,
Всё равно дотяну, если просто дожить не смогу.

Возвращение к себе

Приспееет октябрь, и клюква пойдёт по лесам.
Вернее, она побежит по прокисшим болотам.
И может быть я,
если только успею, — я сам
Об этой поре напишу перед зябким уходом.

Как строились ели вдоль узкой тропы в караул,
Где мы пробирались под вечер в деревню с грибами.
И пёс на дворе бесконечную песню тянул.
Чтоб было не скучно в своём одиночестве маме.

Пустые колоды лежат, как повапленный гроб,
И мама, предчувствуя скорую сердцем разлуку,
Сказала: «Ступай, на дорогах сейчас чернотроп...» —
И тихо к стеклу приложила прозрачную руку...

Не каждый ушедший до светлой мечты доскакал.
Не каждый домой из далёка вернулся понуро...
У волчьего времени — волчий, звериный оскал.
И с лисьим окрасом дублёная зимняя шкура.

Но в сполохе гроз и в мерцанье трясиновых огней,
Вдоль шалой воды, уносящей буруны к закату,
Я шёл до конца, оставляя друзей и коней,
Внимая вселенского боя глухому раскату!

И там, где заплотом судьбинный предстал перевал,
Его одолев, между кручами и облаками,
Я мёртвые губы бессмертной страны целовал...
И вспомнился дом... И заплакалось горько по маме.

Прощание с апрелем

Прощай, сероглазый апрель.
Придётся ли встретиться снова?
Сдержи до конца своё слово...
Я жду тебя в дождь и в метель —
Вернись, долгожданный апрель.

Приходит Вальпургии ночь,
И ведьмы на шабаш слетятся,
И только заветные святцы
Возмогут сегодня помочь
В бесовскую майскую ночь.

В пришедший безжалостный май
В личине пушистого зверя,
Но я, машкераду не веря,
Изыди — шепчу — не замай!
Поминную летопись, май,

Храню я в смятенных глазах.
И дале — по лезвию бритвы,
Опершись на посох молитвы,
В берёзовых скроюсь лесах,
Где сок словно слёзы в глазах!

И кружит над миром печаль —
Там, в небе, средь птичьего гама,
Грустит одинокая мама.
И плавится жизни свеча,
И бродит в потёмках печаль...

Июль

Таким и должен быть июль:
Со зверобоем, земляникой,
С жарой истомной, но великой,
И трассами пчелиных пуль.

Уже до рос — недалеко,
Но солнце — так же ярко светит,
И ты ныряешь на рассвете
В реки парное молоко.

А коршун — небо сторожит,
И прячет ветви в воду тальник,
И чей-то огненный купальник
Шальную голову кружит.

Как будто не было зимы.
Снега не падали отвесно,
И было жить неинтересно,
И умирали в стужу мы!

Но тот, кто верил, тот воскрес
И стеблем потянулся к свету —
Вторую жизнь прожить за лето,
Но только полную чудес.

С цветеньем золотых шаров,
Которых в червене не ждали.
Но вот они — цветы-медали
За пару лёгких летних строф.

Мечтой рождённых в сонный зной,
Под небом — выцветшего ситца,
Хотя б до завтра отпроситься
В прохладу,
с осени листвой.

Баллада о времени

Было время соловьиной ночи.
Раз хотя бы в сумрачном году.
Юных листьев, облетевших почек,
Поцелуев робких на ходу.

Было время вьюги тополиной,
Бремя ускользящего дня,
Серп моста, нависший над стремниной,
Помнит, как ушла ты от меня...

Будет осень,
будет, будет, будет.
Сменят «розу» шалые ветра.
Поутру меня дождём разбудит
Осени печальная пора.

И под листопада каруселью,
Рыжиков собравши на пятак,
Ухнет леший филином за елью,
Услыхав осенний гон собак...

Над строкой заветной замираю.
Реквием минувшему творю...
Только год опять несётся к маю,
А душа стремится к сентябрю.

И не спится снова почему-то.
И туманно прошлого кольцо.
И ложится каждая минута
Времени
морщиной на лицо.

Ноябрьская исповедь

В ноябре упало на листву
Сердце
и зашло от лютой стужи.
Ты не нужен больше никому,
И давно сам себе не нужен.

Что хмельное лето вспоминать?
Подставлять лицо бывлой капли?
Маму звать, а любящая мать
Растворилась в солнечном апреле!

Что там за стеною — хмурь и глад?
Что там впереди — зимы оскома,
Тапочки и байковый халат:
Хорошо бы не в больнице — дома.

Да любимой женщины спина:
Строгая, колючая, чужая.
С совестью бессонная война,
От обиды — рана ножевая.

И в друзей разорванном кругу
Лепестки кафизм на аналое.
Сколько их споткнулось на бегу?!
Сколько проросло плакун-травую?!

Надо жить, а как без света жить?
Темнота копится за порогом.
Камень бел-горюч во мгле лежит.
Без призора брошенный Сварогом.

Это твой последний оберег.
Твой последний луч дневного света...
Холода... Ноябрь... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.

Станислав ДУГИН

Меня зовут Станислав Дугин. Родился в 1955 году в городе Сумы (Украина). В 1973-м окончил среднюю школу, служил в армии. Поступил в Сумской пединститут на факультет иностранных языков. Параллельно занимался спортом, в 1982 году стал мастером спорта по легкой атлетике. После окончания института работал тренером, заочно окончил Институт физкультуры. Спортивная травма колена не позволила продолжить тренерскую работу, и я возобновил занятия английским и немецким языками, самостоятельно выучил французский.

Десять лет назад в издательстве «Университетская книга» вышла моя первая книжечка «Времена английского глагола». За эти годы опубликованы четырнадцать самоучителей и пособий в сумском издательстве «Университетская книга» и ростовском издательстве «Феникс».

В прошлом году мы вместе с критиком Ириной Озёрной задумались, как помочь детям в постижении классической литературы. Но все гораздо трагичнее, чем представляется специалистам. Сегодня речь уже не только о том, как отличить хорошую книгу от плохой, но и как спасти сам мир книги. Предлагаем вашему вниманию один из читательских откликов, в котором содержится замечательный практический опыт.

КАК ПРИВИТЬ РЕБЕНКУ ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Писателя Игоря Волгина спросили, как привить ребенку любовь к чтению классической литературы. Игорь Леонидович ответил довольно расплывчато: детей надо приучать к чтению с раннего возраста, хотя заставлять, конечно, нельзя, в общем, вопрос это сложный, все эти компьютеры... В конце концов он сказал: «Спросите что-нибудь полегче...»

Если бы у меня не было дочки, я бы ответил точно так же. Но она есть. Зовут ее Рита, ей десять лет, и сейчас она читает «Дубровского». Перед этим были «Вий», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Дэвид Копперфилд», рассказы Хармса. При этом Рита совершенно обычный, далеко не комнатный ребенок: по двору носится так, что смотреть страшно, залазит на высоченные деревья, часами может выбивать мяч или прыгать со скакалкой. А вечером включает настольную лампу, садится и читает Пушкина.

Сразу хочу сказать: специально разработанного плана приобщения ребенка к классике никогда не было. Все получилось само собой. Хотя сейчас я могу четко разделить пройденный нами путь на три этапа. Могу даже эти этапы озаглавить:

- 1) сказочный;
- 2) автобиографический;
- 3) адаптационный.

Я прекрасно понимаю — это частный случай. Дети, как и взрослые, совершенно разные, и то, что действует на одного, другого может оставить равнодушным. Но как хочется, чтобы наш с Ритой опыт кому-нибудь пригодился!

Этап сказочный

Совсем маленькой Рита обожала слушать сказки. Во время прогулок, сидя у меня на плечах, во время

еды, перед сном. Всегда. Довольно скоро мой запас народных сказок истощился. Наступило время импровизаций. Рассказы о зайчиках, ежихах, медведжатах сменялись приключениями тигрят, слонят, страусят. Постепенно мы добрались к дино-, ихтио-, прото- и прочим заврам.

Хлеб импровизатора нелегок. Начиная рассказывать очередную историю, я не имел ни малейшего представления о том, что произойдет с моими героями через минуту, кто из них будет добрым, кто злым и чем вообще все это закончится. А Рита слушала очень внимательно. Смеялась, удивлялась, огорчалась. Сейчас я не помню ни слова из того, что ей рассказывал. Она помнит все. Удивительно.

Этап автобиографический

Рите исполнилось пять лет, она начала ходить в подготовительную группу детского сада, а это уже серьезно — каждый день несколько уроков: арифметика, чтение, рисование. Однажды я забрал ее из садика чуть раньше. Спешить было некуда. Мы шли, о чем-то разговаривали, смеялись, как дураки. Рита стала рассказывать, как у них на уроке рисования со шкафа упал цветочный горшок. Все испугались. А мальчик, который сидел возле шкафа, засмеялся. Воспитательница стала его ругать. Мальчик сказал, что он ничего не делал, только посмотрел на цветок — тот и упал... В ответ я рассказал о похожем случае, который произошел на уроке ботаники с моим одноклассником Сашкой Дуркиным.

Рита спросила, что такое ботаника, потом попросила еще что-нибудь рассказать о школе. С этого дня мои сказочные фантазии перестали ее интересовать. Видимо, пришло время познавать действительность в ее типических чертах. И теперь вместо «расскажи еще одну сказку» Рита говорила: «Расскажи еще о себе». И я рассказывал. О школе, армии, институте. О спорте.

Больше всего ей нравились школа и спорт. Армия меньше. Хотя история о том, как мы с Витькой Борщом и Юркой Наполовым чинили крышу на здании дивизионного спортзала, была среди ее любимых. Не могу удержаться, расскажу буквально в двух словах.

После сильного дождя на потолке спортзала образовалось большое мокрое пятно. Майор Соколов приказал осмотреть крышу. Мы втроем забрались на чердак и сразу увидели кусочек неба между раздвинувшимися черепицами. Я, как самый молодой, залез на стропила, дотянулся до дыры и за полминуты все поправил. А потом, чтобы не терять время на спуск, прыгнул вниз. Расстояние до пола было приличное, метра два с половиной, плюс мои шесть-

десять пять килограммов. В общем, я, как торпеда, пробил чердачный пол, он же потолок расположенного внизу помещения, пролетел еще метра четыре и в кромешной тьме приземлился между какими-то, как мне тогда показалось, сундуками. Сижу я на полу, ничего не понимаю, вдруг слышу Юркин голос сверху: «Ты там живой?» Подымаю голову и смутно различаю две физиономии, заглядывающие в только что проделанное мной отверстие...

Вот так могла бы закончиться эта история, если бы здание, в котором она происходила, не принадлежало советским вооруженным силам. А в этом здании, кроме самого спортзала, были еще какие-то комнаты, длинный коридор, много дверей. Но только одна, самая дальняя дверь была обита железом, и возле нее всегда стоял часовой. Короче говоря, я провалился в помещение, отведенное для хранения боевого оружия, в основном автоматов Калашникова. Всего, что происходило потом, я не видел, зато много раз слышал от своих боевых товарищей — Вити Борща и Юры Наполова.

Пока я в темноте пытался понять, где нахожусь и куда надо двигаться, они быстро спустились вниз и стали свидетелями кульминационной сцены. Представьте следующую картину. Стоит часовой. С автоматом, со штык-ножом на поясе. Зорко следит за всеми, кто перемещается в поле его зрения. У него приказ — никого не подпускать к охраняемому объекту ближе чем на пять метров. (На полу коридора специально провели белую линию.) И вдруг изнутри охраняемого им склада боевого оружия раздаются стук и просьбы открыть дверь...

Что было дальше — неинтересно. Рите я об этом не рассказывал.

Этап адаптационный

Какие преимущества у однокомнатной квартиры перед трехкомнатной, кроме, конечно, двух очевидных — оплаты и уборки? Я, например, не знаю. А люди насчитывают до тридцати. Как бы там ни было, одно я знаю точно: если бы в тот день мы с Ритой находились в разных помещениях, адаптационный период наступил бы значительно позже.

Я сидел за компьютером, Рита валялась на диване с телевизором — выискивала мультфильмы. Неделю назад она окончила третий класс и теперь без остатка отдавала себя играм во дворе, мультфильмам и чтению детских книжек.

Уже два раза она безуспешно прошлась по всем сорока каналам и теперь начинала третий круг. Краем глаза я невольно следил за ее поисками. На экране опять замелькали футболисты, юмористы,

сериальные актеры. Вот колдунья с картами и свечами, американский проповедник, поп-группа, поп. И вдруг проскочили знакомые титры. Начинаясь «Дубровский» с молодым Ефремовым — настоящий луч света в темном царстве поп-изобилия.

Как мне захотелось посмотреть фильм вместе с Ритой! Ну хотя бы начало — а вдруг ей понравится?! Но человеку, так увлеченно ищущему покемонов, нельзя просто сказать: давай посмотрим этот фильм. Действовать надо тонко, но очень решительно. И я вскрикнул: «Подожди-подожди! А ну-ка вернись, там начинается классный фильм!» Моя интонация ее явно заинтересовала. На экране опять появились титры «Дубровского». Наступил решающий момент.

Вы вообще замечали, как дети любят смотреть то, что уже видели, и слушать то, что уже слышали? Я — много раз. И теперь за полторы-две минуты, оставшиеся до начала фильма, я должен был выдать адаптированную версию бессмертного произведения и таким образом доказать семилетнему ребенку, что Пушкин лучше покемонов.

Больше жестами и выражением лица, чем словами, я рассказал о деспоте Троекурове и гордом Андрее Гавриловиче Дубровском. Об их ссоре. О коварных замыслах генерал-аншефа. О болезни старшего и приезде молодого Дубровского — Володи. О Маше, дочери Троекурова. Потом — о поджоге дома, о спасенной кошке, об уходе Володи в лес со своими крестьянами и о его страстном желании отомстить за умершего отца.

Рита слушала, как завороченная. Ни один мой рассказ не действовал на нее так сильно.

Титры закончились. Начинаясь фильм. Слушая меня, Рита с интересом посматривала на экран. Чтобы окончательно поймать ее в сети, я решил быстренько рассказать одну из ключевых сцен повести.

Володя Дубровский встречается с учителем-французом в доме зрителя станции. Он узнает, куда едет молодой француз, и предлагает десять тысяч рублей за его бумаги. Потом я говорю: наконец, Дубровский приблизился к своей цели. Теперь под видом учителя он сможет попасть в усадьбу Троекурова и отомстить — сжечь его огромный дом.

И тут Рита задает простой и очень практичный вопрос: «А он спички взял?» На этом все и закончилось. От смеха у меня подкосились ноги, и я буквально рухнул на пол...

А фильм мы так и не посмотрели. Началась реклама, Рита стала щелкать каналами и попала на Винни-Пуха.

Я опять сел за компьютер, подумал: ну, чего я ребенка нагружаю? Какой ей еще Дубровский?

В тот же день, ближе к вечеру, мы вышли в магазин, заодно и прогуляться. Неожиданно Рита говорит: «Расскажи еще про Дубровского. С самого начала. Только не спеши». Гуляли мы тогда больше часа, и за это время Рита не издала ни звука. Вот так, совершенно естественно, мы перешли к классике.

В течение следующей недели я рассказал «Приключения Тома Сойера», «Капитанскую дочку» и «Вия». Долгое время мы не могли двигаться дальше — Рита все время просила повторить то один, то другой рассказ.

Потом были «Дэвид Копперфилд», «Мартин Иден», «Станционный смотритель» и многое другое. Периодически Рита просила повторить какую-нибудь школьную или спортивную историю, но потом ее снова тянуло к литературным шедеврам. Пока адаптированным.

Все это было совсем недавно, и я прекрасно помню день, а скорее ночь, когда Рита впервые взяла в руки книгу Николая Васильевича Гоголя.

По субботам мы традиционно ложились (и сейчас ложимся) спать довольно поздно. Дело в том, что Рита знает огромное количество игр, поэтому наши субботние вечера очень насыщены: «Баба Кыця», «Дерево», «Поезд», «Превращения», «Собака на цепи» — все это невозможно остановить. Срабатывает только один способ: в обмен на немедленное укладывание в постель я обещаю рассказать все, что она захочет.

В ту замечательную субботу, уже плавно перетекшую в воскресенье, Рита в очередной раз заказала «Вия».

Я почему-то сразу решил, что на этот раз буду читать. Взял с полки книгу, поставил настольную лампу поближе к кровати, нашел нужную страницу. Из-под одеяла Рита молча наблюдала за моими манипуляциями, а я начал: «Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки». На второй странице она уснула. Проснулась часов в десять. Я пошел на кухню готовить завтрак, а когда вернулся в комнату, Рита сидела за столом и читала.

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК

28 октября 1998 г., среда

«Эгоистичные» вы мои москвичи, не обижайтесь. Шучу. Да и кого из нас можно назвать коренным москвичом, особенно малыша? Откуда он на самом деле родом? В Москву ты, сынок, пришел из космической точки — и загостился здесь, в нашем бытии. А ведь и все мы когда-то были такими же маленькими...

Троих из нас — меня, Тимура и Илью — остальные монахи в шутку то и дело попрекают нашей столичностью. Да, жителям остальной России, не говоря об Украине, выходцы из которой и составляют основную часть нашей общины, есть за что не любить Москву. Богатство ведь редко бывает праведным, чаще всего оно за счет других. И даже став «вышедшими из дома»¹, мы продолжаем нести в себе все отрицательные черты москвичей. Но монашество потихоньку стирает их, как хороший кохиноровский ластик.

По крайней мере, я надеюсь на это. И продолжаю отдыхать от суматошных торжеств последних двух недель. Мы по-прежнему неподалеку от Раджгира, у подножия священной горы Гридхракута. Нас приютил просторный монастырь с неслучайным названием «Новая Венуван Вихара». «Вихара» по-индийски значит «монастырь». «Венуван» — «бамбуковая роща», расположенная неподалеку. В ней царь Бимбисара 2500 лет назад построил монастырь для Будды и его учеников. До этого они жили просто под деревьями. Вообще буддийские монахи постоянно странствовали, однако три месяца во время сезона дождей им необходимо было где-то переждать. А деревья могли укрыть не от всякого ливня. Вот Бимбисара и проникся их проблемами и по-

строил первую в истории буддизма вихару. Кстати, название города Бухара, вполне возможно, имеет буддийский корень «вихара». Ведь до прихода мусульман Центральная Азия была буддийской. Наверно, в Бухаре был особенно большой монастырь...

Та историческая «бамбуковая» вихара не сохранилась. Но в память о ней наш орден Ниппондзан Мёходзи в 50-х годах построил новую. Зал для проведения служб непривычно огромен, как Домский собор в каком-нибудь европейском городе. Это выглядит странным в индийской глубинке, где едва ли наберется несколько десятков прихожан. Но в праздники сюда съезжаются последователи Будды со всего мира.

Выходит, не такая уж и глубинка этот Раджгир. Вот Татапани и Джестивана — это настоящая глушь! Часа полтора езды от Раджгира — и ты оказываешься в таких заповедных местах, о которых не знают туристы, озабоченные лишь пляжами в Мумбаи и Гоа. Долина меж невысоких гор вся заросла кустарником, через который можно пробраться только по проселочным дорогам. Они очень древние. По одной из них царевич Сиддхартха Гаутама прошел в город Гаю, неподалеку от которого впоследствии и обрел просветление, получив имя Будда Шакьямуни, то есть Просветленный Мудрец из рода Шакьев.

Мы созерцали эту долину с холма, увенчанного статуей, предположительно, его жены Яшодхары. По крайней мере, так нам объяснил местный житель в белом одеянии и характерных квадратных очках, возглавлявший стихийную делегацию зевак. Он взялся быть нашим гидом. Учитель Тэрасавасэнсэй сверял его рассказы с книгой китайского паломника — монаха Сюаньцзана, побывавшего здесь в VII веке. Впрочем, индусам тоже было чем козырнуть. Они показали нам книгу 1907 года из-

¹ «Вышедший из дома» — синоним буддийского монаха.

Жилище индусов

дания, написанную неким английским исследователем. Он утверждает, что тут в одной из гор есть пещера, вмещавшая до тысячи человек. Будда читал в ней свои проповеди, а царь Бимбисара прорубил в склоне горы ступеньки к ней. Было видно, что индусы очень дорожат этой книгой и хотят, чтобы их долина стала известной буддийской достопримечательностью.

Буддисты мало знают об этом «заповеднике». Но лет шестьдесят назад в Татапани приезжал из Японии основатель ордена Ниппондзан Мёходзи — преподобный Нитидацу Фудзии. Он тоже руководствовался путевыми записками Сюаньцзана, отметившего, что в Татапани есть горячие источники, которые излечивают любую болезнь. У преподобного Фудзии были тогда серьезные проблемы с кожей лица — и вода Татапани действительно помогла.

Горячие источники для индусов — это не просто способ оздоровиться. Это прежде всего место благодарного поклонения богам. Разумеется. Ведь эта целебная вода — их бескорыстный дар. Перед отъездом из Татапани — название местечка переводится как «Горячая (тата) вода (пани)» — мы застали церемонию омовения в источнике. Вся деревня собралась вокруг него в праздничной одежде, прямо в ней и погружались в воду. Принесли подносы с приношениями. Били в барабаны. Девушки, подходя к источнику, издали начинали петь древние обрядовые песни.

Причем в остальное время тут же, в этой святой воде, стираются и моются. И не видят никакого противоречия...

Праздничные обряды индусы исполняли с глубоким религиозным чувством, не напоказ. Поскольку туристов здесь не бывает, они еще не научились этому. Мы как будто подглядывали за ними из какого-то другого измерения.

А как легко это все может быть разрушено! Индусы, которым и в голову не приходит брать деньги за посещение горячих источников, могут просечь, насколько это прибыльное дело. Особенно если учесть, что неподалеку отсюда расположен Раджгир. Там построят международный аэропорт для буддийских паломников, от него проложат асфальтовую трассу к Татапани — и все, гуд-бай девственность. Может, и хорошо, что индусы какие-то безалаберные, без деловой хватки!?

Вечером индусы пригласили нас в центр Раджгира, на закрытие первой части фестиваля Будда Махотсав. Действо это многодневное, точнее, многоночное — дневной зной не позволяет долго находиться на улице. Четыре ночи напролет здесь танцуют, слушают музыку, смотрят спектакли. Например, о местной куртизанке Амбарапали, ставшей последовательницей Будды.

Однако сегодня что-то не задалось с аппаратурой, и чиновники, собравшиеся произнести заключительные речи, ждали целых полтора часа. Мошकारа беспрепятственно ела нас под открытым небом. Большая группа японцев беззастенчиво хрустела чипсами. Я проклял все на свете.

И все же это не смогло испортить настроения последних дней. Перед сном мы с учителем решили пройтись по берегу пруда. Не все — только Сергей, Тимур, Сыним и я. Мы увидели потрясающее южное небо. Оно такое глубокое, так отчетливо видны все звезды, даже мельчайшие, так они отражаются в воде, что показалось, будто мы летим в космосе, однако не пустом, а светящемся, дышащем, живом. Никогда я не видел столько звезд!

Тэрасава-сэнсэй рассказал нам, что во времена Будды ночь разделяли на три части. Сон, как мы его сейчас понимаем, приходился только на середину, а в начале и конце ночи монахи бодрствовали, пребывая в глубокой медитации. Эти первая и последняя части ночи назывались «время раскаяния»...

А еще учитель вспомнил, как тринадцать лет назад жил неподалеку отсюда, в Вайшали, в соломенной хижине одного индуса, который по вечерам, когда солнце садилось и на все ложился особый медовый свет, говорил: «Посмотри, природа вздыхает и улыбается».

29 октября 1998 г., четверг

Аннушка,
как было бы хорошо нам с тобой встречаться в некоем едином сне, чтобы, когда я засыпаю здесь, а ты —

¹ Побывав здесь через девять лет, в 2007 году, увидел, что худшие прогнозы, к сожалению, сбываются — через долину начали прокладывать железную дорогу.

там, нам снилось одно и то же! Может быть, это уже происходит, только утром все забывается?

А пока — не только не забываю делиться с тобой именами и названиями незнакомыми, но и стараюсь записывать больше собственных мыслей. Два года назад я уже был в этих местах, а потому эту поездку воспринимаю как некую сверку того, какие у меня остались воспоминания о них, с тем, каковы эти места на самом деле. Повторение — мать учения. Чем больше повторений, тем больше неточностей замечаешь. Хотя нет никакой гарантии, что ты когда-нибудь узнаешь, как оно «на самом деле».

Есть такой музыкальный прием — «запаздывание», или реверберация, проще говоря, эффект эха. Его стали использовать в роке после американца Кена Кизи, одновременно и музыканта, и писателя, прославившегося книгой о психодоме «Пролетая над гнездом кукушки». Другой его книгой «Кислотный тест» мы все здесь зачитываемся. Она — о «работе с восприятием», которую проделывала его рок-группа под легкий наркотик ЛСД. Впрочем, совсем необязательно принимать ЛСД, чтобы понять, что наше восприятие действительности неизменно запаздывает, по крайней мере, на тридцать долей секунды — такова предельная скорость реакции человека. Получается, мы всю жизнь имеем дело не с самой реальностью, а с «фильмом» о ней, изготовленным тридцать долей секунды назад!

Эту пропасть невозможно перепрыгнуть, какой бы бесконечно малой она ни казалась. Тут нет никаких «чуть-чуть». Либо пан, либо пропал. Я — пропал. Ведь сам я нахожусь в реальном мире, а воспринимаю себя как дошедшее только сейчас письмо или как свет давно погасшей звезды. В действительности меня, того, каким я себя вижу сейчас, нет. По сути, мы все — живые мертвецы.

Мы здесь иногда встречаем монахов, относящихся к другой половине буддистов — к традиции Тхеравады¹. В этой традиции разделение на монахов и мирян очень жесткое. Монахам полагается никому не служить, и они никогда не отвечают на наши поклонения. Не знаю, кланяются ли они изображениям Будды... Они выглядят какими-то вечно сонными. Учитель называет их «бханте-джи».

Он рассказал нам об Ананде, двоюродном брате и ближайшем ученике Будды. Это был необычный монах, или, как говорят индусы, «бхикшу»². Хотя высшим достижением для бхикшу в те времена счи-

Просеивание риса

талось «архатство», то есть как раз такое состояние абсолютной безмятежности, как у этих бханте-джи, Ананда, однако, не стремился становиться архатом — он хотел до конца служить Будде. Служить в буквальном, физическом смысле: заботиться о его самочувствии, приносить пищу, готовить ложе для сна и сиденье для медитации. А также, поскольку он всегда находился рядом, наизусть запоминать все, что говорил Будда. Тогда не было принято записывать Учение на бумаге. Благодаря Ананде сохранился самый точный вариант «сутр», то есть проповедей Будды Шакьямуни.

После ухода Будды из этого мира и сожжения его останков бхикшу создали Собор, где составили буддийский канон — Трипитаку. Они много дней слушали Ананду, который после ухода Учителя позволил-таки себе стать архатом, а потому был допущен на Собор. Каждый его пересказ проповеди Учителя начинался со слов: «Так я слышал». Это чтобы заранее извиниться за возможную неточность. За те самые тридцать долей секунды...

Самое интересное, что 500 лет канон хранился не на бумаге, а в памяти учеников Будды, передаваясь из уст в уста. Повторять Трипитаку считалось главным делом бхикшу. Только спустя полвека ее записали на пальмовых листьях. Точь-в-точь, слово в слово, даже «так я слышал» осталось в начале каждой записанной сутры.

Ничего удивительного! Народные сказки дошли до наших дней точно таким же образом. Способность запоминать их и дословно пересказывать часто проявляется у детей. Наш трехлетний сынок — тому свидетельство.

Но что-то я слишком много рассуждаю. К фактам! Первая часть нашего отдыха закончилась. Мы снова в гостинице в шумной Патне — столице штата Бихар, самого буддийского во всей Индии, поскольку

¹ Тхеравада — учение Старейшин, или Хинаяна (Малая Колесница), традиция раннего буддизма, которую обычно противопоставляют более поздней Махаяне (Большой Колеснице). Отличается упором на личное, а не на коллективное «спасение».

² Бхикшу — дословно «нищенствующий».

ку именно здесь, на северо-востоке страны, Будда обрел просветление и произнес больше всего проповедей. Оттого, наверно, и название штата, точно так же, как и Бухары, созвучно слову «вихара». Мы едем на другой конец Бихара — в Гаю, чтобы пересесть на поезд, идущий на юго-запад, к Индийскому океану, точнее, Бенгальскому заливу, на берегу которого запланирована последняя часть нашего отдыха перед длительной пешей частью Марша мира.

30 октября 1998 г., пятница

Совершенно неожиданно мы не последовали своему первоначальному плану. Впрочем, давно пора перестать удивляться: учитель зачастую непредсказуем. В автобусе до Гаи с нами ехали индийские монахи. Они направлялись тем же автобусом дальше, до Бодхгаи — города неподалеку от Гаи, возникшего исключительно для паломников вокруг древа Бодхи (или древа Просветления), под коим Будда и стал Буддой два с половиной века назад. Эти бханте-джи оказались вовсе не сонными. Они уговорили нас не сходить в Гае, а заехать к ним в гости, в Международный медитационный центр в Бодхгае.

Там нам объяснили, что нужно не ехать к океану, а вернуться обратно в Патну.

Причина была веская — вторая часть фестиваля Будда Махотсав начинается завтра в Бодхгае, и именно на это время археологи наметили перевозку туда шариры — праха Будды Шакьямуни — из музея Патны.

Настоятель шри-ланкийского храма «Маха-бодхи», воздвигнутого прямо позади древа Бодхи («внука» исторического дерева, под которым сидел Будда Шакьямуни), заявил: «Уже многие знают о вашем Марше мира. Поэтому вы должны сопроводить шариру». Он рассказал нам о том, как в мире поменялось отношение к Индии после ядерного испытания, проведенного ею впервые в мае этого года, в день рождения Будды, под кодовым названием «Улыбка Будды». Все буддийские страны вокруг Индии возмутились и прекратили экономические связи с ней. Чтобы восстановить их, индийское правительство и решило устроить этот международный буддийский фестиваль. Весьма лицемерно. Ведь в то же самое время Индия продолжает наращивать военную мощь. На подъезде к Бодхгае появились казармы и свежеразкрашенный танк на постаменте. (В России такие танки — память о славном боевом прошлом, а здесь, получается, — напоминание о возможном будущем?) Так вот, присутствие на этом фестивале нас, участников Марша за ядерное разоружение Индии, будет призывом к властям отбросить лицемерие и воистину последовать Учению Будды.

Благодаря связям нашего учителя в среде индийской культурной элиты в Патне нам удалось встретиться с министром по туризму штата Бихар и договориться о том, чтобы мы сопровождали прах Будды. Переезд шариры к месту просветления Будды весьма символичен, это не рядовое мероприятие, должны быть совершены все необходимые ритуалы. Это событие можно даже назвать историческим. Ведь до сих пор шарира перемещалась лишь однажды — пятьдесят лет назад, когда археологи выкопали ее из найденного ими основания давно исчезнувшей древней ступы в Вайшали, чтобы выставить в музее в Патне. Тогда не были соблюдены правила почитания. А ведь всякое передвижение шариры — большое событие, благодаря движению праха как бы оживает и свидетельствует о вечности жизни Будды, несмотря на уход его из этого мира.

Пока не было отдано распоряжение министра по культуре, учитель Тэрасава-сэнсэй долго доказывал археологам музея в Патне, что шарира не может быть просто перевезена из одного музея в другой, а всю дорогу должна сопровождаться непрерывной молитвой. Кроме того, в Бодхгае ей должны отдать почести все монахи разных традиций, какие только смогут собраться в этот знаменательный день. Согласно древнейшим правилам монахи встречают священную шариру уже на въезде в город и идут вслед за ней процессией к месту водружения, исполняя особую музыку и песни, закрывая от солнца зонтиками и балдахинами, как если бы это был сам живой Будда Шакьямуни. Шарира не может быть сразу переправлена в музей Бодхгаи, но обязательно должна под звуки молитвы полежать какое-то время под деревом Просветления, на том самом месте, где сидел сам Будда.

Главным аргументом археологов были соображения безопасности: шариру могут выкрасть. Что ж, это национальное достояние стоит огромных денег. Но Будда завещал свой прах не археологам, а тем, кто будет почитать ее не за сумму, которую она стоит, а за то, что это — посмертная связь учеников с Учителем.

Радостно, что Тэрасаве-сэнсэю удалось убедить археологов. Ведь правильное почитание шариры — это путь к миру. А значит, у Индии есть шанс избегать войны¹.

Продолжение следует.

¹ Действительно, несмотря на множество инцидентов на границе, слава богу, до сих пор ни Индия, ни Пакистан, с 1998 года обладающие ядерным оружием, не напали друг на друга.

Сергей ДАНИЛОВ

Сергей Данилов родился в 1956 году в Барнауле. Окончил Томский университет. Рассказы публиковались в журналах «Алтай», «Литературная учеба», «Начало века», «Сибирские огни», «День и ночь» и других. Автор нескольких книг прозы. Живет в Томске.

ПИЭЛЬ

Повесть

1.

Начальник отдела Вера Архиповна зашла в рабочую комнату тихо: седеющие волосы заколоты простой гребенкой, поясница перехвачена пуховой шалью из-за обострения радикулита, отчего вид домашний, заботливо-материнский, просто милосердный.

А чего греха таить, она, собственно, такая и есть, для молодых специалистов особенно. Но не для всех.

С Настенькой у них вечный конфликт по любому поводу. Настеньке двадцать восемь, она девица вся из себя очень модная, имеет три года программистского стажа, в ассемблере сечет — дай бог каждому, но пока в простых инженерах числится, видя в том происки Веры Архиповны, отчего-то не желающей повысить ее хотя бы до старшего.

Еле переставляя ноги, начальница проковыляла на середину комнаты и здесь остановилась, разглядывая сотрудников увеличенными глазами из-под очков.

Те озабоченно шелестели свитками программ, бегая авторучками из конца в конец длинных бумажных портянок, и не слишком обратили на нее внимание. Валя Креслина вовсе не заметила: как раз нашла ошибку, которую искала со вчерашнего дня, самую что ни на есть тривиальную, и в сердцах шлепнула по распечатке с размаху, будто давая кому серьезную пощечину:

— Да что же я за дура такая? А? Кто скажет?

— Валя, успокойся, бумагу не рви, — сочла нужным означить свое присутствие Вера Архиповна. — Значит так, товарищи, отвлекитесь на минутку. Есть одно место на месячные курсы по изучению языка пизель, где преподавать будут сотрудники московского центра «Алгоритм». Кто желает ехать?

— Куда? — тотчас заинтересовалась Настенька.

— Куда-куда... Как что, так сразу вы, Анастасия, и куда? В этой комнате есть желающие изучить новый перспективный язык высокого уровня? Или нет?

— Тут от старого хоть вешайся, — вздохнула Креслина. — Нет, Вера Архиповна, так дела не делаются, вы сначала скажите, куда ехать. А вообще у нас Настенька первая на очереди.

— Настенька, — недовольно передразнила ее Вера Архиповна, — Настенька туда не поедет. В Тройске курсы. С той недели начинаются.

— Я три года жду! — ужаснулась Настенька. — И вы прекрасно знаете, что мне надо. Во-первых, Москву или Ленинград, на самый худой конец — Киев или Минск, и, во-вторых, срок должен быть не менее двух месяцев, а лучше три. Тройск можете даже не предлагать.

Настя в сердцах бросила резинку, которая застала сначала по столу, далее прыгнула на пол в направлении начальницы.

Сектор расстроено молчал. Конечно, хорошо бы свалить на месяцок в командировку от этих распечаток, чтобы голова не болела, но... в Тройск? Даже смешно сидеть месяц на курсах в Тройске. Несерьезно. Кому скажешь впоследствии, так, может, и не засмеют, но улыбнутся точно: не тот город Тройск, куда добрые люди ездят на курсы. Скука, и в магазинах — шаром покати, как во всех прочих нестолицах родимой страны.

На столичных курсах можно командировочное время использовать с толком: обуться-одеться на десять лет вперед. Себе шмоток закупить, семью обеспечить дефицитным импортом и коллектив родной не забыть.

— Что ты, Настя, кричишь? — укоризненно спросила начальница. — Не хочешь — не езд, заставляя никто не станет.

— И не поеду!

— И не езд. Между прочим, у нас и другие молодые специалисты в отделе имеются. На вас одной

свет клином не сошелся. Честно говоря, даже и не думала о такой кандидатуре. Там надо на турбазе жить, а какой, Настенька, из вас турист? Ни боже мой. А пошлем-ка мы Николая Петровича.

— Колян, не соглашайся, — развернулась к приятелю Настенька, — потом пять лет никуда не пустят.

— Не, на турбазу можно съездить. — Николай Петрович свернул свою распечатку в трубочку и посмотрел в нее, как подзорную трубу, примеряясь к мусорной корзине для бумаг. — Да если честно, согласен хоть сегодня ехать. Надоел ассемблер выше крыши, хочу на языке высокого уровня работать.

— Колян, ты совсем, что ли?

— Николай Петрович, — обрадовалась начальница, — вы у нас молодой специалист, мужчина, молодец. Отдохнете там, накупаетесь, наберетесь сил да еще новый язык выучите. Вернетесь — и за работу! А сейчас пойдете в первый отдел кое-какие документы оформим.

И тут же нанесла коварный удар неимоверной силы, какого в ее положении никто не ожидал: с внутренним всхлипом нагнулась, подобрала резинку, вернув на стол Настеньке, прямо под нос положила.

— Сначала разбрасываются канцтоварами, а потом говорят, что вовремя их не обеспечивают.

Настенька фыркнула, однако вынуждена была молчать. Это сражение она проиграла вчистую.

Николай зашел в институтский первый отдел к Олегу Ивановичу, славному ветерану КГБ, ныне дни и ночи проводившему за обитой железом дверью без вывески, в маленькой комнатенке, перегородженной высоким барьером.

Барьер проходил непосредственно у входа, посетитель на него сразу наткнулся грудью и застыл. Рабочее забарьерное пространство было занято огромным сейфом, столом, стулом. Больше ничего, кроме седого, с золотыми зубами Олега Ивановича, в комнатке не помещалось.

Сам секретчик жил на своем стуле практически безвылазно, днем и ночью, в институтских коридорах почти не появляясь.

Не потерял бы Николай пропуск после неполного месяца работы в конторе, тоже не знал бы Олега Ивановича и его первого отдела, а нынче зашел, поздоровался по-свойски, хоть через перегородку, но за руку.

— Что, пропуск нигде не всплыл? — сразу заинтересовался секретчик, демонстрируя отличную память на седьмом десятке.

— Нет, — ответил Николай, — основательно утонул.

— Молодцом!

В прошлый раз пришлось писать объяснительную под диктовку Олега Ивановича и очень эк-

зотично разрисовывать пропажу документа. Сам Николай считал, что сгрэб его со стола вместе с бумагами да выкинул в мусорку. Куда он еще мог подеваться? Но в мусорке пропуска не обнаружили, как ни рылись всем трудовым коллективом. Потому в качестве рабочей пришлось брать гипотезу, предложенную Иванычем.

— Пиши, — сказал тот раз Иваныч, разминая большими пальцами папиросу «Беломорканал». — Я, такой-то такой-то, написал? Вчера, дату ставь, в одиннадцать часов тридцать две минуты пошел в мужской туалет...

На такую формулировку Николай закапризничал было:

— Олег Иванович, женский в принципе не посещаю и по минутам жизнь не наблюдаю, сразу же видно — враки.

— Поговори мне еще, — нахмурился секретчик, — много ты понимаешь в нашем деле, здесь точность — главное! Если потерял документ, то должен показать, что хоть находился в трезвом уме и твердой памяти, — так... — Беллетристический талант Иваныча иссяк, он принялся чесать бугристый нос желтым прокуренным ногтем.

— ...в мужской туалет, — написал и скучным голосом прочел ему Николай.

— ...пошел в мужской туалет, — с воодушевлением подхватил кагэбист в отставке, — и в момент... нет, этого не надо... пошел в мужской туалет и случайно уронил пропуск в унитаз. Пропуск упал, а я в это время как раз спустил воду. Дата, роспись. Давай сюда. Новый получишь завтра с утра. Если старый где найдешь, никому не говори, даже мне, разрежь на мелкие кусочки и спусти в мужской туалет, понял?

— Может, лучше сжечь?

— Что тебе старшие товарищи говорят, то и делай.

— Ладно. Спасибо, Олег Иванович.

На сей раз начальник первого отдела заставил расписаться в куче бумаг и выдал всего одну справочку, гласящую, что он, Николай Петрович, допущен к работе с документацией второй группы допуска.

— Может, потребуется, а может, и нет, — объяснил Иваныч. — Но раз инструкция требует оснастить в командировку этим документом, я выполняю. Значит так, если будешь у них работать по секретке, эту справку у тебя изымут, но обязаны взамен выдать свою, что эту забрали, понял? Ты не забудь требовать, а то знаешь, сколько дураков в нашей системе работает. Ого-го!

— Да какая там секретность, Олег Иванович, основы программирования на новом языке. Может, не надо?

— Надо, Федя, надо, — отшутился бывалый пенсионер, — инструкции не зря писаны. Всякое в жизни может случиться, даже война. Если что, с этой справкой любой военкомат тебе броню оформит в семьдесят два часа, а так на фронт в двадцать четыре пойдешь. Чуешь разницу? Так вот, а если не потребуется, справку обратно привезешь и снова сдашь мне здесь лично под подпись. И не дай бог ее потерять! Лучше паспорт потерять, чем эту справку, тогда одним унитазом точно не отделаешься, можешь даже и не сомневаться. Эта справка — как твоя честь. Береги честь смолоду? Кто сказал?

— Пушкин.

— О, грамотный. Молодец, хорошая у нас молодежь подросла. Иди, у меня работы по горло.

От своего отдела Николай Петрович ехал в Тройск один.

Из двенадцатого вместе с ним отправилась учиться пизлю малознакомая коллега неопределенного возраста по имени Соня: высокая, бледная, с голубоватой тонкой кожей, из-под которой просвечивалась на руках и голове кровеносная система, а еще из тринадцатого отдела весьма бойкая программистка Мара.

Всему коллективу хорошо известно, что в Мару влюблены три электронщика по меньшей мере да пятеро программистов, среди которых имеются и давно женатые, приличные люди. Сей ажиотаж Коля не разделял.

Возможно, кто-то и считает ее необыкновенно красивой, а по мнению Николая Петровича, цвет лица чересчур темен, причем не мулатской привлекательной шоколадностью, а некой нездоровой серостью, потаенные глазки большей частью опущены, даже когда шутит напропалую. Хотя есть в них нечто. Цвета толком не различить за густыми скромными ресницами-вуалями, но вот однажды Николаю почудилась среди бела дня в столовке такая штука: глаза Мары блеснули двумя фонариками.

Подобное световое явление случается наблюдать в телевизоре, когда, скажем, показывают львиный прайд, снятый на камеру в свете прожекторов ночью, вокруг туши убитой зебры. Светло, как днем, а глаза у царственной семейки все равно полыхают огнями. Вот такой кошачий огонь высветился среди обеденного перерыва и у Марочки, хотя ела она не зебру, а всего-навсего котлету по-пожарски с тушеной капустой.

Провожать ее на вокзал пришел муж, высокий блондин с подозрительным взглядом целлулоидно-жестких глаз. Этим взглядом он прицепился было к Николаю, но тот решил не выставать лишнее на перроне, залез в вагон, где занял купированное ме-

сто согласно имеющемуся билету и принялся смотреть в окно, кто как прощается. Занятное, между прочим, дельце!

Коля не предполагал прежде, что Мара замужем — очень уж веселая была девушка: со всеми шутки шутит, намеками говорит, а тут, оказывается, ребенок есть лет пяти. Так что совсем взрослый человек с биографией.

Соню при посадке опекала многочисленная престарелая родня: бабушки, дедушки, тетки, дядьки, трудно даже разобраться, кто из них настоящие родители. Обнимались всей компанией человек в десять. Несмотря на то, что дождя, вопреки прогнозу, с утра не было, на Соне оказался голубоватый полиэтиленовый дождевик, который она не подумала снять. Но вообще-то погода выдалась не жаркая, так что смотрелся дождевик вполне нормально — как раз в тон голубоватому лицу.

Соня изредка появлялась в темных коридорах испуганно-прямая, бледная, неприступная, точно крепость Измаил в досуворовский период. Что довольно странно: ОКБ их — закрытый почтовый ящик, на входе серьезная охрана, никого постороннего в коридорах днем с огнем не сыщешь, кого боится? Первоначально Коля пытался кивать при встрече, в одной же конторе трудятся, неудобно дефилировать мимо с каменным лицом, но коллега смотрела удивленно, и он перестал заниматься глупостями.

В областной город Тройск прибыли к вечеру и скорей побежали на автобусную станцию, что находилась по соседству с вокзалом, покупать билеты до турбазы «Лесное озеро».

Обыкновенно Коле в глаза ненароком бросаются самые интересные девушки: посмотрел — увидел, посмотрел — увидел, еще посмотрел и снова увидел, настроение при этом улучшается ровно в три раза.

Потом из нескольких примечательных особ выбирается вне всякой логики самая замечательная, и вот от нее взгляд действительно трудно оторвать, разве через силу, но в данном случае после того, как они вошли в здание автовокзала, события приняли совершенно иной оборот.

Худенькая девица в черных джинсах, темно-линялой футболке, с сумкой через плечо, стриженная под мальчика, не сказать что очень симпатичная, стояла у расписания автобусных маршрутов с растерянным выражением на лице, словно готовая уехать куда угодно и с кем угодно, в любую сторону, пригласите только, а движение взяли и полностью отменили из-за непредвиденных чрезвычайных обстоятельств. Рядом у ног, на шлифованном, из мраморной крошки полу стоял чемоданчик цвета ее джинсов.

Именно эту вполне заурядную девицу с каштановой жиденькой челкой, небольшими карими глазками на узкой физиономии взгляд выхватил сразу и не пожелал более шнырять по толпе в надежде найти что получше. Очень уж растеряна. И глазами: хлоп! хлоп! хлоп! Смешная. Рот раскрыт, будто у клоуна безработного. Почти дурочка. Натуральная, от природы такая, нигде не училась.

Они тоже подтянулись к доске с расписанием, и здесь неожиданно выяснилось, что первый и он же последний автобус до турбазы «Лесное озеро» давно укатил, следующий будет только завтра утром. Коля вдруг поймал себя на том, что лицо его начинает преобразовываться в соответствии с портретом незнакомки, по образу и подобию: глаза выпучиваются, рот открывается... Но сказать ничего не успел, опередила все та же незнакомка в черном.

— Вы на турбазу? — обрадовалась она, неувлимым образом сменив глуповатое выражение на сообразительное. — Здорово! Меня Надин зовут, я на курсы программирования туда еду.

Последние слова произнесла совсем весело.

— И мы на курсы пиэля, — обрадовалась Марочка, будто старая бабушка — очередному прибавлению семейства.

— Шикарно звучит — пиэль? Да же? Будто птичка поет: пи-эль, пи-эль. Я лично из-за одного красивого звучания поехала бы.

— Надежда? — уточнил Коля.

— Нет, Надин.

— Француженка, что ли?

— Нет, русская Надин.

— Тогда зовите меня Николая. Исключительно для вас.

Он еще раз внимательно осмотрел девицу с ног до головы, ничего замечательного в ней отыскать не смог и удивился.

— Что же будем делать? — поехала Сонечка под голубоватым дождевиком, оказавшимся ныне весьма кстати, ибо начал накрапывать дождик.

— Давайте скинемся на такси, — предложила энергичная Надин, — пусть отвезет до «Лесного озера», чего нам здесь, на чемоданах, утра ждать?

— А вдруг не довезет? — спросила дрогнувшим голосом Сонечка.

— Или не туда отвезет, — подхватила Мара. — Мы никого не знаем, нас никто не знает, завезут — и концы в воду.

— В лесное озеро какое-нибудь, — трагически выдохнула Соня, будто уже идя на дно, в глубины.

— Так с нами же мужик вроде есть... — Новенькая в их компании посмотрела на Николая вопросительно.

Но спутницы-коллеги не почитали Колю за настоящего мужика, поэтому решили, что во всех отноше-

ниях надежнее будет устроиться на ночь в гостинице. Предприятие потом оплатит расходы, и все дела.

Прохожие пояснили молодым командированным гражданам, что в Тройске имеются две гостиницы — «Спутник» и «Турист».

На автобусе поехали в ближайший «Спутник». Там вежливо, без всякого хамства им объяснили, что мест нет и в ближайшие дни не предвидится: на двух этажах расселилась научно-практическая конференция по недавно откопанному из вечной мерзлоты мамонту, но «Турист» совсем близко, на той же центральной улице, можно даже на автобус не тратиться.

Однако путешественники направились с чемоданами на остановку.

Смеркалось. Дождик помаленьку шлепал, автобусы не показывались на горизонте даже смеха ради. Пришлось топтать в «Турист» пешком, уже в темноте и по лужам. Грязные и вымокшие, они пристыжено втащились в сверкающее огнями хрустальных люстр здание гостиницы. Здесь с ними отказались даже разговаривать насчет свободных мест.

— Что вы, что вы, у нас мамонтоведы на всех этажах, даже из Японии ученые приехали! Куда вас сесть? (Таких мокрых и грязных?)

— Можно, посидим в холле?

— Только до одиннадцати. Потом закрываемся.

Они почли за лучшее искать шанс на улице. Невзирая на глубину неведомого лесного озера, решено было вернуться к первоначальному варианту, предложенному Надин, — ловить такси и ехать на турбазу. Встали на пустынной остановке такси и долго ждали машины с шашечками. Резвые таксисты пронеслись мимо, даже не притормаживая.

Вымокли до последней нитки и в свете фонарей сделались одинаково похожи на несчастную Сонечку вытянутыми, мокрыми, будто заплаканными лицами с голубыми щеками.

Наконец подъехало долгожданное такси. Из дверей высунулись холеные грузины, блистающие многочисленными золотыми печатками на пальцах, — дельцы черного рынка, рыскавшие в поисках сырья для своих подпольных закавказских фабрик и обитающие при местных гостиницах. Позвали девушек в ресторан.

Девушки срочно забаррикадировались за чемоданами. Коля гордо ответил:

— Нет.

— Ну и дурак, — сказала такси, — и ты бы свое получил.

После чего уехало.

Но следом чуть им не на ноги наехали два других, переполненных жаждущей развлечения клиентурой с Кавказа, открыли дверцы, принялись оцениваю-

ще цокать на своем языке, хмыкать, изучать обстановку.

— Это слух прокатился по району, — нервно хихикнула Надин, — три новенькие девицы с сутенером объявились. Мужчины хотят нас снять. Никола, надеюсь, по дешевке не сдадите?

Сонечка бухнулась на свой чемодан, разбрызгав лужу, и закрыла лицо руками.

— На Колю надежда есть, но небольшая, — задумчиво молвила Мара, оглядывая пустынную площадь, быстро тонущую во мраке ночи, с выражением женщины, знающей, почему фунт изюма на местном базаре. — До утра нам здесь не продержаться, увезут. Пойдемте обратно в гостиницу.

— Не пустят.

— Дэвушк, а дэвушк, сколько счас взрэмь?

— Пустят, — обозлился Коля, проникнувшись ответственностью защитника-мужчины, на которого подзащитные не слишком надеются. — Пусть только попробуют не пустить, дебош устрой!

— В милицию заберут.

— Там и переночуем.

Они снова втащились в холл, сверкающий чистой, мрамором и хрусталем. Коля нагло рассадил мокрых девиц на мягком диване, после чего двинулся с паспортами и деньгами к администратору. Предстояло первый раз в жизни давать взятку официальному лицу.

Администратор не поднимала головы из-за таблички «Мест нет».

И тут, на подходе к ее стеклянной амбразуре, его внезапно осенило. Он вытащил из паспорта бумажку Олега Ивановича о допуске к государственной тайне второй формы свежести, с размаха шлепнул перед дежурной.

— Срочно соедините меня с КГБ по вашему телефону!

— Зачем это? — удивилась администратор, скосив глаз на справку.

— А затем, что при нас находится секретная документация, если с ней что-нибудь случится, отвечать придется вам лично за то, что не поселили на ночь. Товарищи из КГБ сейчас вам прояснят ситуацию. Соединяйте, девушка, соединяйте!

В девушки администратор не годилась по возрасту, но Никола предпочел слегка обнаглеть. Отступать некуда: позади на диванчике, не поднимая глаз, жмутся мокрые, замерзшие, испуганные коллеги.

Пусть за дебош везут в милицию. И вообще, сутенером он уже побыл сегодня, почему бы для разнообразия не принять вид тайного курьера КГБ, который, грязный и мокрый, ездит по холодному вечернему Тройску со сверхсекретной документацией государственной важности? Вторая форма до-

пуска — это вам не баран чихал! Никола не сводил упорно-решительного взгляда с недоверчивого носа администраторши. Она сомневалась целую минуту чисто по-женски: сначала презрительно-холодно не верила всему тому, что он сказал, полностью. Затем, с подозрительным выражением, вглядывалась: обманываете, да? Потом, широко распахнув большие, но увядшие глаза: шутите? Зачем вам это? Ей КГБ с ОБХСС здесь не нужны на ночь глядя ни под каким видом! Наконец она сдалась на милость победителя, с хмурым видом сунула листы — заполнять анкетные данные.

Через пять минут их расселили по-царски. Для каждого тайного агента нашелся отдельный однокомнатный номер-люкс. Несколько даже чрезмерная роскошь, но отказываться никто не стал. Раскошиться пришлось весьма серьезно, зато какая ванная комната! Какая кровать! И фирма возместит расходы! Девчонкам Никола не стал объяснять секрет своего успеха, сказал только, что уговорил, а на какой почве — государственная тайна.

Утром Надин шутила, когда подсаживал ее в автобус:

— Скажи честно, Никола, почему купил администраторшу? Мы скинемся в пределах разумного.

— За так.

— Тогда я с тобой играю. Сядем вместе?

2.

Почему бы и нет? Надин довольно поерзала в кресле у окна, причесала перед зеркальцем челку, наклонилась к уху Никола и, прикрыв для дополнительной секретности ладонью рот, спросила:

— Трудисься где?

— В ОКБ.

— Областная клиническая больница? Нет, постой, сама расследую по внешнему виду. Тэк-с, областной кинологический барак отпадает. Вижу-вижу, не от туда, уже хлеб. Особый кремлевский батальон... увы, нет...

— Отдельное конструкторское бюро.

— Всего-навсего отдельное? Назвались бы Особым конструкторским бюро, и то лучше звучит: «Кем работаешь? — Особистом!» У всех приступ немоты, глубочайшего почтения, допросы отпадают.

— А ты где и кем?

— Еще не допер, милок? Тугодум, однако, Никола. Я же следствие при тебе провела по всем правилам... В милиции трудимся, деточка, в милиции. Физмат педовский окончила, в методах дедукции-индукции знаешь как шпарю? У меня подружка в прошлом году то же самое высшее образование по-

лучила и распределилась в милицию работать при детской комнате, с подростками. Вот я нынче по ее стопам нацелилась жизнь свою построить в этом праведном направлении.

— Нравится ей?

— Ой, не говори, еще как, за уши не оттянешь от детской комнаты милиции, пока на носилках доктора не вынесут. Она даже аттестовалась, на курсы полугодовые съездила, погоны надела с двумя звездами, жалование ей офицерское платят, довольствие идет, паек получает, форма казенная: летняя, зимняя, парадная, суточные или что там у них еще? Короче, не жизнь — сплошной сахар-рафинад мелкими кубиками. Представь, целую новую двухкомнатную квартиру под детскую комнату выделили. Функция у нее по специальности, самая что ни на есть педагогическая — перевоспитывать подростков. Зарезал кого подросток до восемнадцати лет, или напал — ограбил, или просто изнасиловал — убил, или не смог пока убить, недодушил маленько, силенок у бедного подростка не хватило, их же в тюрьму нынче не сажаяют, сначала перевоспитывают на месте, в детскую комнату приводят малолеток. Вот она с ними там и беседует в определенные часы, уму разуму учит.

И как на грех, в первый же день работы забрел к ней в комнату пьяный бродяга, попить попросил, ну она и дала ему, дура, графин со стаканом. Он напился, графин разбил о подоконник и давай за ней по кабинету гоняться с горлышком наперевес, орать: «Порежу суку ментовскую!»

Хорошо, сумела выскочить на улицу, и как раз милицейский газик подошел с ворами-малолетками для перевоспитания. Ой, как она тем малолеткам обрадовалась! Ладно, повязали милиционеры идиота, увезли. А подружка стала с тех пор, как придет на рабочее место, сразу на ключ закрываться. Сидит в своей детской комнате мышкой тихо-тихо, никому постороннему не открывает. Потом на курсы съездила офицерские, снова осмелела, психологически ее там подковали никого не бояться, приехала девушка, форму надела с новыми погонами, перестала закрываться. Недавно на пенсию вышла.

— На пенсию? Ты же сказала, что в прошлом году только институт окончила.

— Она по инвалидности, производственная травма случилась на месте службы. Прямо в той же самой детской комнате для несовершеннолетних. Перевоспитывала одного несовершеннолетнего, разнервничалась настолько, что промахнулась — села мимо стула. Да неудачно, копчик себе сломала.

— Да...

— Что да? Рано еще дакать, слушай, что дальше было. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лежит девушка-лейтенант на полу в своей

детской комнате со сломанным копчиком, а в этот момент заходит старший уполномоченный капитан Овечкин по кличке Майор Вихрь. Который везде двери сапогом отворяет — и когда в подвал врывается с облавой на малолетнюю шпану, и когда в квартире алкашей-самогонщиков... Даже кабинет начальства тем же образом вскрывает. И тут, конечно, как звезданет сапожищем, и той дверью прямо ей по голове пришлось. Вот теперь да, все, то есть. Копчик сломан, голова пробита. Инвалидность сразу дали без разговоров, ручкой помахали вослед: идите девушка, идите, отдыхайте...

Замуж пенсионеркой уже вышла. Поняли, молодой человек, в какой серьезной структуре трудимся?

— А зачем тебе, в таком случае, по ее следам топтать? На пенсию хочешь сразу из детской комнаты угодить?

— Нет, я служащей программисткой буду в управлении сидеть. Мне звездочек с погонами сто лет не надо. Я здесь месяцок прокантуюсь, корочки московского центра получу и начну спокойненько программистом ведомости на принтере распечатывать, сводки и отчетности ляпать на языке пизль. Понял, дорогой?

— Все равно осторожнее себя веди. Мимо стула не садись, не ровен час Майор Вихрь в гости пожалует.

— Не нужен нам нынче Вихрь. Без интереса мы к нему, на подружке женился, значит, вину искупил полностью. А ты заходи как-нибудь в гости, напою чаем с сушками да вареньем смородиновым. Любишь, небось, чай с вареньем? Ну вот, с этой горячей любви, пошвыркивая да причмокивая, и начнем совместную сладкую жизнь строить.

3.

Должно быть, с высоты птичьего полета турбаза «Лесное озеро» смотрится последним оплотом цивилизации в бескрайнем таежном массиве, уходящем к самой тундре. А из окна автобуса выглядит вполне обыденно и советскому человеку привычно: высоченный глухой зеленый забор, большие ворота, над ними плакат «Добро пожаловать!». Среднее арифметическое между пионерским лагерем и психбольницей.

Заходишь в ворота, и сердце мгновенно наполняется радостью: здесь есть асфальтовые дорожки!

Кроме них бесконечно греют душу кирпичная, оштукатуренная и беленая синей известью столовая, хозкорпус, ровные ряды коттеджей, пляж на озере с белым песком и двумя скамейками, а не радуют комары, комары, комары.

Несметные тучи комаров набросились на приезжих. И они особенные, эти местные зомби. Обыч-

ный комар расстается с жизнью легко, беззвучно: шлеп — и мокрое кровавое место от него осталось. Местные гибнут с отвратительным хрустом. Они здоровенные, рыжие, костлявые. У них прекрасно развит плечевой пояс, крепкая горбатая спина, мощные ноги. Кожу дырявят длинными толстенными иглами, протыкая грубо, как пьяный ветеринар старую клячу.

Пока Николая бежал в обнимку с двумя матрацами (своим и Сониным) от склада постельных принадлежностей до коттеджа, комары изрешетили шею и руки, а ответить им ничем существенным он не мог.

Через территорию турбазы стрелой проходила главная асфальтовая аллея — широкий проспект с неоновыми фонарями и голубыми елями, от нее ветвились дорожки-улицы, вдоль которых располагались новенькие щитовые коттеджи. За их коттеджем номер восемь стояли номер девять и десять, далее улица круто ныряла вниз, в сырую зеленую лощину, несмотря на разгар дня до краев наполненную густым сизым туманом. Из тумана торчал край длинного общественного умывальника: труба с многочисленными сосками и водонапорная бочка над ней.

Новоприбывшую группу поселили в соседних комнатах коттеджа, соединенных узким тамбуrom, в котором хранились ведра, швабры и тряпки. Девчонки втроем заняли свободную шестикоечную комнату, Коля попал четвертым в мужскую компанию того же шестиместного размера.

Один человек жил в ней давно, с весны, звали его Герасимычем. Лет приблизительно сорока пяти, с красно-примороженным лицом, приехал из Якутии. Он с удовольствием изучал в таежном центре технологию автоматизации алмазной промышленности.

За кроватью Герасимыча в углу стояли несколько удочек, а сама кровать, сапоги и весь он сам пахли свежей озерной рыбой.

Пышнокудрый, явно лысеющий замначальника кубанского ВЦ мелиорации Красилов располагался на соседней койке, рыбой не пах несмотря на то, что по работе был связан с водой. Он приехал изучать язык высокого уровня пизль: его кубанский ВЦ занимался планированием подачи воды на рисовые чеки. Красилов сидел с бумагой, на которой чертил клетки, глубоко задумавшись над оптимизацией полива, и при этом осторожно перебирал длинные каштановые пряди на голове и шурил симпатичные, слишком серьезные глаза.

Еще одним соседом-пизлистом оказался хромоватый Володя Гофман из Казахстана, прибывший на одном автобусе с Николаем. Володя очень долго, аккуратно и даже нудно заправлял свою кровать. Сделать это ему было непросто с тростью-костылем, однако

он старался и в конце концов достиг геометрического совершенства. После чего присел на стул и, не выпуская ни на минуту палки из рук, рассказал, что его отправили на курсы с условием отработать впоследствии на пизле три года. Гофман был доволен, что смог пробиться на московские курсы из Казахстана. Он принялся дотошно выспрашивать старожила Герасимыча, как ему живется-поживается на турбазе.

— Рыбалка здесь на зависть, — поделился радостью Герасимыч, и его лицо, обожженное якутским медным загаром, расцвело. — Места есть замечательные. Завтра сходим на утреннюю зорьку, порыбачим, сами увидите.

— У нас с восьми занятия, — отказался сидевший на стуле и поигрывавший красивой тросточкой Володя.

— До восьми успеем ведро карасиков надергать, — продолжил улыбаться Герасимыч своим приятным озерным воспоминаниям. — Фирма гарантирует.

Вдруг в тамбуре раздался шум, кто-то сильно пнул пустое ведро в темноте. В грохоте раздалось негромкое: «Ой, мамочки, да что же это?!» После чего застучали.

В комнату ворвалась Надин и, тараща круглые глазенки, закричала:

— Есть здесь врач? Соне плохо!

— Врач есть, — вспомнил Красилов, — я узнавал, у него медпункт по расписанию работает в хозкорпусе, а сам он живет в первом коттедже. Давайте схожу, приведу, раз такое дело.

Остальные ринулись на женскую половину смотреть умирающую Соню. Даже Гофман в качестве замыкающего долго боролся костылем с пустым громыхающим ведром в узком проходе, пока не пробился к свету.

— А что с ней? — спросил Николая, увидев Соню, вполне самостоятельно сидевшую на кровати и недовольно зыркавшую исподлобья на толпу, окружившую ее со всех сторон.

— Пухнет на глазах. Смотрите, какой лбище вымахал.

— Лоб как лоб, — рассудительно произнес Герасимыч, наклоняясь и рассматривая голову потерпевшей с близи. — Зря, девушки, паникуете. Немного комары покусали, подумаешь, к завтрашнему дню все пройдет, даже и не вспомните. Надо просто мазаться погуще от них мазью, я каждый день полтюбика извожу, а иначе нельзя — съедят на рыбалке живо. — Он отмахнулся от кого-то. — Видали, какие кастрюки летают? Сплошная хроника бомбардировщиков.

Лоб у Сони действительно оплыл подушкой, нависнув над глазами. Взгляд был затравленный и отчужденный.

— А это тоже пройдет? — пискнула она, протянув две руки вперед.

Одна — как тоненькая синяя спичка, а другая от запястья до локтя раздулась лиловым шаром. Присутствующие открыли рты.

— Да, тут надо врача, — вздохнул Герасимыч, вежливо отворачиваясь. — Сейчас принесу крем.

— Ваш крем от комаров так противно пахнет, и липко от него до невозможности.

— Ничего, зато будем клеить мужиков, — хихикнула Надин. — Несите мне, я помажусь. Николая, где ты там, подходи, клеиться будешь.

Врачом оказался спортивного вида седоватый мужчина в тренировочном синем костюме и кедах. На шее болтался стетоскоп. Он быстро осмотрел руки и лоб.

— Вероятнее всего, аллергия. Что кушали сегодня?

— Ничего! — с отчаянием вскричала Соня.

— Мы на завтрак опоздали, — пояснил Коля.

— Тогда, возможно, пыльцы цветущих трав на нюхались, — выдвинул очередную гипотезу врач, весело блеснув золотыми зубами в сторону Мары. — Июль — самое время.

— Комар костистый меня укусил! — взорвалась Соня. — Сейчас же уезжаю, ноги моей здесь не будет. Коля, несите, пожалуйста, постель обратно, сдайте завхозу!

— Аллергия на комаров? Что-то не слышал такого прежде. Вот что, товарищи, надо ехать в городскую больницу, там возьмут необходимые анализы и определят причину аномалии.

Но Сонечка не желала более подвергать себя укусам местных колючих тварей. Путешествие подкосило ее окончательно, и она уехала обратно в город с вещами на турбазовском автобусе.

— Так, одним негритенком меньше, — сказала Надин, осмотрев прочих, словно проверяя: кто следующий?

— А пойдете на озеро сходим до обеда, — предложила Мара.

— Давайте. Только учтите, я не донор, оденусь поплотнее, чтобы избежать участи бедной Сони. Коля, давай ты будешь другом моего трудного детства? — Надин потупилась, надула щечки.

— Как это?

— Если вдруг меня укусит неизвестного вида насекомое и я тоже распухну и умру на твоих коленях, то ты, как друг трудного детства, оросишь меня горькими слезами.

— Почему на коленях? У тебя же койка есть.

— Умиравших юных девушек принято носить на руках, хоть раз-то в жизни! Кино не смотрел разве? Да не бойся, пронесешь несколько метров по берегу озера, большого, как море, потом опустишь, но

не на землю, а на свои колени, и будешь сдержанно орошать скупыми слезами. Крупным планом. Давно мечтаю так умереть.

— Так ты героиня? Предупреждать надо. Нет, на коленях неудобно держать, лучше на койку отнесу.

— О, самое то место, самое наше. Заметано.

Провожатым по местным окрестностям наладил-ся Герасимыч, приятно благоухающий неизвестным спиртным напитком, не водкой, не коньяком, не самогоном, но тоже крепким. Следом шли Красилов и Володя со своей японской тросточкой.

Герасимыч показал озеро с песчаным пляжем и небольшой пристанью для весельных лодок. Ближнюю сторону озера окружал сосновый бор с примесью елей.

— Здорово нам будет здесь отдыхать! — воскликнула Надин. — Если погоды дождемся.

— А то, — энергично поддержал Герасимыч. — Рыбалка у нас, девушки, высший класс. Я утром беру лодку и заплываю во-он к тем кустам. Видите на горизонте? Там карась берет с пяти до шести, но никому, ясно? Это государственная тайна. Разглашаю исключительно для своих. А самое удивительное во всей местной истории другое обстоятельство: вода на середине озера — всегда теплая, хотя по краям вполне обыкновенная. Говорят, со дна геотермальные источники бьют. Ах, как хорошо плавать на середине ночью, под луной!

— Вы что, плаваете ночью? — не поверила Надин. — И с кем же, интересно знать?

— Один на лодке рыбачу, но видел ближе к кустам на другой стороне таких русалок, пуда на три-четыре каждая!

— Таймени, что ли? — проявил неподдельный интерес Красилов.

— Какое! Блестящие хвостаые девицы. Удочку к ним поближе забрасывал с бутербродом — не клюют, требуют бутылку отдать. Но ром на их брата переводить жалко, ей-богу! О, гляньте, баб... то есть женщин сколько привалило, как из рога изобилия!

От хозблока к коттеджам проследовало сразу около двадцати девушек с матрацами в обнимку.

— Соседки, — отмахнулся Красилов, мысленно анализирующий идею развести на подведомственных рисовых чеках тайменей. — Туристки, на верное.

— Какие туристки, ваши это, не видишь, что ли?

— Не вижу, да и как здесь отличить туристку от курсистки?

— Облысел уже, а вопросы задаешь детские, глаза-то разуй: туристка с рюкзаком ходит да туристом на пару, а курсистка с матрацем.

— А есть очень даже ничего.

— Уже высмотрел? Быстро! Тогда извини, беру свои слова обратно.

В столовой Коля сел за стол к Наде с Марой. Еще одно место у них осталось свободным, но Гофман с Красиловым расположились за ближним соседним, Герасимыч столовую вовсе не посещал.

— Смотрите, а здесь как в приличном месте, — поразила Мара, — и супница фарфоровая. — Надя, разливай первое, обслужи в первую очередь голодного мужчину.

Надин взяла поварешку.

— Главное — кушай хорошо. В мужчине что главное? А? Не знаешь? Аппетит!

— В мужчине главное — чтобы любил, — поправила Мара, — свою жену и детей.

— Так у него жены пока нет. Вот будет жена, да пусть любит на здоровье, разве кто против? Любить всегда, любить везде, до дней последних донца! Ты кушай, Коля, кушай и нас с Марой слушай. Мы тебя плохому не научим, мы девушки серьезные, ответственные. Хочешь, танцевать обучу стильно? Будешь на танцах любых девиц запросто кадрить, без проблем. Значит так, сегодня после ужина идем на танцы, прямо в этом же корпусе, далеко топать не придется.

— Нет, Герасимыч на рыбалку звал, на вечернюю зорьку.

— До вечерней зорьки знаешь сколько воды утечет? Все ноги оттоптать успеешь! Ну, рассуди, разве могут приличные девушки, такие как мы, красивые и во всех отношениях приятные, посещать танцы без кавалеров? Будешь прикрытием, не навсегда, а временным. Пока не обзаведемся другими прикрытиями.

Мара пленительно улыбнулась.

— Правда, Коля, сходи с нами.

— Да, не бросай на растерзание местным шакалам пенсионерам. Вон глянь, какие песочницы сидят за столиками, ужас просто! Я, наивная, ехала — думала, здесь турбаза настоящая, туристы-альпинисты стадами бродят, а тут опять богадельня имени старых большевичек вырисовывается! Никола, ты цивилизованный человек?

Коля согласился пару часов побыть цивилизованным, и после ужина они втроем двинулись в танцзал, располагавшийся на первом этаже столовой. Там скромненько прогуливались несколько девушек, не побоявшихся прийти без кавалеров. В углу высились две монументальные колонки с полированными боками, однако музыка не играла. В полной тишине даже Надин перестала трещать: достаточно производимого ими паркетного треска посреди такой большой залы. Все делали вид, что оказались в этой

части корпуса совершенно случайно, по какому-то невероятному совпадению. Фланировали туда-сюда минут десять, пока пробежавшая мимо кухонная работница в белом фартуке и колпаке не объявила с душевным торжеством:

— Можете не ждать, танцев не будет!

— Почему? — поразила Мара.

— По расписанию.

— А когда будут?

— Музработник в отпусках!

— Вот те на! В приличных местах танцы бывают по расписанию, а здесь наоборот! Пойдем тогда, Коля, гулять. До вечерней зорьки ты же свободен?

На улицах турбазы, почти у каждого коттеджа, горели небольшие костерки-дымари, при которых кучковался местный народ, махавший руками. Дым немного спасал от комаров.

Возле их коттеджа со стороны чужого входа также чадили несколько веточек. На скамеечках собралось общество новеньких соседок. Рядом с костром они поставили кассетник, из которого грустным голосом певица пела о том, как она любила в последний раз. Здесь же несколько особняком пригрелись и Гофман с Герасимычем. Коля подошел к ним.

Слишком много собралось воедино девушек, чтобы насмелиться познакомиться с конкретной на глазах у всех прочих, даже кивнуть неудобно, тем самым как бы игнорируя остальных. Не говоря о том, чтобы начать подмигивать. Очень серьезно девушки наблюдали за струйкой дыма слившимся воедино взором, сопереживая певице. Друг с другом они тоже практически не были знакомы, поэтому возникшая пауза затянулась на вечер.

Не простые собралась девчужки-балаболки, а серьезные, с высшим математическим образованием, чертовски умные. Приехали в комариный рай познавать программирование на новомодном языке пизель. Иные сразу после университета, другие отработали уже не по одному году учительницами, хлебнули лиха полной ложкой, прежде чем поймали удачу за уши и попали в тайгу болотную, проходить переподготовку в образовательном центре на программистов.

Нет, здесь подход требовался особенный, к каждой конкретной персоне свой собственный, индивидуальный, желательно тихий, задушевный. И не под взорами всех остальных. Это чувствовали немногочисленные представители мужского пола, приблудившиеся отдельной группкой, — и Красилов, и Никола, и Гофман, и даже Герасимыч, ужасно раскрасневшийся круглым довольным лицом на манер затертого пятака.

Так хотелось ему что-нибудь рыболовное по случаю ляпнуть, половицу ввернуть громогласную на

весь коллектив, а удержался. Единственным не понявшим серьезности и ответственности момента был парубок-курсист Пасюк, проходивший мимо. Встретив обилие женского пола, обрадовался, выкрикнул: «Вот и вся моя семья, восемь девок — один я!» — и пошел далее.

Стоят-сидят курсистки молчаливые, задумчивые, смотрят на костер, даже друг с другом не разговаривают, слушают печальную историю про то, как «я любила в последний раз, последний раз», что про себя при этом думают — неизвестно. Расположились в три ряда, первая скамеечка низкая, за ней — выше, специально так придумано, будто собрались вместе для фотографирования, а фотограф где-то потерялся, а они ждут его, ждут... Запечатлеть красоту некому.

Глядя на эту картину, Коля почему-то вспомнил турок. В том смысле, что какой-нибудь султан турецкий и его приближенный визирь, если бы, не дай бог, занесли их нелегкая в Сибирь, край поселений и великих строек, не смогли бы понять, что здесь происходит, даже через переводчика из МГИМО.

Откуда посередь тайги, среди ужасных болоттопей взялись в одном месте у костерка сразу двадцать молодых девушек в три ряда, и никакой мужчина лично головой за них не отвечает? Ни евнуха старшего нет, ни даже младшего поблизости, ни брата верного, правителя, на худой конец, в данной провинции власть держащего. И никому не надо за ними ухаживать дополнительно, содержать. Махальщик с опухавшим и тот отсутствует, не распугивает комаров, сбегал, собака неверная, — сами девушки энергично машут руками, хлещут себя по лбам, затылкам или животам или другому какому месту от души, без малейшего стеснения.

Да, вот именно, эти девушки сами себя содержат, находясь в трудных бытовых условиях, без ванн и купален, благовонных розовых масел без, посреди леса дремучего, полного гнуса ужасного, даже несколько ближе к болотистой лесотундре приполярной и вечной мерзлоте с лежащими в ней нетленно мамонтами, до коих шибко охочи японские ученые. А турецкие ученые что-то не шибко понаехали, а раз не едут, где уж тут эмира с султаном ждать, когда ученые турецкой академии наук любопытства к артефактам не проявляют? И хорошо, что не приехали, зато Николая со своими девицами переночевал в номерах, для них забронированных, под видом особо секретного агента КГБ со своими личной агентурой, а не оказался с ней же и вальяжными грузинскими паханами — предпринимателями в ресторане. Что бог ни делает — все к лучшему. Это и к султану относится турецкому, и к его многочисленному семейству, включая наложниц. Ой, куда это его опять унесло с бестолковыми рассуждениями?

Обилие симпатичных курсисток, молчащих у костра в ожидании невесть чего, поразило воображение не только сверх меры задумавшегося о судьбе турецкой науки Николая Петровича, но и всех прочих представителей мужского пола, не давая им уйти прочь.

Здесь были девушки на любой вкус: брюнетки и блондинки, стройные модели и полненькие румяные булочки.

Красилов растерянно-мятежно косил в их сторону, примеряясь. Стал вдруг ходить вокруг костра кругами, бормоча себе под нос непонятное, подкинул несколько сухих веточек в огонь. Те затрещали, а подойти духа не хватило. Исчез навык за десять лет брака. По лицу его стало видно, что вспомнил он вдруг, что на самом деле является не только замначальника ВЦ краевой мелиорации, но и, в принципе, отнюдь еще не старым тридцатидвухлетним человеком с вьющейся шевелюрой, да, женатым, есть грех, но одновременно, оказывается, ужасно соскучившимся по разговору с молодой задорной девушкой. Каковых здесь в избытке — да все практически молодые, но веселья особенного не проявляют, комары достали. Красилов смутился окончательно и вернулся на постой ближе к Герасимычу.

Еще бы. Давно и основательно женат человек. На службе отличным считается семьянином, о чем в характеристиках ему каждый раз непременно писали — «отличный семьянин», потому что романов служебных ни с кем не крутил. Отработает положенное время, часто и сверх положенного часик-другой прихватит, — и домой! К жене, детям, квартире, автомобилю, даче, диссертации.

А тут вдруг ни с того ни с сего у плюгавенького дымаря продрал его жуткий мороз, волнение началось необъяснимое, будто снова как в пятнадцать лет впервые пришел на танцы и корчил там из себя взрослого парня, врал партнерше, что ему семнадцать. Танцы те не понравились, но запомнились надолго, и вот снова то же самое дурацкое настроение. Только не надбавить пару лет хочется, а скинуть десяток, кольцо с пальца тихо в кармане скрутить и про семью на вечер забыть.

Вон какой букет очаровательный, явно жаждущий любви, ждущий ее от каждого встречного, даже, возможно, и от него. Или Герасимыча... Нет, от Герасимыча едва ли. А от него точно. И жутко начинать, и отказаться от всего, простояв с надутыми губами, как Гофман, обидно.

Гофман держался прямо, надменно выставив трость перед собой, слегка даже демонстрируя. Обилие молчащих девиц возмущало его до глубины души: «Есть же не очень красивые, почему бы не заговорить со мной? Я бы ответил. Так, слово за

Рисунок Антонины Решетниковой

слово, глядишь, завязалась бы беседа, познакомились, жить бы стало веселее. Но нет! Лица выставили в одну сторону и молчат! На огонь смотрят. Чего на меня пялиться без толку? Нет чтобы спросить чего. Я бы обязательно ответил».

Сам Гофман никогда первым с девушками не заговаривал. «А то скажут: с костылем, а туда же, лезет любезничать». Нет, он всегда только отвечал. Местами даже подробнее, чем того желали спрашивавшие. И все ждал, ждал. А с ним все не заговаривали по-настоящему и не заговаривали! Даже на улице дорогу не спрашивали. Перед ним спросят — те не знают, так его пропустят, у следующих интересуются. Уже двадцать семь стукнуло, волосы на щеках прозрачно-стеклянные вылезли ненормальные, не седые ли? Сбривал их утром с легкой ненавистью. А они не заговаривают и не заговаривают, даже самые некрасивые. Володя был обижен, но продолжал ждать с высоко поднятой головой. У него есть своя гордость. Да, пусть он инвалид! Но не позволит никому.

Николя также пребывал в скромном стеснении. Девушек, конечно, много, некоторые очень даже ничего. Однако он уже сидит в столовке с двумя, куда еще набирать? Вон те две очень хорошенькие, и если б не Надин... А при чем здесь Надин? Кто такая есть нам Надин? Чихал он на Надин с ее челкой, носом и губками. Подойти, что ли, назло познакомиться?

Все-таки не подошел, хотя Надин с Марой исчезли куда-то и вроде можно было считать себя свободным окончательно и бесповоротно. Нет, не решился, вздохнул и остался при мужской группе, в которой начались обычные по такому случаю бездельные тихие разговоры.

— Та маленькая, между прочим, стюардесса.

— Ничего себе, из стюардесс в программистки ее кинуло.

Стюардесса действительно ростом невысока, зато лицом и фигурой исключительно замечательная особа. Не захотелось ей больше в небесах летать? Летчики надоели со штурманами и бортмеханиками? Решила заняться программированием личного счастья на земле?

— Какой выбор, а? — шепнул Герасимыч, толкнув Володю.

Гофман лишь оттопырил недовольно губы, показывая тем самым, что ничего достойного внимания он не обнаружил.

— Но позвольте, — возмутился рыбак, наступая на его трость резиновым сапогом. — Ты вон хоть возьми тех двух крайних в первом ряду — чем не красавицы? — И даже указал на ближних девушек, приехавших из Уссурийска, Иру и Машу. — Обе ведь не замужние, явно на выданье.

И точно, Маше двадцать три года, Ире двадцать шесть, можно сказать «на выданье», раз обе сидят с постными лицами без обручальных колец.

— Ежели, голубчики, женитесь на той, черненькой, — продолжал балдеть Герасимыч, очень довольный собой (явно хлебнул толику кубинского рома из большой бутылки с блестящей серебристой наклейкой, стоявшей под его кроватью в коттедже рядом с ведром, в котором плавал предыдущий улов), — десять лет подряд будете счастливы в семейной жизни, а потом она вас обязательно бросит, предварительно наставив вам, ребята, здоровенные рога, вроде лосиных!

— С чего вдруг?

— Я замначальника ВЦ треста «Якуталмаззолото», мне ли не знать? Система у нас запущена специальная, «Кадры» называется. Сам вводил в эксплуатацию на тысяче примеров, потому знаю, что говорю. Сбежит к молодому обязательно и не вернется. Ножки у нее видите какие?

— Обычные.

— Ты на щиколотки обращай внимание. Видишь? Тонкие, сухие... Ускачет антилопой гну, трех лет не пройдет, гарантирую.

— Говорил — десять...

— А та, что рядом?

— О, эта серьезная. Эта верной останется до самой твоей могилы, а значит, практически как бы навсегда верная будет. Единственный крупный минус — ревнивая. С ней приблизительно лет до сорока пяти доживешь ничего, нормально, потом поворот произойдет, если речь вести о твоём здоровье.

— Готовит плохо?

— Нет, почему? Превосходно готовит, с комплексным обедом не сравнить, а все равно от сковороды помрешь. Вернешься как-нибудь поздно вато с партконференции отчетно-перевыборной, а она унохает от тебя посторонние духи — и амба. Ни слова не скажет, вида не подаст, выдержку проявит, в себе затаит, переживать молчаливо и страшно внутри будет. За стол усадит, начнет потчевать борщом да котлетами с пюре, а когда ты набросишься с голодухи на еду и с полным ртом будешь жевать-радоваться, тут у нее сердце в груди взиграет, что не сможет стерпеть несчастная: выберет сковороду чугунную на полке потяжелее да как с разворота тресь! Тебе по башке. Не успеешь дожевать, падешь бездыханным. Сорок пять — самый опасный возраст для подобного скверного случая, но не последний, скажу откровенно. Если сорок пять как-нибудь переживешь, отоврешься по нахальной сути своей, угрем из-под сковородки выкрутишься, то в пятьдесят все равно не сносить головы из-за ее выдающейся любви и необыкновенной ревности.

— А вот сам ты, Герасимыч, лично за какой бы приударил?

— Я лично вовремя сбежал и от той и от другой, поэтому здесь отдыхаю в свое удовольствие: сыт, пьян и нос в табаке. А если хотите, молодые люди, полного семейного счастья по самый край, женитесь на той маленькой, смазливенькой...

— Стюардессе?

— Ну. Очень ласковая к муженьку будет, всегда обаятельная, нежная, веселая... м-да... с ней не соскучишься. Единственный существенный недостаток наблюдается на горизонте: ребенка вам родит постороннего, не вашего. По глазам вижу ласковым. А все прочее замечательно, не нарадуетесь, так жить хорошо с маленькой ягодкой. Да и не узнаете никогда, что ребенок не ваш, всю жизнь проживете приятственно, в общесемейном счастье. Это самая лучшая кандидатура из всех. Настоятельно рекомендую.

— Что, и на такой женат был?

— Я? Храни господь. Говорю же, организация у нас специфическая, «Якутзолото» с алмазами в придачу, многоночь кто через систему «Кадры» проходит, так что наблюдал и таковых стюардесс неоднократно.

— А все же, с какой бы хотел познакомиться?

— Ни с какой, пока трезвый, а по пьяни не знаю. Вот как увидите, что приударил за кем, так и знайте: пьян старый хрыч сегодня, и здорово пьян — лыка не вяжет. Вон девка стоящая, — указал подбородком на Мару, — вот где счастья немерено. Даже с ребенком бы посторонним взял, даже зарежет пусть или сковородкой чугунной навернет, все ко двору будет, хлопцы. Ты с ней работаешь? — обратился к Николаю.

— В разных отделах.

— Ну и как она живет-поживает в естественных условиях, много народа за ней ухлестывает?

— Уже лыка не вяжешь? Замужем, ребенок есть.

— Все равно — мечта поэта.

— Какая мечта? — возмутился Николай, припоминая счетное число влюбленных электронщиков и программистов из официального списка. — Нет же ничего абсолютно. Выдумываете тут, на пустом месте.

— Не понимает товарищ. Напрочь лишен чувства прекрасного. Может, и к лучшему, — вздохнул Герасимыч завистливо, будто оказался без снастей, наблюдая проплывшую мимо большую стерлядь, хитро подмигнув в сторону Гофмана, уточнил: — Не понимает человек. Гофман и тот, смотрю, в курсе дела. Да же, Володя? Классная женщина? Мечта поэта?

Гофману хотелось оттопырить презрительно губы, но у него не получилось — комар присосался к щеке, пришлось срочно уничтожать.

4.

Утро выдалось зябким. Коля проснулся от холода и шумного, даже грохочущего появления в коттедже обнаженного по пояс Вольдемара, что влетел в комнату с необыкновенной для него скоростью, явно после умывания, продолжая обтирать и без того багрово-красный торс лихорадочными движениями. Неистово жонглируя при этом костылем, как бамбуковой тростью, словно самураем, собравшийся в показательных целях до основания уничтожить деревню, восставшую против своего феодала, включая женщин с грудными детьми.

— Как погода? — заинтересовался Николай.

— Колючая, — ответил Гофман загадочно, в духе великого однофамильца.

Сказочный секрет открылся неприятно быстро: стоило одеться да спуститься по тропинке в низину к многопользовательскому умывальнику, а там намылить по глупости лицо, как тут же в руки, шею и спину впилась десятки и сотни язвительных игл. Бесстыдно взвизгнув и едва плеснув пару пригоршней воды, Николай бежал из низины в дом, с размаху хлеща себя по спине и бокам мокрым полотенцем не хуже иракского шиита в дни всеобщей горечи и оставляя красные полосы.

После завтрака, который он вновь провел за одним столом с девушками, состоялось первое занятие по изучению языка пиэль, на котором не только не преуспел, но даже принародно оконфузился. К восьми часам возле пустого домика собралось человек сорок пиэлистов. Дверь в коттедж отворила на удивление молодая, по возрасту не старше Николай преподавательница, конопатенькая брюнетка со свернутой на затылке косичкой крендельком, в модно потертых на коленках и попке джинсах. Вместо кровати комната содержала столы и парты, на стене висела доска. Все расселись, и занятие началось.

Комаров в пустом коттедже оказалось даже больше, чем в туманной низине близ умывальников. Домики не имели системы отопления, сантехники и не защищали жителей ни от чего, кроме солнца и ветра. От комаров тоже не защищали. Учащиеся сплотились в тесноте, по три человека за партой, и проклятые насекомые всюю пользовались этим, особенно донимая ноги под столами. Приходилось натурально отбрыкиваться, часто это приводило к общему шуму и недоразумениям.

Надин сидела рядом с Николаем, успевая записывать все, что говорила слишком молодая лекторша с пунцовыми щеками, и мурлыкала песенку. Комары ее не брали.

— Я намазалась кремом, — ласково шепнула на ухо, — если бы заглянул к нам утречком, и тебе бы дала.

Преподавательница обернулась на шум, вопросительно склонив голову набок. Топтание под столом ненадолго прекратилось, и в установившейся тишине отчетливо прозвучали последние слова, сказанные Надин.

Народ захихикал, стал оборачиваться, отдельные представители мужского пола даже изрядно вытягивали шею, пытаясь разглядеть добрую девушку.

— А мне? — спросил Пасюк.

— Большой шибко, в тубике мало осталось, только на него хватит. — После чего вернулась к Николаю, обольстительно улыбаясь. — И еще хорошо, что надела штаны.

— Что?

— Хорошо, что я сейчас в штанах, глухая тетеря! — громче повторила она, деловито переписывая с доски в тетрадь алфа как бамбуковой тростью, вит нового языка. — Не так пристают.

В аудитории опять все насторожились, перестав брыкаться.

Мара сидела с другой стороны от Надин. Не разобравшись, треснула Колю по спине:

— Оставь девушку в покое!

— С ума сошла, что ли?

И тут же получил такую оглушительную затрепину, что перед глазами поплыли красивые радужные эллипсы. Надин радостно демонстрировала классу ладонь, забрызганную кровью. Даже встала, чтобы всем было видно.

— Я тебя спасла. Опусть плечо пониже, хочу отдохнуть, — положила голову ему на плечо.

Обнаглевшая толстая комариха до того наклюкалась крови, что не могла лететь, и, надсадно гудя, перегруженным бомбардировщиком шлепнулась прямо на конспект посреди страницы. Николай с удовольствием превратил тварь в огромную красную кляксу.

— Все мозги стряс. Поосторожнее можно?

— Девушка, уберите голову, — попросил Коля, мрачней, — мешает.

По аудитории прокатился смешок. Надин продолжала лежать на плече, хоть бы хны.

— Убери голову! — гаркнул Николай.

Раздался взрыв смеха.

Надин поднялась, зевнула, шепотом пояснила:

— Бессовестный. Преподавательница решила, что к ней обращаешься. Видишь, голову убрала и даже в сторону отошла. Думает, тебе не видно. Эх, как не стыдно?

Занятия продолжались до четырех часов, с перерывом на обед.

На вечер некие неизвестные инициаторы назначили общее знакомство группы на берегу озера. К их

компании присоединились все кому не лень, Герасимыч в том числе. Он обещал наудить с утра рыбы, а к праздничному вечеру сварить целое ведро ухи и накормить всех до отвала. Красилов купил две сумки рома в магазине ближней деревни. Водку нигде не продавали из принципиальных соображений борьбы с народным пьянством, а вот рома по семь рублей в красивых бутылках с блестящими наклейками «Гавана клуб» от дружественного Острова свободы во всех магазинах было хоть залейся. Дороговато, конечно, зато экзотика!

Пока они сидели на занятиях в комарином доме, Герасимыч развел на берегу костерок и сварил целое ведро ухи из окуньков и карасиков. Уха получилась на славу, над всем пляжем витал сногшибательный аромат лаврового листа и перца, но как хлебать тридцати человекам из одного закопченного ведра?

Герасимыч, во-первых, притащил ложки из столовой, во-вторых, организовал два больших таза, разлил в них уху (клянясь и божась, что он совершенно новые у завхоза выпросил). Красилов с Пасюком открыли кубинский ром, и началось близкое знакомство. Очереднику вручали стакан, кусочек серого хлеба с рыбкой и требовали назваться, после чего все выпивалось и заедалось. Некоторые девчонки отказывались пить, некоторые — закусывать костлявой рыбешкой, и, закатив глаза, пищали: «Ой, воды, воды мне срочно, задыхаюсь!»

Крепостью и запахом ром соответствовал обычной самогонке.

— Не, малость послабее горилки будет, — засомневался Пасюк, когда выпил, — на что-то похоже, а на что, не разобрал, ну ладно, плесните еще...

Не ко времени заморосил мелкий дождичек, подернувший дальний край озера туманной дымкой, однако настроение собравшихся сильно двинулось на подъем — начались веселые пляски. Костер сыпал снопами искр, когда в него подбрасывали охапки хвороста.

Ром заставил прыгать через костер. Выше всех летал Бронислав Пасюк: подпрыгнув, он успевал прямо над кострищем пару раз перебрать ногами в воздухе, чтобы потом, как бы спохватившись, резко улететь далее по маршруту. Порхать в одиночестве ему скоро прискучило, и, подхватив на руки маленькую Стюардессу, с криком: «Ох, полетаем!» Броня ринулся в костер. Стюардесса не решилась отбиваться — выронит еще в критический момент. Пасюк таскал ее довольно долго. Красилов даже выразился по этому поводу: «Носится, как черт с писаной торбой! А дома, небось, жена и семеро по лавкам». Никто его не поддержал. Мужская часть группы подумала про себя: «Ну и зануда этот Красилов!» А женская решила, что ревнует.

Выпив две порции горького рома, Николая по-искал взглядом Надин, а найдя, удивился тому, как далеко ушла она от костра. Тоненькая фигурка виднелась возле самой воды: стоит спиной ко всем, смотрит в тусклую даль озера. Что там сейчас разглядишь? Захотелось тоже подхватить ее на руки и... Но пламя слишком разгорелось, а его и без того шатает. Какая Надин незаметная сегодня. Стоит одна у кромки воды. От всех отвернулась. Может, ей плохо? Может, подойти сказать слова ободрения?

Погода тем временем окончательно испортилась. На озере разыгрались волны, все вокруг сделалось мокрым, пропиталось холодной водой с запахом тины — и песок, и прибрежные деревья, и одежда, но люди продолжали весело плясать вокруг костра.

Разве с трезвых глаз мог разбушеваться по столь мерзкой погоде жизнерадостный кубинский праздник? Давно разбежались бы кто куда, сидели сейчас в дощатых коттеджах, трясясь от холода под отсыревшими одеялами. Все отлично! Куба — любовь моя!

Даже то, что Надин стоит у кромки воды вдали, отвернувшись к озеру в вуали неясной дымки, в некотором смысле прекрасно и необыкновенно романтично. Будто наяву возник туманный образ самой главной в его жизни Незнакомки, с которой Николая сейчас наконец-то познакомится. И он пошел к ней.

Кольцо радостных танцоров, что лихо вращалось вокруг костра, затянуло его в свой водоворот, кинуло к жару пламени. Николая мгновенно обжегся их раскаленной вулканической радостью, оказался звеном общего неразрывного пьяного братства.

Сверху отвесно на головы и плечи падали тугие струи дождя, приятно охлаждая разгоряченные лица. Одежда насквозь промокла, однако все продолжали прыгать, не замечая этого, держась за руки. Потом у кого-то заплелись ноги, и все повалилась друг на друга, непрерывно хохоча до колик в животе.

Веселье кипело и расплескивалось по кругу от костра. Чем ближе к огню, тем выше градус горячего рома. Пасюк, обронив где-то Стюардессу, вознес на руках Мару, впрочем, через костер не прыгал: Мара гораздо крупнее Стюардессы, или жальче ее Пасюку, или просто не желал расставаться. Силой-то бог не обидел. Мара восседала, вполне довольная судьбой, выделившись из общего многочисленного женского фона в ту единственную, которую несут по жизни, берегут да холят, как бесценное сокровище.

Неожиданно Николая опомнился и снова направился к Надин, желая поболтать с ней о чем-нибудь легком, необременительном, постороннем от пиэля.

Шел-шел, шел-шел, шел-шел — уже рядом, вот она стоит тоненькой, мокрой тростинкой на ветру

и дожде... зачем-то прошел мимо. Прямо в воду забрел по колено. Зачем, спрашивается? Черт его знает. Принялся с серьезным видом внимательно разглядывать дальние дали, не произнося ни слова. Чувствуя при этом с горечью, как ноги быстро околевают, а кроссовки в ледяной воде будто растворились, полностью размокнув. Черт! Где их теперь сушить? В такой повсеместной сырости и вечернем коттеджном холоде?

Уже растерянно глядел на кипящую воду озера, что в тенетах дождя окончательно слилась с низким темно-серым небом, висящим рваными облаками, как сетями, на верхушках растущих вдоль берега чахлах ветел.

Имелось странное очарование в этом шуме озерной воды, смешивающейся с дождевой. Не найдя ответов на заданные себе вопросы, Коля закрыл глаза и стоял-слушал громкий, радостный шум воссоединения воды небесной и земной.

Он вдруг ощутил, что на самом деле вода в озере теплее, гораздо теплее текших по лицу струй дождя. Что если взять да искупаться прямо сейчас? Это будет фокус почище прыганья через костер со Стюардессой на руках. Никто ведь не знает, что озерная вода теплая. Все испугаются и восхитятся подвигу. Надо бы сказать Надин. Предложить искупаться сейчас на пару с ней прямо в одежде. Вот будет номер экзотический! Взяться за руки и уплыть под испуганные вопли в туманную даль, раствориться в ней навсегда? Нет, не навсегда, а на сегодня, вдвоем?

Николя поворотился.

Надин рядом не оказалось. Более того, он не обнаружил ее среди прыгающих у огромного кострища — там, где размокли под дождем газеты, стояли тапки ухи, которую никто даже не попробовал, и валялись пустые красивые бутылки из-под рома. Нигде не видно строгой черной фигурки, которая ему сейчас нужна, просто необходима! Он так здорово придумал их общее будущее!

Народ пляшет, орет, визжит от дикой радости. Николая стоит по колено в озере, ищет сквозь дождевую пелену: куда девалась Надин? Здесь же была только что. Долго стояла. Ушла. Ан нет! Вон, на руках Пасюка катается! Утащил Надин Пасюк от Николая! Здоровый мужик, всех девушек перевозит на руках по очереди!

Еще Николая увидел выпрямленного, сурового Гофмана. Посочувствовал. Некто нравится Гофману, и очень сильно, судя по тому, с каким особым достоинством и прямоотой осанки Володя держится, глядя поверх общего веселья, лишь изредка кидая быстрый взгляд на интересующий его объект и стоя так, что трость практически незаметна с той стороны, где онный объект расположен. А лицо горит, не-

смотря на холодный дождь, как у человека, который страшно, дико ревнует, не имея на то никаких прав, и никак не может справиться с припадком бешеной ревности, потому что отпил два раза по тридцать граммов, хотя до того практически никогда не пил.

На горящем лице Володи, неровном от давних зарубцевавшихся юношеских угрей, торчала белесая, будто седая короткая щетина, сильно его старящая. Сейчас он походил на хромого упрямого старика, принципиально объявившегося на свадьбе внука, с коим рассорился несколько лет назад и с тех пор не разговаривал. А теперь не знал, чего ему здесь делать — поздравить и уйти или остаться, сесть со всеми, слиться с новой родней, даже песни попеть, расцеловаться со сватами.

Бедняга едва сохранял равновесие: потому и оставался на месте, что смертельно боялся оступиться да упасть на глазах той, которая его даже не замечает. Володя держался с достоинством, стойко. Проявлял железный нордический характер, как и во всех прочих аспектах жизни. В каждой мелочи, в ерунде любой, мимо которой другой пройдет, не обращая внимания, пнет с дороги в сторону, он разбирался долго, нудно, методично, зато всегда доходил до глубинной сути явлений, как бы дорого ему ни доставался итоговый результат, в какую бы копейку ни влетала выделка очередной овчинки.

Ведь только на первый, поверхностный взгляд Гофман являет собою образ нескладного человека, на которого редко какая женщина обратит внимание, а если обратит, то лишь в случае самой крайней нужды. А вот, кстати сказать, видно: так много у женщин бывает тех самых крайних случаев, что стоит начать разбираться на холодную голову да перебирать по пальцам, так и окажется по жизни, что каждый второй их случай предельно крайним выходит. В том смысле, что умеющий держать удар Гофман обязательно, точно по волшебству, пребудет в свое время с любимой женщиной в мире, согласии, а главное — супружестве.

Но не с Марой, разумеется. Исключено это, кстати, не ею, а им, доведенным сейчас до крайнего молчаливого бешенства, которое никак, ни в чем, никогда не проявится.

Никто не понимал, что если Володя тронется с места — сразу же упадет, а значит, стоять ему здесь еще долгонько, пока не протрезвеет под холодным ливнем настолько, чтобы дойти до сосен и там, под кронами, привалиться спиной к шершавому смолистому стволу.

Мимо пробегали развеселые девушки, сочувствующие Володиному отщепенству, звали к костру — где жить теплее, веселее, — или к тазику — откушать ухи с перчиком и рыбками, еще

чего-то выпрашивая, но все в том же несерьезном, приземленном духе. Он на них никак не реагировал, даже губы презрительно не складывал, стоял монументально строгий, будто не замечал. Поздно. Раньше надо было.

Одна некая — с пьяных глаз, не иначе — загорелась увлечь Гофмана вместе с нею попрыгать в общем хороводе. Так ли уж хорошо маскировал он свою подпорку или девушка совсем сверх нормы приняла, отчего не пришелся костыль ей по глазам, — неизвестно. Схватила за рукав и потащила в круг, но Гофман вырвался, взмахнул палкой для сохранения равновесия, устоял-таки, а та даже голову вжала в плечи, подумала — на нее замахнулся. Мигом кинулась обратно к хороводу, ворвалась в него и учинила преогромный беспорядок, связанный с общим веселым падением кучи-малы на раскисшую дождевым половодьем траву.

В борьбе за равновесие Гофман закусил губу. И привел ее на место в те краткие секунды только тогда, когда краешком глаза касался Марочки, но и последние остатки настроения покинули его в один миг, когда чертов Пасюк, подхватив Мару, принялся таскать ее по берегу, будто собственное достояние.

«Что за неудача, — думал Николая, медленно осознавая происходящее, — какое-то неудачное знакомство получается».

Перемазавшись в грязи после многочисленных падений, вокруг костра прыгали непохожие на себя люди, исполняя самые простые первобытные танцы племени мумба-юмба, пока заготовленный хворост не выгорел полностью и мужская часть племени не бросилась искать новый.

Снова отличился силой богатырской Пасюк. Вырвал с корнем сухую ветлу на берегу, бросил в костер под визги и вопли девушек. Остальные парни по его примеру принялись вырывать сухие ветлы, даже Коля не устоял перед столь заманчивой демонстрацией силы, хотя был изначально уверен, что у него ничего не получится.

Но, к своему удивлению, чрезвычайно легко выворотил иссохшую черную ветлу с корнем из песка, много толще Пасюковой, более раскидистую, и, в отместку Пасюку и Надин, тоже долго носился с ней возле пиршества, не зная, куда приспособить.

На месте костра полыхал целый вигвам из ветел в пять метров высотой, такой не перепрыгнешь. Зато не страшен гигантскому пожару дождь, льющий все сильнее. Кто не убежал до сих пор домой, положили друг другу руки на плечи и плясали вокруг костра летку-енку.

Дождь стоит отвесной стеной рядом с каждым, так что озера в пяти шагах не видно, лишь слышится, как оно кипит, шипит, гудит.

Николя отвлекся на минутку послушать эти природные звуки, а когда очнулся, увидел Володю Гофмана, сидящего под деревом прямо на земле в обнимку с костылем.

Три девушки уговаривали его встать и возвращаться немедленно на турбазу в свой коттедж. Володя сурово и равнодушно отвечал им, что никуда больше не пойдет, а останется здесь до утра. Из чего делалось ясно — у человека только что произошла драма всей жизни.

С лиц девушек струйками стекала вода, они выглядели маленькими котятками, которых хозяйка уже сунула в ведро с водой, чтобы утопить, а потом передумала и вытащила обратно. «Пусть до завтра поживут. Может, возьмет кто?»

Они сидели вокруг Володи на корточках, униженно моля идти с ними. Но Гофман был неумолим. Всем его жаль, а ему себя и подавно.

Коля сказал девчонкам, чтобы они не беспокоились, шли домой, а он останется здесь с Володей, поможет ему дойти, когда тот сочтет нужным. Девушки помялись, подумали и ушли.

Володя сидел непреступный. Было ясно, что он не в состоянии подняться самостоятельно, даже бесполезно искать равновесия, настолько ром выбил трезвенника из колеи, чего тот ни в коем случае не желал показать слабому полу. Да и Коле тоже.

Они остались вдвоем на краю леса под дождем. Ночная темнота сгустилась в кромешное, жидкое состояние. Невидимое в десяти метрах озеро шумело громко и могущественно, настоящим океаном. Коля старался запомнить этот звук. Значит, идти к коттеджам надо будет в противоположном направлении, немного наискосок по лесу, влево... или вправо.

— Ладно, — сказал он, опрокинувшись спиной наземь, в какие-то мелкие лужицы, — заночуем здесь. — Хорошо, свежо... и мухи не кусают.

Земля мягко притянула. Затылок чавкнул в глину.

Он закрыл веки. Через некоторое время открыл. Неясный свет, неведомо откуда исходящий, обрисовал фигуру, стоящую возле него на коленях и опирающуюся на палку. Гофман тянул заунывную степную мелодию, изредка вплетая в нее слова:

— Вставай... Коля... надо идти... идти надо нам... уже ночь совсем... вставай... Коля... надо идти...

Можно было не сомневаться, что он выводил бы свою искреннюю, идущую из глубины сердца песню, стоя так на коленях до самого утра, не притрагиваясь к павшему.

Николя обнаружил себя в луже серьезных размеров, сел, быстро вскочил, дабы случайно не захлебнуться. Тем более главная задача выполнена: Володя оторвался от своего дерева и захотел домой.

— Пошли.

Акын еще пару минут вел свой монотонный рецитатив, пока его не похлопали по плечу.

— Ты уже? — подивился он с явным разочарованием. — У меня вода на очках, ничего не вижу.

— Здесь хоть в очках, хоть без очков, ни черта не видно.

Они двинулись в глубь леса, удаляясь от привычного шума кипения озера, ставшего за эти часы почти родным, постоянно натываясь на деревья, кусты, спотыкаясь и падая. Что при свете дня выглядело лесопарковой зоной, в черноте ночи оказалось непроходимой тайгой с буреломом.

— Вроде бы к озеру пришел по асфальтовой дорожке.

— И я... вроде бы...

Сказав это, Володя исчез. Съехал вместе с костылем в глубокую конусообразную воронку и застрял в глубине, не зная, что делать, и от расстройства не подавая голоса.

Николя зашарил рукой рядом. Приятель исчез. Даже сопения не слышно. В прятки играть вздумал? Обнаружил край ямы. Недолго думая, съехал вниз.

На дне уже накопилось достаточно воды, и оба очутились в холодной глинистой жиже.

Не произнося ни слова, Гофман вдруг бросился наверх по склону, сильно шлепнув по воде ногами. Секунду его не было, потом обрушился сверху, подмяв под себя Николя и затопив его высокой бурной волной.

Николя старался выбираться осторожно, без волн, однако это не получалось: сползание каждый раз заканчивалось большим всхлюпом донной жижи.

Склон почему-то абсолютно голый, одна холодная, скользкая, водянистая глина под руками, ни травинки, ни ветки, ни кустика, уцепиться совершенно не за что. Сама яма в глубину метра три. Днем, засветло, Коля непременно выполз бы. Если бы не шел дождь или хотя бы был трезв, тогда другое дело, запросто. Но кругом непроглядная чернота, отовсюду сверху льется вода, и напился рома сверх меры. А все Пасюк чертов.

— Козел этот Пасюк, — процедил Николя с раздражением, когда опять съехал вниз.

— Конечно, — тотчас откликнулся Гофман, будто думал о том же самом, — полнейший идиот. Ты видел его конспект? А я видел. Сразу ясно — не понимает, что пишет.

— Сила есть — ума не надо, — согласился Николя, с огорчением вспоминая подвиги Пасюка.

— Выпендривается много, шел бы в грузчики да таскал каждый день ящики, раз так нравится.

— Стюардесса чуть не со страху не умерла, когда он с ней через костер сигал. Надин утащил от озера.

Просили его? Нет. Одна Мара каталась с удовольствием. Чертовка эта Мара, как на коне, каталась на Пасюке. Есть в ней нечто, есть.

— Мара здесь совершенно ни при чем, — воспротивился Гофман. — Пасюк, скотина, кругом во всем виноват. Таскал бы свою Стюардессу хоть весь вечер, раз нравится, слова никто бы не сказал, а тут всех ему одному надо. Если увижу болвана сегодня, можешь быть уверен, очень ему не поздоровится... Вода здорово прибывает.

Он поднялся и сделал очередную попытку взобраться по склону. Съехал на плечо Николая.

Это породило идею.

— Давай буду тебя подсаживать, а ты лезь.

Наконец удалось вытолкать Гофмана на край воронки, а потом, при помощи Володы, выбраться и самому. Минут пять лежали без сил. Первым встал Николай.

— Идем дальше.

Володя недовольно сопел, сидел, не двигаясь с места.

— Устал?

— Тапка в яме осталась.

Ни секунды не раздумывая, Николай скользнул вниз на поиски тапки и на ошупь принялся процеживать донную жижу. В луже ничего похожего не оказалось. Влипла в склон, потому не скоро нашлась.

Они продолжили свое глупое путешествие с выставленными вперед руками сквозь непроглядную тьму под проливным дождем, по непроходимой тайге, цедя ругательства на голову Пасюка. Вдруг резко вспыхнул свет. Не какая-нибудь отдельно взятая лампочка зажглась на горизонте в далеком вахтовом поселке, нет, воссияла неоновой голубизной целая просека, будто городской проспект включил заспавшийся на дежурстве электрик. Высветился и высокий, плотный забор турбазы.

Они заковыляли скорее к тому забору, счастливые до невозможности, принялись ощупывать доски. Боже правый, неужели спаслись? Оказывается, совсем даже не в дремучей тайге находятся за триста километров от последнего жилья! Не утопали к тундре! По-прежнему на территории родной турбазы пребывают, и где-то совсем рядом находятся их замечательный домик, комната с кроватями, матрацами и одеялами! Боже милосердный, неужели спасение возможно?

Пошли вдоль шершавой поверхности забора, дружно мечтая вслух о скором неминуемом отдыхе, сухой простыне и одеяле, не отнимая ладоней от занозистых досок, боясь, что свет погаснет и они потеряются в тайге снова.

Две неповоротливые пьяненькие, икающие улитки ползли по забору долго, настойчиво, пока не

приползли обратно к озеру. Вон подмигивают рубиновые угли шипящего под дождем костра.

— Эх, надо было в другую сторону идти!

— Верно.

— Какие мы дураки!

— Точно.

Поползли в обратном направлении. Буквально через несколько шагов запнулись об асфальтированную аллею. Оставив забор в покое, направились по ней.

— Дошли, — обрадовался Володя, увидев первое строение. — Это наш коттедж.

— Нет, видишь, на крыльце чужие люди, значит, не наш. Наш дальше.

— Неправда! Гости какие-нибудь пришли, я спать хочу! Гостей выгоним в шею. Эй, люди, уходите из нашего домика!

Чужие люди на крыльце расхохотались.

А в Гофмане проснулась прежняя упрямость. Он стучал палкой по асфальту и твердил, что дальше не пойдет, будет ночевать здесь и только здесь.

Так повторялось перед каждым очередным коттеджем, пока их не окликнули.

— Володя, Коля! Ау!

— Это наш коттедж?

— Нет, не наш.

— Зовут, слышишь?

— Да женский это коттедж, две тетki на крыльце ручками машут.

— Володя, Коля, вы куда? Заходите в гости.

Знакомые женщины, обе полненькие, веселые, одни из тех, что лихо отплясывали танец племени мумба-юмба возле костра на вечере знакомств.

— Знаешь, как их зовут?

— Нет, конечно.

— И я нет. Зайдем?

— Давай.

Приглашающая сторона заохала:

— Мальчики, да вы насквозь мокрые. Володя! Разве можно в тапках в такой дождище по лесу гулять? Срочно заходите в дом, согреетесь хоть немного, обсохните, у нас электрокамин работает.

Николай вошел, за ним, исследовательски постукивая палочкой и хмурия белесые брови, двигался Володя, поддерживаемый сзади обеими женщинами.

В коттедже действительно оказалось тепло и уютно, из угла хитровато подмигивал красной лампочкой электрокамин. И пол здесь чистый, без земляных ошметков, и лампа настольная в абажуре на тумбочке между двумя запроваженными койками уютно светит. И нет озерного запаха, что происходит то ли от удочек Герасимыча, то ли сапог резиновых, то ли от ведра с живой, плещущей рыбой под

кроватю. Здесь пахнет по-домашнему, котлетами. Умеют женщины сотворить уют.

— Вдвоем живете? — спросил Гофман, хмуро глядя на четыре кровати без постельных принадлежностей, сдвинутые к стене.

Глиняные тапки он скинул у порога, но все равно оставлял мокрые следы, а если чуть мешкал на одном месте, то и лужицы. Оглянувшись назад, Никола заметил за собой те же проступки.

— Только что были вдвоем, а теперь с вами, мальчики, будем вчетвером продолжать вечер знакомств. Меня зовут Инесса, а ее Фаина, можно просто Инна и Фая.

— А по отчеству?

— Да зачем нам отчества, Володенька? Есть будете?

— Нет, спасибо.

— Тогда предлагаю сыграть в карты. Стола нет, занимаемся лежа на кроватях. Давайте тумбочку уберем и кровати сдвинем? Удобней будет.

Так и сделали.

Лампу установили в изголовьях. Но Гофман запрямылся и здесь, отказался сесть на кровать.

— Я сырой сильно, намочу вам.

— Господи боже мой, точно ведь, мокрые все, так разденьтесь... Одежду можно подсушить над калорифером, видите, веревочки натянуты? У вас-то, поди, нет калорифера, пользуйтесь пока.

Николя не стал заставлять себя упрашивать, скинул рубашку, джинсы, развесил над камином и прыгнул на кровать, сев поближе к лампе.

Это была койка Инессы. Со скромной улыбкой она присела на краешек рядом.

Но сушить одежду, тем более снимать ее с себя, Гофман решительно отказался.

— Нет, я на стул сяду, если не возражаете.

— Садитесь, конечно.

— Стул от сырости намокнет и расклеится, — попыталась урезонить Фаина. — Чего вы стесняетесь? Свои же люди... Если простудитесь, нам потом неудобно будет: не приютили толком человека, не обогрели.

— Может, тогда для согреву налить что-нибудь?

— Нет, не надо, — решительно отказался Коля, — большое спасибо, но нет. Мы еле в тайге протрезвели.

— А что у вас есть?

— Да что у всех, то и у нас — ром.

— А еще котлеты.

— Рома бы я лично выпил, — признался Володя, — замерз очень.

С котлетами и Никола согласился. Вареный карасик Герасимыча остался далеко в прошлой жизни.

Выпили вместе с девушками, закусили бутербродами из белого мягкого каравая с котлетами. Фаина стасовала колоду.

— Во что играем?

— Давайте в дурака, пара на пару? Как распределимся? Мальчики на девочек, или кровать на кровать?

— Моя кровать с Володиным стулом против вашей с Колей кровати.

— Ладно, тогда пики козыри.

— А может, еще по рюмашке? — скрючился на стуле Володя. — У меня ни одного козыря, как тут играть?

— Наливай.

Выпив, Инесса прилегла на свою подушку, Коля расположился у нее за спиной. Устроился возле горячего тела, как намерзший в лесу лыжник возле печки ненастным вечером.

Карты положил на бедро, слегка прикрытое полкой халатика. А у противников что-то игра не в масть: Фая ворочается без толку, Володя карт на кровати не видит, вскакивает то и дело со стула, перегибается через тело партнерши и смотрит, кто чем побился, протирая толстенные стекла.

Наконец не выдержал, тоже разделся, развесил свою одежду сушиться, сам влез на кровать.

— Давно бы так, — сказала Фая. — Возьми покрывало, накройся, весь синий от холода, смотреть страшно.

— Ты принимай, Фаина, принимай.

— О, забили женщину, шулера вокзальные.

— Это мы умеем, да, Коля? — Инесса отсчитала себе карты из колоды. — Теперь навалимся на Володеньку. Володя, скажи честно, биться будешь или сразу возьмешь?

— Ходи давай, там видно будет.

Как ни хорохорился Володя, а тоже нахватал всякой швали. У Коли с Инной полные руки козырей оказались.

Они легко выиграли. Потом еще и еще. Кубинский ром поднял градус схватки. С ноги Инны халатик свалился, и она, белая, гладкая, большая, на всем своем протяжении от пояса до кончиков пальцев оказалась на всеобщем обозрении. Коля располагал на ее поверхности свои карты, между делом поглаживая ладонью, восхищаясь феноменальной гладкостью и внутренним жаром. Инесса отвечала понимающей улыбкой.

Ему все еще холодно и сыро. Изнутри бьет легкий озноб на мелко-мелко трясающейся ноте. Хорошо бы крепко обнять эту горячую ногу, обхватить, прижаться к ней, как к печке, и, согревшись, уснуть, чтобы утром проснуться не заболевшим ни гриппом, ни ОРЗ. Такой жар ладонь припекает, что никакая зараза не пристанет.

Сложил конечности на кровати таким образом, чтобы между ними и раскаленным бедром имелась наибольшая площадь соприкосновения.

Гофман тоже инстинктивно тянулся носом к раскаленной белизне противника через лежащую Фаину и сильно каждый раз ошибался в картах. У него такого удобного столика под руками не было.

Фаина начала злиться:

— Мухлевщики! Я вижу!

— Что? Что ты видишь?

— Все без исключения. Коля тебя гладит по ноге, а Володя смущается!

— Надо же, скромный какой! Володя твой! А что он спит у тебя в бюстгальтере, ты, конечно, не видишь?

— Каком бюстгальтере, чего несешь? У меня закрытый купальник под халатом. Не веришь? Пожалуйста! — и Фаина сняла халат, оставшись в купальнике на кровати. — А у тебя что?

— А у меня? — Инесса мельком глянула за отворот халата, зарделась. — А у меня ничего. Но это никого не касается.

— Вот, смущаешь моего мужчину! Партнера то есть по кровати. Володя, вы на нее не смотрите, она женщина бессовестная.

— Я бессовестная? — блеснув глазами, Инесса приподнялась. — Вообще, может Володя твой одеваться в обратную сторону и топать домой. Мне никакого дела до него нет!

— Инесса Армандовна! Много себе позволяете!

— Фаина Арнольдовна! Чья бы корова мычала! В дурах осталась пять раз кряду и обиделась. Чего обижаться, коли суждено быть?

— Ах так, да? — вспыхнула Фаина толстой шведской спичкой. — А кто, скажите на милость, предлагал мужиков на ночь пригласить и бордель устроить? Кто сказал: вон-вон, два последних идиота из леса топают, давай их, что ли, кликнем, раз нормальных нет?

Володя срочно вылез из-под покрывала, начал одеваться, как всегда долго и трудно. Николая сбросил свои карты, тоже натянул малость подсохшие джинсы, задубевшие, мигом потерявшие пару размеров.

— Коля! Ты-то куда? Оставайся!

— Вот еще, пусть тоже уходит. Мой уйдет, а ее здесь останется, чего не хватало! Не бывать тому!

В темноте улицы, цивилизованно расцветенной кругами неона и квадратами окон коттеджей, моросил остаточный, усталый дождик.

Они чуть не прошли мимо своего коттеджа, ибо Коля почти убедил Гофмана идти опять дальше: ведь на крыльце снова висел гроздьями чужой люд. Которого они знать не знали и ведать не ведали или забыли после долгого странствия по тайге и лежания с гладкими женщинами на кроватях.

Но на этот раз Володя не дал себя уговорить.

Он яростно отмахнулся от Николая костью и направился к дверям. Кругом веселые разгоряченные лица. Горит яркий свет. Да, несомненно, это их комната, вон Герасимыч храпит на кровати, широко раскинув ноги в резиновых сапогах. Не состоялась вечерняя зорька из-за непогоды и рома.

А за столом прежняя веселая компания выпивает, закусывая копченой колбасой, — мы их не знаем! Володя побледнел. За столом Пасюк держался хозяином, рядом с ним сидела Стюардесса.

— Откуда вы, утопленники? — удивился Пасюк. — Чего грязными лезете в приличный дом?

— Смотрите, колбаса копченая вдруг объявилась! — поделился наблюдением с Гофманом Коля, не обращая на внимания на Пасюковы глупости. — А на берегу, между прочим, не было!

Пасюку подсказали, что пришли хозяева помещения.

— Ребята, причаливайте! У меня этой колбасы, — распахнул здоровенный чемодан, — полно! Лопайте!

Володя открыл рот, возвышаясь над столом и колбасой, даже позеленел слегка и содрогнулся.

— Уходите все... плохо мне, — зевнул невзначай, — сейчас...

Мигом побросав палки колбасы в чемодан, Пасюк первый устремился к дверям. За ним, подталкивая друг друга в спины и боясь глянуть на Володю — вся честная компания. На выходе даже немного закупорились, пробку устроили из-за чемодана, так забоялись зеленолицего Гофмана.

Но Володя уже спокойно раздевался, стоя у своей кровати. Аккуратно развесил мокрые вещи, залез под одеяло.

— Хорошо, тихо! — удовлетворенно произнес он. — Погасите свет, а?

Продолжение следует.

Нина КРАСНОВА

Нина Краснова родилась в Рязани. Окончила Литературный институт им. Горького (семинар Евгения Долматовского). Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Время и мы», «Детское чтение для сердца и разума», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», «Кольцо А» и других.

Член СП СССР с 1980 года. Принцесса Поэзии «МК». Член редсовета журнала «Юность», главный редактор альманаха «Золова арфа».

Автор пятнадцати книг стихов и прозы. С 1992 года живет и творит в Москве.

Дорогие читатели «Юности»!

Мой великий земляк Сергей Есенин писал: «Что касается моей биографии, то она — вся в моих стихах».

Что касается моих стихов, то в них, конечно, есть моя биография, но все же я не могу сказать, что они все идут у меня только от биографии, от конкретных фактов моей личной жизни и что в своих стихах я показываю зеркальное отражение, копию этой жизни, то есть мир моей первой реальности. Нет. В своих стихах я показываю мир своей второй реальности, в котором витает моя душа и который я создаю с помощью своей фантазии, с помощью снов, чувств, с помощью слов и рифм, из которых у меня возникает нечто такое, чему я сама изумляюсь, и какие-то такие сюжеты, каких не могло быть в моей первой реальности, при этом точно в таком виде, как в стихах. Но вот все это возникло и суще-

ствует во второй реальности, на бумаге... где я выступаю не только в роли самой себя, но и в роли некоей героини моих стихов, иногда драматической, а иногда комической, в которую я перевоплощаюсь по системе Станиславского и которую играю, как артистка, и где я действую в предполагаемых обстоятельствах и ситуациях так, как если бы я играла в каком-то спектакле или фильме... Особенно это относится к моим интимным, любовно-эротическим стихам, которые лучше всего пишутся на энергии воздержания, в аскезе, а не наоборот.

На мою поэзию оказали влияние и поэты Золотого века, и поэты Серебряного и Бронзового веков, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Баратынский, Батюшков, Тютчев, Языков, Некрасов, Есенин, Блок, Маяковский, Ахматова, Цветаева,

Северянин, Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Вознесенский, Боков, Солоухин, Старшинов, Кузнецов, Казакова, Ахмадулина... и много кто еще. В том числе и зарубежные поэты, восточные и европейские. И всех их я считаю своими учителями. Но стараюсь идти в поэзии своим путем, а не столбовой дорогой, протоптанной моими предшественниками, и совершать в поэзии свои открытия, и не быть похожей на кого-то, а быть похожей только на саму себя.

Первый раз я напечаталась в журнале «Юность» страшно сказать когда — в 1-м номере 1978 года, по окончании Литературного института. И этот журнал как был, так и остается моим любимым журналом и становится все любимее и любимее с каждым годом.

Нина Краснова

Плач по Андрею Вознесенскому

в год 77-летия поэта

Реквием в восьми частях

Памяти Андрея Вознесенского-77

1. Андрей Вознесенский-77 и его Смерть, которая пришла к нему в Переделкино 1 июня 2010 года с двумя топорами за пазухой

Пора превращаться в Текст...

Андрей Вознесенский. Архитектор, 2008

Словно киллерша под парáми,
Смерть пришла к нему... с топором?
Не с одним пришла, а с двумя топорами.
Он её прогонял пером.

«Убивать Поэта пора!» —
Так решила она, дуряя.
Две семёрки — острые два топора —
Смерть обрушила на Андрея.

...Боль Поэта не убывала.
Пела Смерть про птиц, про ворон.
Но пока Поэта она убивала,
В Текст успел превратиться он.

10 июля 2010 г., Москва

Сороковины Андрея Вознесенского

2. Отпевание Андрея Вознесенского 4 июня 2010 года в домовый церкви Св. Мученицы Татианы при МГУ

1.

Я пришла поклониться в церквушке не мёртвому мертвецу,
А Поэту бессмертному, вечному, в Бозе почившему гению,
Поэтарху в венке из стихов, покоровшему мир творцу,
Духу сфер неземных, не подвержен который гниению.

2.
 Я пришла помолиться о новопреставленном Божьем Рабе,
 Без которого залы поэзии будто бы враз опустели,
 О Поэте, лежащем во гробе, о Божьем Рабе во гробѣ,
 Спящем с «ямбами-блямбами»¹ в этой «последней постели»².

*10 июля 2010 г., Москва
 Сороковины Андрея Вознесенского
 (по наброскам 4, 11 июня 2010 г.)*

3. Молитва об Андрее Вознесенском, обращённая к Богу

мирТВОМУ
 мёрТВОМУ,
 Божьему РАБУ,
 лежащему в ГРОБУ...

15 июня 2010 г., Москва

4. Похороны Андрея Вознесенского 4 июня 2010 года на Новодевичьем кладбище

*Нина Краснова, землячка Есенина, —
 рязанская красная девица нашей поэзии...*
 Андрей Вознесенский. Журнал «Обозреватель», 1995,
 книга «На виртуальном ветру», 1998

*Новорусское Новодевичье... Лежат древесные люди... Дуб Емельян
 Тимофеевич, Плющ Александр Сергеевич, Тополь Владимир
 Платанович, Ель Елена Владленовна...*
Господь, помилуй меня!..
 Андрей Вознесенский. Поэма «Гуру урагана», 1998

Красная де́вица в трауре
 У Вашего плачет у гроба...
 Гроб — в ветруальной в ауре...
 Разверзнута ямы утроба.

Господи... Ёлки зелёные...
 Андрей Вознесенский... у-умер...
 Слезы мои солёные...
 От неба отключенный зуммер...

¹ «Ямбы и блямбы» — последняя прижизненная книга Андрея Вознесенского, которую Зоя Богуславская положила ему в гроб.

² «Последняя постель» — образ гроба из поэзии Андрея Вознесенского.

Кладбище... о... Новодевичье...
Музей категории высшей...
Горе краснодевичье —
Могила с фамилией Вашей...

4 и 18 июня 2010 г., Москва

5. Колыбельная Андрею Вознесенскому у его могилы в день сороковин поэта 10 июля 2010 года

Спи, ас,
Спаситель Тебя спас
от мук под названием Паркинсон,
Тебя погрузив в прекрасный сон
в парке под звуки прекрасных канцон,
гули-гули, ангелов-
хулигангелов...

*10 июля 2010 г., Москва
Сороковины Андрея Вознесенского*

6. Дерево по имени Андрей, поваленное ураганом

Ты — словно дерево, поваленное ураганом,
ты — человекодерево (калина? клён?) — Андрей!
я о Тебе, у-у, руганом Поэте, у-у, руганом,
читаю в циферках своих календарей.

Ты, человекодерево, лежишь на Новодевичьем,
и не в чужом лежишь пространстве, но в Андревичьем,

и докоснуться хочешь до меня кривыми ветками
(и хочешь пивом угостить меня с креветками?),

и шепчешь мне... не о Шаляпине и Пимене...
и говоришь: «Возьми листочек мой и не помни
и встань лицом ко мне и назови меня по имени,
и помяни меня, и помяни, и помяни...

глотком святой водички, чистой да медовой,
в своей невизуальной “церковке домовой”...¹

¹ Домовая церковка об одной маковке — церковка, которая находится внутри человека, в его сердце (образ из поэзии Андрея Вознесенского).

И помяни меня, и помяни, и помяни
и назови меня по имени...»

11 июля 2010 г., Москва

**7. Зоя-Оза на похоронах Андрея Вознесенского
в домово́й церкви Св. Мученицы Татианы при МГУ 4 июня 2010 года**

Свеча панихидная в церкви домо́вой была зажжена.
Священники там Олигарха Стиха в унисон отпевали,
На милости Божьи в молитвах о нём у креста уповали.
И плакала Зоя, его овдовевшая муза-жена.

Небесные силы держали сочувственно по́д руки Зою,
Сдували пылинки с неё и цветочную с платья пыльцу.
Незримые слёзы текли и текли у неё по лицу,
Слеза за слезою.

9, 15 июня 2010 г., Москва

8. Весть от Андрея Вознесенского из потустороннего мира

Голубь в офис ко мне прилетел из Небесного Царства,
Мне от Вас передал преприятную сенсационную ВЕСТЬ:
Вы не умерли вовсе. Вы — были. ВЫ — ЕСТЬ.
Вы живёте в Раю, никакие не пьёте лекарства,
В Дух «видух» и в поэзии Дух превратились ВЫ — ВЕСЬ.

13, 15 июля 2010 г., Москва

Сергей ЛЕВИЦКИЙ

Видный философ русского зарубежья С. А. Левицкий занимает особое место среди деятелей науки и литературы первой волны русской эмиграции. Талантливый публицист и замечательный знаток отечественной литературы, в эмиграции он оказался не по своей воле...

Сергей Александрович родился 15 марта 1908 года в Либаве (ныне Лиепая) в семье потомственных русских моряков. Дед его, П. П. Левицкий, был адмиралом флота, а отец — капитан 1-го ранга Александр Павлович — одним из первых русских подводников, внесшим технические усовершенствования в конструкцию торпеды. В Либаве, тогда еще городе Российской империи, в 1906 году был создан Учебный отряд подводного плавания, выпускником которого являлся и А. П. Левицкий. В 1913 году Левицкие переехали в Ревель, тогдашнюю базу русских подводников: здесь же находился и завод «Нобелесер» — один из главных поставщиков отечественных подводных лодок. Когда в 1918 году Эстония стала независимой, Левицкие оказались гражданами иностранного государства. Их постигла та же участь, что и Игоря Северянина.

В Ревеле прошли детские и юношеские годы С. А. Левицкого, здесь он окончил гимназию. Позднее один из его старых друзей писал: «С Сережей мы встретились в 1922 году в Эстонии... Он... ввел меня в ряды русских скаутов в Ревеле. Сережа происходил из старинной морской семьи, исполненной традициями: перед де-

душкой (адмиралом) в семье стояли чуть не на вытяжку. Сергей должен был знать (и знал!) названия всех кораблей русского военного флота...

Всем нам, русским беженцам, жилось нелегко. Отец Сергея, капитан 1-го ранга, зарабатывал на прокормление семьи тем, что сопровождал игрой на рояле в кинематографе немые кинофильмы».

Еще в гимназии Сергей Левицкий поражал преподавателей своими математическими способностями, и казалось, что он станет математиком, или... поступит в консерваторию (он обладал абсолютным слухом и исключительной музыкальной памятью). Но юноша остановил свой выбор на философии, окончив русский юридический факультет Карлова университета в Праге. Факультет этот был создан по инициативе П. И. Новгородцева, а лекции русским студентам (временами их число доходило до пятисот) читали Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский, отец С. Булгаков, В. В. Зеньковский, А. А. Кизеветтер, С. И. Гессен, Н. С. Тимашев, А. А. Чупров и другие. Наиболее глубокое влияние на Сергея Александровича в студенческие годы оказал Н. О. Лосский. Под его руководством С. А. Левицкий защитил докторскую диссертацию «Свобода как условие возможности объективного познания». Это произошло уже в оккупированной фашистами Чехословакии. Вспоминая те годы, Николай Онуфриевич Лосский писал: «Левицкий, мой ученик, был сторонником моей гносеологии и метафизики персонализма. В своей диссертации он

доказывал, что познающий субъект, критикуя суждение с целью отличить истину от лжи, должен быть независим от своей психофизической ориентации и обладать свободой воли...»

15 марта 1939 года гитлеровские танки вошли в Прагу, а Эстония в том же году была присоединена к Советскому Союзу, и семью С. А. Левицкого постигла трагическая участь. Его отец был арестован и брошен в таллинскую тюрьму. Позже Александра Павловича этапировали в Ленинград, там он и был расстрелян за свои монархические убеждения. Мать и брат Сергея Александровича в 1941 году были высланы в Киров, где мать вскоре и умерла.

Годы войны Сергей Александрович и его жена Мария Николаевна провели в Праге. Затем — лагерь для перемещенных лиц в Менхегофе (под Касселем). В Германии в эмигрантском издательстве «Посев» увидела свет первая книга С. А. Левицкого «Основы органического мировоззрения».

В 1949 году Сергей Александрович с женой и двумя детьми перебрался в США. Здесь он сначала зарабатывал на жизнь уроками русского языка и литературы, а позже работал редактором на радиостанции «Свобода». С 1955-го и до выхода на пенсию в 1974 году Сергей Александрович читал лекции по русской литературе и философии в Джорджтаунском университете в Вашингтоне.

«Главная» и лучшая книга С. А. Левицкого «Трагедия свободы» вышла в 1958 году в Германии в том

же издательстве «Посев». В предисловии к ней Н. О. Лосский писал: «Она содержит в себе очерк всего миропонимания Левицкого. Особо ценны в ней указания на то, насколько свобода есть великий, но вместе с тем и роковой дар: мы, люди, грешные существа, находящиеся вне Царства Божия, легко поддаемся всевозможным соблазнам, и тогда получают крайне различные извращения свободы, описанные в книге «Трагедия свободы»».

Творческое наследие Сергея Александровича Левицкого, скончавшегося в Вашингтоне 24 сентября 1983 года, составляют четыре опубликованные книги и более трехсот статей. В письме к В. Самарину в год своей кончины Сергей Александрович писал: «Первые мои труды были написаны по-чешски и появи-

лись в чешских литературных и философских журналах. Например, «Достоевский и Киркегор» в журнале «Кварт» (1934 г.)».

Федор Михайлович Достоевский был самым любимым писателем С. А. Левицкого. Достоевскому, его творчеству, в котором Левицкий видел «залог оправдания и возрождения русской культуры», замечательный мыслитель русского зарубежья посвятил несколько своих работ. Он считал, что «гений Достоевского, умевшего, как никто, видеть силы зла в мире, может принести большую духовную пользу современному миру. Ибо Достоевский призывает нас к духовному подвигу катарсиса через объективизацию и изживание зла».

Отдавая дань великой русской литературе XIX века, Сергей Александрович следил за литературным процес-

сом в Советской России. И когда на страницах «Нового мира» в 1962 году появилось новое литературное имя — Александр Солженицын, Левицкий обратил на него особое внимание. Судьба этого человека как бы являлась своеобразной иллюстрацией к его «Трагедии свободы». Именно на страницах «Нового мира» философ окупился в своеобразии творчества нового русского писателя. «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», а затем и поздние произведения А. И. Солженицына «Раковый корпус» и в «Круге первом» дали основание Левицкому говорить о морально-художественном ясновидении их автора, о его этической интуиции. Так появилась его статья «Этика Солженицына», которая впервые предлагается вниманию российского читателя.

Юрий Юшкин

ЭТИКА СОЛЖЕНИЦЫНА

Каждый большой писатель значителен, прежде всего, своеобразием своего творчества, глубиной и высотой своего художественного видения мира. И далеко не у всех писателей этический элемент проступает с достаточной яркостью. Можно быть очень большим писателем и все же быть лишены этического пафоса.

К такому пафосу обычно менее всего склонны натуралистические реалисты — скажем, Эмиль Золя. Или, наоборот, писатели, у которых более чем заметен «технологический» примат литературной формы. Но есть и писатели, умеющие прозревать в нравственную сущность изображаемых ими героев. Самым разительным примером подобного морально-художественного ясновидения может служить, конечно, Лев Толстой. Н. Страхов сказал, что Толстой так беспощадно обнажает перед читателем нравственную сущность своих героев, что ему становится страшно за них.

К числу писателей, одаренных этим нравственным ясновидением, относится и Солженицын. Он умеет читать в душах людей, как читают рас-

крытую книгу. В этом отношении Солженицын можно поставить только рядом с Толстым, чем я отнюдь не хочу поставить знак равенства между ними. Толстые рождаются раз в тысячелетие. Но Солженицын — настолько крупный, точнее — гениальный талант, что его можно сравнивать и с Толстым.

Соответственные места у Солженицына (чтения в душах героев) всегда подводят итоги его характеристикам. Им предшествуют всегда мимолетные описания их внешности, многочисленные диалоги и другие реалистически-импрессионистические детали. И лишь потом, или попутно, направляет он волшебный фонарь своего таланта на нравственную сущность своих героев.

Подчеркиваю, что я имею в виду здесь не столько этические взгляды Солженицына, сколько его этическую интуицию — как она выражена в его произведениях. Так, при всем натуралистическом изображении быта концлагеря в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицын умел передать, чем жива душа его главного незыскательного героя.

Помимо большой витальной сопротивляемости Ивана Денисовича, его мужицкой добродушной хитрецы мы чувствуем в нем человека доброй воли, душа которого не преисполнена ожесточения, несмотря на факт вопиющей несправедливости наказания и на бесчеловечные условия лагерной жизни. Наоборот, в Иване Денисовиче светится вера в человека.

А как любовно изображен автором баптист Алеша! Услышав, что Иван Денисович сказал: «Слава Богу, еще один день прошел», Алеша говорит, обращаясь к главному герою повести: «Ведь вот, Иван Денисович, душа-то просится Богу молиться. Почему вы ей воли не даете?» Иван Денисович отвечает, что он молился об освобождении, на что Алеша говорит: «А об этом молиться не надо. Из всего земного... молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном. Ты радуйся, что ты в тюрьме. Здесь тебе время есть о душе подумать...»

Солженицын умеет обнаруживать этический элемент даже у отрицательных своих героев. Таков его бывший политрук Зотов. Он служил во время войны на железнодорожной станции. Раз к нему является отставший от своих окруженец. В разговоре с Зотовым обнаруживается, что окруженец знает некоторые советские города по прежним, а не по новым названиям. Это кажется подозрительным Зотову, и, решив, что перед ним бывший белый офицер, он передает его в руки властей, что для него означает гибель.

И рассказ кончается словами: «Никогда потом всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека». То есть даже у такого закоренелого коммуниста-политрука автор обнаруживает что-то вроде угрызений совести.

А в рассказе «Матренин двор» описывается простая крестьянская женщина, бедная работающая вдова, у которой часто останавливаются постояльцы. (Отсюда название «Матренин двор».) Матрена все время проводит в работе. Причем работает она не только для себя, она готова работать и для других, так что ее часто зовут на помощь, оплачивая ее труд минимально или вообще не оплачивая. Затем Матрена, страдавшая каким-то недугом, умирает. И автор замечает в конце рассказа от себя, что его Матрена — одна из тех праведниц, без которых, по словам поговорки, не стоит ни село, ни город, ни сама земля.

Как подобные авторские ремарки, так и, главное, сугубое внимание, с которым Солженицын проследивает искорки добра в человеческой душе, свидетельствуют о наличии сильного этического подтекста даже в ранних произведениях Солженицына.

Но особенно ярко проступает этический элемент в его двух главных произведениях — в «Раковом корпусе» и «В круге первом».

Я выделю особо три составных элемента этой «этики Солженицына»:

1. Его этическое осуждение некоторых отрицательных (но никогда не абсолютно отрицательных) персонажей (например, сталиниста Русанова из «Ракового корпуса»).

2. Его умение находить искорки добра даже у этих отрицательных персонажей и, вообще, выдвижение на первый план их морального профиля.

3. Его этические взгляды, вложенные, по большей части, в уста его излюбленных героев, а иногда выраженные в авторских ремарках.

Что касается угрызений совести — они наиболее ярко выражены у Русанова — закоренелого сталиниста, хоть человека и не жестокого по природе и хорошего семьянина, — из «Ракового корпуса».

Старый член партии, бывший рабочий, затем сделавший карьеру и ставший одним из столоначальников анкетного отдела КГБ, Русанов неожиданно заболевает раком. Ему делают серию впрыскиваний, сильно действующих на нервную систему. Его сон становится беспокойным, сопровождаемым полубредовыми сновидениями. Его мысль более всего сосредоточена на опасности болезни и на страстном желании вылечиться. Но во сне — неожиданно для него самого — он видит иногда жертв своих прежних доносов. Так, он написал в свое время донос на отца его хорошей знакомой Ельчанской, а затем и на нее самое; ее арестовали, и ее малолетнюю дочь отдали в детдом.

В тексте мы читаем:

«Друг мой, — мягко спросила Ельчанская, наклонясь к самому его уху. — А, друг мой. Скажите, где моя дочь? Куда вы ее дели?»

— Она в хорошем месте, Елена Федоровна, — ответил Русанов, но головы к ней не повернул.

— А в каком месте?

— В детприемнике.

— А в каком детприемнике? — Она не допрашивала, ее голос звучал печально.

— Вот не скажу, право... — Уж он искренне хотел ей помочь, но сам не знал, как.

— А под моей фамилией? — почти нежно звучали ее вопросы за плечом.

— Нет, — посочувствовал Русанов. — Такой уж порядок. Фамилию меняют. Я ни при чем. Такой порядок.

Он лежал и вспоминал, что Ельчанских он почти даже любил. Он никакого не имел против них зла... Как вышло, что он написал на нее донос, — он не мог вспомнить...»

Здесь перед нами угрызения совести, но завуалированные под воображаемый диалог с его жертвой, причем, желая забыть, что он написал донос, он забывает причину доноса и старается уверить себя, что он даже любил свою жертву. Здесь перед нами налицо бредовая смесь из подавляемых угрызений совести и стремления к самооправданию.

Другого, уже эпизодического героя «Ракового корпуса» Ефрема Поддуева, бывшего в молодости комиссаром, в долгие больничные часы преследует воспоминание о том, как он заставлял подчиненных ему рабочих (из заключенных) работать сверх всякой меры, при жестоком морозе. И когда он заставил одного рабочего снова лезть в холодный узкий и грязный туннель, чтобы проверить кладку кабеля, — тот повернулся к нему и сказал: «Эх, комиссар, и ты будешь умирать однажды». И теперь борющийся со смертью в «Раковом корпусе» Поддуев не может заставить себя забыть слова своей жертвы.

От малых героев перейдем теперь к великим: от сталиниста к самому Сталину. Я имею в виду потрясающее описание старости Сталина в «В круге первом».

Страдающий бессонницей Сталин любит принимать своих ближайших подчиненных по ночам, в своем кабинете. В романе он только что принял главу НКВД министра госбезопасности Абакумова (потом расстрелянного). Сталин лично заинтересован в так называемой секретной телефонии, в нахождении способов автоматически определять личность говорящего по телефону на основании речевых особенностей говорящего. Это нужно ему для вящих разоблачений тайных врагов народа. Но у него столько важных дел, что он забывает спросить у Абакумова, как продвигаются дела с «секретной телефонией». Параллельно Солженицын делает попытку проникнуть во внутренний мир дряхлеющего «отца народов».

В тексте романа мы читаем: «Владелец полумира, в кителе генералиссимуса, с низко покатым лбом, медленно пробирался мимо полок и пальцами скрюченными держался, перебирал... по строю своих врагов.

А от последнего шкафика обернувшись — он увидел на столе телефон.

И что-то, что-то, ускользавшее весь вечер, опять скользнуло в его памяти кончиком змеиного хвоста.

Что-то надо было спросить у Абакумова... Арестован ли Гомулка?..

Да, вот оно! Шаркая сапогами, он добрался до письменного стола, взял ручку и написал в календаре: «Секретная телефония».

Рапортовали, что собраны лучшие силы, что полная материальная база, что энтузиазм, что

встречные обстоятельства — почему не кончают? Абакумов, морда наглая, просидел, собака, час битый — ни слова не сказал!

Вот так и все они, во всех ведомствах — каждый старается обмануть своего Вождя! Как же можно им довериться? Как же можно не работать по ночам?

Он пошатнулся и сел не в кресло свое, а на стулик, рядом со столом.

Половину головы у него как стягивало к левому виску и клонило свеситься. Слабеющая цепь мыслей распадалась. Мутным взглядом он обвел комнату, не различая, однако, близко ее стены или далеко.

Это была собачья старость... Старость без друзей. Старость без желаний.

Даже любимая дочь уже не была ему нужна и допускалась только на праздники.

Это ощущение погасающей памяти, меркнувшего разума — одиночества, надвигающегося, как паралич, заполняло его беспомощным ужасом.

Смерть уже свила в нем свое гнездо — а он не хотел этому верить».

Так, без единого слова внешнего осуждения тирана, дает Солженицын почувствовать Немезиду мании тотальной власти — абсолютное одиночество, политизолятор души, отягощенное подавляемым предчувствием скорого неизбежного конца.

Обратим внимание на то, что Сталин в изображении Солженицына не испытывает ни малейших угрызений совести. И это — заметим от себя — вполне соответствует законам духовной жизни. (Мы имеем в виду здесь, конечно, духовную жизнь со знаком минус — ибо зло так же духовно, хотя и в отрицательном смысле.)

Вожди типа Сталина или Гитлера настолько полны злой воли — притом внутренне дисциплинированной злой воли, что они как бы отождествляют себя со злом. Что же удивительного, что они не испытывают угрызений совести? Подобные угрызения предполагают, что совесть еще хотя бы полужива. Они же давно задушили в себе всякие остатки совести.

Теперь об искорках добра даже у отрицательных, скорее, героев. Возьму для примера коммунистакарьериста Володина из «В круге первом».

Сам сюжет этого произведения построен отчасти на телефонном звонке Володина старому врачу его покойной матери, которую Володин очень любил. Служащий министерства иностранных дел Володин узнает случайно, что НКВД хочет спровоцировать профессора Доброумова на то, чтобы он передал на медицинском съезде в Париже секрет своего медицинского открытия его французскому коллеге-врачу, с тем, чтобы предьявить затем Доброумо-

ву обвинение в передаче секретов представителю «враждебной державы» и арестовать его.

В первой же главе романа описывается, как Володин, сознавая, что это для него лично опасно, все же решает позвонить Доброумову по телефону и предупредить о грозящей ему опасности. Голос разума говорит ему, что рисковать не стоит. Но, как говорит Фрейд, мы самих себя часто не знаем и оказываемся то хуже, а то и лучше, чем мы сами о себе думаем.

В тексте романа читаем: «Володин ясно чувствовал, что другого решения нет. Опасно или не опасно, но если этого не сделать... Чего-то всегда остерегаюсь — остаемся ли мы людьми?»

Володин звонит врачу; к телефону подходит его жена — упрямая, желающая узнать, кто звонит и зачем, перед тем, как позвать мужа. Но такое предупреждение об опасности провокации НКВД можно высказать только лично. Когда жена врача упорствует в своем педантизме, а время на исходе, Володин наскоро передает ей, в чем дело. Тут кто-то разорвал их линию.

Затем, как известно читателям романа, записанный на пленку голос Володина передается специалистам по «секретной телефонии» в привилегированном концлагере для «анализа» и опознания голоса незнакомца, звонившего Доброумову. Дело кончается арестом Володина.

Но нас интересует, что карьерист и оппортунист Володин совершает не характерный как будто для него поступок — предупреждает врача своей любимой матери о готовящейся провокации. И Солженицын не оставляет сомнения в мотивах Володина своей авторской ремаркой («остаемся ли мы людьми?») — то есть его герой стремится сохранить человеческое в человеке — живую совесть.

Самая главная идея «В круге первом», как это подсказывается заглавием, — этического характера. Первый, то есть самый легкий, сравнительно привилегированный круг ада, куда Данте поместил благочестивых язычников.

То были люди с важностью чела,
С неторопливым и спокойным взглядом.
Их облик был ни весел, ни суров.

Данте. Божественная комедия

У Солженицына это — технические специалисты его «Шарашки», где и разворачивается главное действие романа.

Иначе говоря, замысел романа «В круге первом» — замысел сугубо этический. Распространено мнение, что сущность этого романа — как и большинства произведений Солженицына — заключа-

ется в разоблачении зла сталинизма. Это, конечно, правильно и не вызывает возражений. Но если видеть в этом главное содержание и смысл вещей Солженицына, то это было бы политизацией его творчества. Конечно, сама его главная тема носит поневоле политический характер. Но Солженицын разоблачает, прежде всего, духовное зло сталинизма — исковерканные террором жизни, раны, нанесенные тираническим режимом человеческой душе. Все это тесно связано с политикой, но не исчерпывается ею.

Главное же — Солженицын сумел изобразить зло сталинизма в прошлом и настоящем (инерция сталинизма) путем *художественной объективации*. Его произведения полны гнева, направленного против бесчеловечной тирании, но сам гнев этот «сублимирован». Если в его произведениях в этом смысле и есть тенденция — а как же ей не быть! — то все же Солженицын прежде всего художник. Само изображаемое им зло и самый его гнев художественно объективированы, хотя, может быть, и не до конца.

Пастернак говорит, что сила художественного изображения преступления Раскольникова в «Преступлении и наказании» Достоевского еще более поражает, чем само преступление Раскольникова. Нечто аналогичное можно сказать и о «В круге первом» Солженицына. Первый круг ада изображен здесь писателем с потрясающей силой и глубиной проникновения в человеческие души. И, повторяю, Солженицына интересует, прежде всего, этическое ядро человека.

Я уже приводил несколько выдержек из «В круге первом» (разоблачение угрызений совести, искорки добра даже у отрицательных героев). Сейчас я перескажу этические взгляды Солженицына, как они рисуются из высказываний симпатичных ему героев и из его авторских ремарок.

У больных всегда много времени, и в один из долгих больничных разговоров Костоглотов — alter ego автора — поднимает вопрос о влиянии психики, морального состояния больного на ход его излечения. Костоглотов ссылается при этом на учебник патологической анатомии, в котором говорится, что связь хода раковой опухоли с центральной нервной деятельностью еще слабо изучена. Он находит в связи с этим строчку в учебнике, где прямо сказано, что редко, но бывают случаи самопроизвольного исцеления. Это заявление, естественно, приковывает к себе интерес раковых больных. И один из них, Поддуев, неожиданно говорит: «Для этого надо, наверное, иметь... чистую совесть». А Русанов (закоренелый сталинист) строго отвечает: «Да это же бред идеалистический! Причем тут совесть? Стыдитесь, товарищ Поддуев!»

В ответ на что Костоготов, который терпеть не может Русанова, пересказывает последнему другое место из учебника патологической анатомии, где признается, что нужное для излечения от рака процентуальное соотношение солей калия и натрия зависит во многом от настроения человека.

Поддуев опять переводит разговор на то, что он часто жестоко бросал женщин, и что, в силу его нечистой совести, он не может иметь хорошего настроения, являющегося одним из условий излечения.

Тут Русанов выходит из себя:

«Да при чем тут?.. Ведь это же махровая поповщина — так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически. И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдычить.

— А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию, — огрызнулся Костоготов. — Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую ярость? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов».

Русанов, конечно, обижается, и между ним и Костоготовым завязывается горячий спор.

Но нас интересует, что Солженицын — устами Костоготова — бьет материализм в его будто бы самом сильном пункте (в вопросе влияние тела на дух — и обратно) и подчеркивает значение нравственного элемента даже в лечении рака.

На другую — но также этическую — тему высказывается Солженицын в том же романе устами другого героя, Шулубина, — на тему об отношении между наукой и нравственностью. Шулубин, уцелевший в период сталинских чисток только потому, что старался занимать места поскромнее и молчать как рыба, решается на больничном досуге высказать некоторые свои заветные, долго скрываемые и выстрадавшие мысли.

Происходит разговор между Костоготовым и Вадимом, молодым пациентом, поклонником науки, убивающим больничным досуг чтением научных книг.

Вадиму хочется поделиться только что прочитанным, и он заявляет во всеуслышание:

«Товарищи, чтобы нагреть стакан воды говорением, надо тихо говорить две тысячи лет, а громко кричать — 75 лет. И то если из стакана тепло не будет уходить. Вот и учитывайте, какая польза в болтовне.

Тут молчаливый обыкновенно Шулубин вдруг спросил Вадима:

— А вы уверены, что вы себя не измеряете? Что вам это все нужно? Именно это?

Удивляясь вопросу, Вадим ответил:

— Это — (мне) интересно. Я ничего на свете интереснее не знаю. (То есть ничего нет интереснее физики.)

Тут Шулубин перешел в идеологическое наступление. Он сказал:

— Это не аргумент — “интересно”. Коммерция тоже интересна. Делать деньги, считать их, заводить имущество, строиться, обзаводиться удобствами — это тоже все интересно. При таком объяснении наука не возвышается над длинным рядом совершенно безнравственных понятий.

— Странная точка зрения. — Вадим пожал плечами. — Но если действительно — интересно? Если ничего интереснее нет?

— Здесь, в больнице? Или вообще?

— Вообще.

Шулубин расправил пальцы одной руки — и они сами по себе хрустнули.

— С такой установкой вы никогда не создадите ничего нравственного.

Это уж совсем чудаческое было возражение.

— А наука и не должна создавать нравственных ценностей, — объяснил Вадим. — Наука создает ценности материальные, за это ее и держат. А какие, кстати, вы называете нравственными?

Шулубин моргнул один раз продолжительно. И еще раз. Выговорил медленно:

— Направленные на взаимное высветление человеческих душ.

Воцарилось неловкое молчание».

Здесь симпатии автора явно на стороне Шулубина, причем Солженицын как реалист ясно дает почувствовать, какими странными кажутся реплики Шулубина остальным больным, воспитанным в духе диамата и истмата.

Еще ярче эта апология видна из следующей — и последней — моей цитаты. В конце романа, когда главный герой, Костоготов, уже готовится к выходу из больницы и остается с глазу на глаз с Шулубиным, последний окончательно отбрасывает свою обычную сдержанность. Под давлением накопившегося негодования и мыслей, выстрадавших за долгие годы и десятилетия молчания, он полностью высказывает свое нравственное «кредо».

«Когда Толстой в конце прошлого века решил практически насаждать в обществе христианство — его одежды оказались нестерпимы для современности, его проповедь не имела с действительностью никаких связей. А я бы сказал: именно для России, с нашими раскаяниями, исповедями и мятежами, с Достоевским, Толстым и Кропоткиным, один только верный социализм есть: нравственный. И это вполне реально.

Костоготов нахмурился:

— Но как это можно понять и представить — “нравственный социализм”?

— А нетрудно и представить, — опять оживился Шулубин... — Явить миру общество, в котором все отношения, основания и связи будут вытекать из нравственности — и только из нее! Все расчеты: как воспитывать детей? к чему их готовить? на что направить труд взрослых? и чем занять их досуг? — все это должно выводиться только из требований нравственности. Научные исследования? Только те, которые не пойдут в ущерб нравственности — и в первую очередь самих исследователей. Так и во внешней политике! Так и вопрос о любой границе: не о том думать, насколько этот шаг нас обогатит, как усилит или повысит наш престиж, а только об одном: насколько он будет нравственен?

— Ну, это вряд ли возможно! Еще двести лет! Но подождите, — морщится Костоготов. — Я чего-то не ухватываю. А где ж у вас — материальный базис? Экономика-то должна быть, это самое... раньше?

— Раньше? Это у кого как. Например, Владимир Соловьев довольно убедительно развивает, что можно и нужно экономику строить — на основании нравственности.

— Как? Сперва нравственность, потом экономика? — очумело смотрел Костоготов.

— Да! Слушай, русский человек, вы Владимира Соловьева не читали, конечно, ни строчки?

Костоготов показал губами.

— Но имя-то хоть слышали?

— В тюрьге.

— А Кропоткина хоть страницу читали? «Взаимопомощь среди людей...»?

— Нет».

Далее Шулубин заканчивает свою тираду: «Так вот что такое нравственный социализм! Не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка — “счастье”, — а к взаимному расположению. Счастлив и зверь, грызущий добычу, а взаимно расположены могут быть только люди! И это — высшее, что доступно людям!»

После этого разговор переходит на более личные темы, и на этом мы опускаем занавес над цитатами Солженицына.

Говоря о соловьевском «панморализме», Шулубин не называет какого-либо определенного произведения «рыцаря-монаха» (как назвал Соловьева Блок), но как, вероятно, согласятся со мной эксперты, речь здесь идет об «Оправдании добра» (1896). В этой книге Владимир Соловьев пытается показать, что этика должна стать основой всех человеческих деяний и помыслов.

Тем не менее хотя этика и является общим знаменателем всех религий, она вырастает из религиозной подпочвы и питается религиозным вдохновением.

С точки зрения формального подхода трудно заключить из текста «Ракового корпуса», что Солженицын разделяет взгляд Соловьева на религиозные основы этики. Но из чтения между строк и из эмоционального подтекста тех мест произведений Солженицына, где автор касается религиозных тем, проступает глубокая, хотя, может быть, и подспудная религиозность писателя.

На основании вышеприведенных цитат, а главное — общего впечатления от облика творчества Солженицына, могут быть сомнения в наличии глубокого и ярко выраженного этического элемента в его произведениях. Мало того, этическая интуиция Солженицына граничит с моральным ясновидением.

В наш век, когда стало так модно дискредитировать моральные ценности, когда само слово «мораль» так часто берется в кавычки, — огромная заслуга Солженицына, помимо его несравненного таланта, заключается в том, что и своими произведениями, смело разоблачающими внешне торжествующую аморальность, и своим смелым стоянием за правду он способствует реабилитации этики, в которой так нуждается наш век.

Солженицыну удалась одна из самых трудных задач моральной философии — дать апологию добра без налета скуки. Солженицын как писатель сумел художественно заинтересовать читателей добром.

В своем творчестве он напоминает читателям о самом главном — в человеке — о том, что делает человека человеком — о его этической сущности, о Вечном в человеке.

Дмитрий БОБЫШЕВ

Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г., № 1–12 за 2010 г.

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Черешня и лимон

Континентовский смотр диссидентов в Милане был все-таки несколько декоративен. Да, там были представлены яркие персонажи — герои и жертвы, которыми мы когда-то восхищались заочно, слушая «голоса». И вот они воочию! А дальше-то что?

Но были и действительно плодотворные встречи: например, с немецким славистом Вольфгангом Козаком из Кельнского университета. Светлоглазый внимательный человек с серыми короткими волосами провел со мной часа два в расспросах, и не только на литературные темы. Попутно рассказал и о себе. Потом мы еще переписывались. Несмотря на фамилию, ничего славянского в нем не было. Семнадцать лет прямо из школы попал на восточный фронт, оказался в плену, где выучил русский язык, и это определило его дальнейшую судьбу, профессию, все...

В результате расспросов мое имя оказалось в его «Лексиконе русской литературы с 1917 года» — сначала в немецком издании, потом в русском, а затем и в английском. К сожалению только, скрупулезный Козак долго возился с «Лексиконами», и английский, особенно важный для меня, вышел не так скоро, как хотелось и ожидалось. Но я уже мог определенно рассматривать это как признание, и более того — как защиту. Теперь из родной словесности меня было не выдрать, как бы этого ни хотели мои «отрицатели».

Гораздо больший вес и значение (и как раз вовремя) имела статья в большом справочном издании, по существу — в настольной книге для сла-

вистов. Этот *infolio* энциклопедический словарь на английском языке, весьма обширный, в который включались не только персоналии, но и теоретические статьи, вышел в Йеле (1985 год, редактор — профессор Браунского университета Виктор Террас) и назывался «*Handbook of Russian Literature*».

Впоследствии мой босс Морис Фридберг за разговором поделился некоторыми закулисными деталями:

— Ну, как было разъяснить нашим деканам, кто вы такой? Я показал им справочник Терраса. Там — Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов. Об этих они по крайней мере слыхали или должны были слышать. А среди них — Бобышев! — И прагматически добавил: — Такие издания выходят редко — может быть, раз в двадцать пять — тридцать лет, и все слависты долго ими пользуются. Так что вам как раз хватит его на всю академическую карьеру.

А теперь, после этого знаменательного разговора, постараемся перелистнуть календарь хотя бы на годик назад, что в такого рода повествовании дело нетрудное. Я уже и тогда «подтверждал квалификацию» подборками стихов, статьями, интервью, которые постоянно выходили во многих эмигрантских изданиях и в разных точках мира, чтобы пестрее раскрасить их топографию. А книги все не было, хотя издательские дельцы (помимо тех, кого я уже называл) приветливо улыбались, намереваясь меня осчастливить всего за пару тысяч. Но я придерживался университетской этики (да и личной экономии), по которой публикации за свой счет не

рассматривались всерьез. Такое баловство давалось на откуп богатеньким и тщеславным любителям.

Газеты и журналы, да даже и антологии хотя и оседали в каких-нибудь библиотечных анналах, в читательской памяти долго не задерживались. Что же тогда сказать о двуязычных чтениях? Пусть они и вызывали отклики в местной печати, но запомнились ли? Можно предположить, что в лучшем случае — одному лишь участнику. Ан нет, не только...

Одно из них, наиболее памятное, состоялось в Иллинойском университете, чей главный кампус расположен не в самом Чикаго, а еще в трех часах езды к югу, в сдвоенном степном городке Урбана-Шампейн. А поскольку Милуоки, откуда мы отправлялись, находится еще в полутора часах езды к северу от великого города, то в сумме получался довольно длинный автомобильный пробег.

Поехали туда со всеми «чадами и домочадцами», прихватив с собой и куму «Катюшу». Дело было после снежной зимы, когда пухлые сугробы сошли, обнажив на лужайках и пастбищах желтую, скукоженную от морозов траву. Холмы Висконсина с молочными фермами и силосными башнями сменялись иллинойской равниной с кое-где торчащими элеваторами. Мне предоставили возможность расслабиться в пути и обдумать предстоящее выступление, Ольга вела машину, Катюша с крестницей, хохоча, щекотали друг друга на заднем сиденье. Путь лежал через центр «города широких плеч», по выражению Карла Сэндберга, и скоростные тоннели чередовались головокружительно с воздушными разводками на колонных подпорках. В быстро сменяющихся ракурсах мелькали уходящие в небо высотки — то Хенкок, то Сирс, то иные безымянные многоэтажки. Но я смотрел на дорогу уже не пассажирским, а водительским взглядом, иногда бессознательно нажимая ногой то на газ, то на тормоз, а на самом деле на коврик под сиденьем. Ольга вела спокойно, плавно, но как только увеличивала интервал, тут же перед ней вскакивал кто-нибудь из соседней полосы. Это раздражало, и я переключил внимание на рекламные щиты: ром «Баккарди», радиоволны рок-станции, а вот непривычные образы — черешня и лимон. Затем — реклама ближайшего «Макдоналдса», и вот опять: «Здесь вы приобретете черешню, а не лимон».

Мои американцы не имели понятия, что это значит. И только потом я сообразил, что расхваливаются не фрукты-ягоды, а подержанные автомобили, — мол, у нас вы купите не какую-нибудь заезженную рухлядь (кислый лимон), а прекрасные качественные машины (сладкую черешню)! Нашу лимонно-золотую «Голду» обгоняли более молодые творения «Форда» и «Дженерал Моторс», а чаще — японские

тойотки, хондочки и маздочки, но и мы оставляли позади прекрасные, картинно расписанные грузовики, неказистые фуры со скотом или целиком никелированные цистерны с горючим. Маша, развлекаясь, дергала рукою вниз, как бы спуская воду в бачке, — мол, погуди, дяденька! — и на этот жест водители грузовиков охотно отзывались могучим рыком клаксонов.

После Чикаго дорога вытянулась в прямолинейную двухполосную ленту, отделенную травянистой канавой от такой же ленты, ведущей в противоположном направлении, и на заднем сиденье угомонились. Действительно, взгляду не на чем было остановиться, и он скользил к горизонту. По сторонам простиралась бывшая дикая прерия, ныне укрощенная поставленным на промышленную ногу фермерством, — жирная земля, разделенная на участки: одни — с прошлогодней стерней от кукурузы, другие, тучно чернеющие, — из-под соевых бобов.

— *In the middle of nowhere*, — вздохнула Ольга. — В середине нигде.

— Пуп земли, — то ли в поддержку, то ли в возражение добавил я.

Кампус впечатлил меня своей симметрией и красотой — поразил в самое сердце пристрастного наблюдателя — если не навывлет, так чуть ли не наповал... В середине находился прямоугольный луг, называемый «квад» (от «квадрата»), который зеленел травой, так и не пожухшей с прошлого года, и пестрел фигурами студентов, снующих по диагональным дорожкам. По периметру он был обсажен рослыми, еще не проснувшимися деревьями и окружен учебными корпусами с куполом в одном конце квадрата и башней в другом. Лепные орнаменты и высокие каминные трубы придавали зданию старинный вид. Впрочем, почему только вид? Университет был основан где-то в начале второй половины XIX века, так что георгианский стиль почти соответствовал возрасту.

Один лишь корпус иныаза в углу квадрата выглядел дерзким модерном. Мне он показался ступенчатой египетской пирамидой, перевернутой основанием вверх! Правда, полированный кирпичик, из которого этот антимавзолей был сложен, примирял его с кирпичиками соседних корпусов, а деревья вокруг скрадывали архитектурную необычность. Здание удивляло не менее оригинальным холлом внутри — на всю высоту до крыши. Как и все строение, он расширялся снизу вверх, соответственно наружным ступеням пирамиды. Аудитории находились внизу, а выше располагались преподаватели и администрация факультетов, где шла, как я узнал позднее, своя скрытая борьба: профессора и начальники захватывали кабинеты с видом на кампус и квад, а прочим

доставались офисы, глядящие дико скошенными окнами внутрь, в этот холл.

Перед выступлением меня оставили на минуту одного. Я стоял на площадке третьего этажа перед лифтами с выходом на балкончик неясного назначения. «Чтоб удобней было мыть окно снаружи!» — догадался я только сейчас. А тогда я вообразил обитателя мавзолея, бросающего зажигательные лозунги с балкончика в толпу, заполнившую объемистый холл. И действительно, там внизу наступил перерыв, и студенты высыпали из аудиторий. Некоторые из них в изнеможении от занятий ложились тут же на красный бобрик и засыпали с рюкзаками под голловой.

— Куда еще, боже? Вот оно, лучшее место на земле! — жгуче подумалось мне.

Скрепя сердце и чуть ли не скрипя зубами, я с трудом запретил себе грезить о несбыточном. Но, возможно, то была не мечта, а молитва.

Тут за мной пришли и препроводили в более подходящее помещение — ронять слова по-русски и по-английски.

После чтения прием состоялся в доме (тоже георгианского стиля) у Николая Ржевского, как оказалось — бывшего Ольгиного одноклассника. В отличие от писателя Второй волны Леонида Ржевского, это была его настоящая фамилия — причем княжеская. И в самом деле, в его облике имелась какая-то прирожденная осанистость. Коля был молодой славист, еще без постоянного места, но почему-то занимался совсем уж замшелой темой — соцреализмом. Он сам и его жена, тоже Ольга, как и моя, были вторым поколением Первой эмиграции, то есть родились уже за границей, но остались русскими. А из Второй волны присутствовала Темира Пахмусс, морщинистая жеманная блондинка и в одной из своих прошлых ипостасей баронесса, которую Иваск и Чиннов за глаза именовали Пахмусенькой. Весь вечер Пахмуся бурно браталась с другой женщиной сложной судьбы — нашей «Катюшей». А Машенька нашла себе подругу в сверстнице, дочери Ржевских.

Что же касается «героя дня», то он наслаждался окружением тамошних аспиранток, среди которых даже нашлись две хорошенькие ленинградки. Где-то в поздних интервью Довлатов со стоном души признался, что его последней отрадой были черные девчонки. Нет, аспирантки — вот очаровательное племя амазонок, хотя и претенциозное, капризное и при этом зависимое от своих крепостников-руководителей. Они нежны и жертвенны: ради карьерных скитаний по университетам остаются без прочных связей и потому делаются уязвимы перед ястребиным налетом заезжего литератора.

На следующее утро мы были уже в дороге, но Иллинойс так просто нас не отпустил. Дул сильный боковой ветер, Ольга опять вела старушку «Голду», выбрав платную дорогу в объезд Чикаго. Вдруг она объявила:

— Мотор сдох!

— Как так? Съезжай на бровку!

Съехали. Попробовали вновь завести машину. Мертво и глухо. Надо вызывать аварийку. А где найдешь телефон в степи? К счастью, мудрая «Голда» знала, где ей сломаться: мы стояли поблизости от очередной станции по сбору дорожных податей (*Toll Station*). Этот по сути дела пропускной пункт представлял собой внезапное расширение дороги на дюжину бетонных проездов, перегороженных шлагбаумами. В каждом проезде слева имелся расступ, куда водители бросали мелочь. Как правило, они метали свои квотеры без промаха, и полосатые планки автоматически поднимались, открывая путь. А те, у кого не было мелочи, платили у будки с человеком, получая сдачу с бумажки. Вот на эту живую душу мы и рассчитывали с Ольгой.

Оставив пассажиров, мы, держась за руки, побежали вперед. Дикая ветер порывами пытался сбросить нас вбок — хорошо хоть, что не на дорогу, а в сторону. Чтобы добраться до будки, нужно было миновать несколько проездов с автоматическими счетчиками. В паузах между машинами, когда полосатая планка опускалась, мы перебежали к следующей. В будке стояла толстая чернышка в униформе дорожной полиции. Нет, телефона у нее не было, он находился на противоположной стороне, во-о-он в том офисе. Пришлось нам сказать тем же небезопасным манером от счетчика к счетчику через две дороги — нашу и встречную, пока не добрались до каптерки. Там, действительно, был телефон.

Приехал ладный крепыш-буксировщик, подхватил нас в кабину, ловко выехал на встречные полосы и остановился перед нашей бедняжкой с перепуганными пассажирками. Машу пересадили к матери в кабину эвакуатора, я уселся на ее место, после чего «Голде» вздернули передние колеса, и в такой полуприличной позиции мы въехали в городок с символическим названием Либертивилль.

Под тем же названием Джозеф Лэнгланд посвятил стихотворение Адлаю Стивенсону, надежде либералов, «человеку из Либертивилля», который дважды проигрывал в президентской гонке Дуайту Эйзенхауэру и один раз Джону Кеннеди. Что ж, зато он был губернатором Иллинойса, а символами штата считались дуб, кардинал и фиалка.

«Свобода и заря!» — провозглашал вольнолюбивый поэт Джо Лэнгланд в моем переводе.

Местный механик поставил печальный диагноз: у нашей старушки полетел газораспределительный ремень, и чтобы его заменить, потребуется дня два. Ни автобусы, ни поезда, ни даже такси в нашу сторону оттуда не ходили. Оставался единственный вариант — лимузин.

За нами прибыл целый корабль, плавно покативший нас к дому, легко пренебрегая порывами ветра и дождя. Маша радовалась приключению, изображала кинозвезду, а я грустил, осознавая, как с каждой милей умаялся, пока совсем не растаял, мой иллинойский гонорар.

Мусорщик и нянька

Течение моей американской жизни, как и несостоявшийся издательский проект, делилось на русла, стремящихся двумя потоками — литературным и бытовым — к нетерпеливо ожидаемому счастливому будущему. При этом каждый из потоков то притормаживал, то, набирая скорость, опережал другой. Вот, например, прошла у меня чередой возбуждающих достижений: журнальные публикации, выступления, интервью, и — что дальше? Дело как-то пошло вхолостую... Никакой конкретный продукт, называемый успехом, из этого не выработался.

Зато у Ольги за время тихого струения жизни появился результат: нет, она никого не родила, но наконец-то закончила диссертацию. Получился объемистый труд за тысячу страниц, включая иллюстрации, таблицы данных и схемы! Вокруг этого бэби закружились наши хлопоты, задергались нервы, запрыгали беспокойства: не пропадет ли труд при копировании? Не зарубит ли его оппонент? Как пройдет защита? И, главное, что потом? Все это вызвало бурное общение с коллегами, обсуждения за полночь, затяжные междугородние звонки...

В сонме появлявшихся и исчезающих знакомств были не только Ольгины археологи-антропологи, но и мои «астронавты», и местные литераторы, и эмигранты из «Джуйки», и даже Машенькины школьные приятельницы, а также их родители совсем не из ученого круга.

Девочка, которую Маша привела из школы, была прелестна: золотистые локоны, голубые глаза, а главное, на удивление отчетливое произношение. В отличие от нашей, которая разговаривала со мной как бы (или даже буквально) с пузырячато раздуваемой и лопающейся резинкой во рту, у этой можно было различить каждый звук. Они сблизилась и, как здесь принято между детьми, стали проситься ночевать у подружки. По сему поводу зашла к нам познакомиться девочкина мать, тоже голубоглазая блондинка с совершенно идеальной арти-

куляцией. Выяснилось, что она работает нянькой с тяжелобольными и умственно отсталыми, а потому имеет профессионально выработанное произношение, которое передала дочери. А нянькин муж работал в городской службе по уборке мусора. Так он — мусорщик? Это даже интересно, у меня есть о чем его расспросить.

Мусорщик, конечно, оказался простым, но себе на уме парнем. Одевался и выглядел модно: изысканно пробритая борода «осложняла» его грубоватое лицо. Его жена тоже смотрелась классно. У них был каменный двухэтажный дом с чердаком, который тянул еще на один этаж, и объемистым подвалом. К дому примыкал гараж на две машины, в котором стояли нянькин вэн и автомобильный изыск ее мужа — красная с никелем «реплика» допотопного паккарда, — на котором он выезжал раз в году 4 июля, в День независимости. А пикапчик для ежедневных разездов грелся и мокнул снаружи, так как места в гараже ему уже не нашлось.

Девчонки тут же улизнули наверх и пропали в одной из спален бесследно, а взрослые расположились в гостиной, оснащенной стойкой и высокими табуретами, как в баре. Да это и был их домашний бар. Приватно общаться с американцами (как с простыми, так и не очень) мне приходилось уже множество раз, и я уже имел о них обобщенное мнение: вежливые, приветливые, могут непонятно состричь, но лишнего не скажут. Эта пара была вовсе не исключение, а даже наоборот — среднестатистическая и потому показательная. Ну и я, вероятно, был любопытен им как пример «типично русского». Поэтому параллельно коктейлям мы проехали по национальным стереотипам.

— Действительно ли опасны русские для Америки? — допытывался мой собеседник.

— Ну я же русский, но не думаю, что я очень опасен. Опасны советские из-за их пропаганды.

— Пропаганде я не верю. А напасть они все-таки могут?

— Да, на малые страны нападают: Венгрию, Чехословакию. Но на большую, как Америка, — вряд ли. Это они блефуют.

— А правда, что медицина бесплатная?

— Правда. Только она очень плохая. А вот врачи есть хорошие.

— Нет, — решил хозяин твердо, — я за капитализм. Тут мой дом, и я буду за него сражаться, а боеприпасов у меня достаточно.

Эту тему мы не стали дальше развивать, заговорили о другом. Я спросил, легко ли стать мусорщиком. До того, как найти инженерную должность, я не прочь был устроиться на простую работу.

— О, это очень нелегко и совсем не просто! — с

достоинством ответил рабочий. — Для начала надо сделать большой вступительный вклад в профсоюз. Очень большой!

«Дать на лапу», — перевел я про себя на советский язык.

— А кроме того, — пояснил он, — надо еще дожидаться, пока освободится рабочее место.

«Или захватить его», — предположил я в уме совсем уже авантюрный ход.

Выгодность мусорного дела подтверждало многое: и дом, и автомобиль «антик», и даже семейные планы поехать на лыжный курорт в Швейцарию!

А как же мы, без пяти минут профессора? Надо и нам не ударить лицом в грязь. Давайте-ка отправимся на рождественские каникулы в Мексику! Это ближе, чем Европа, дешевле и не менее интересно само по себе. Кроме того, там есть археологические места: священные города древних инков, индейцев майя, запотеков. Пирамиды — не хуже египетских — Чичен-Ица, Ушмаль, Тулум и проч.

Мексиканские картинки

Чикагский аэропорт О'Хэйр, зал прилета и вылета. Приземляется самолет из Мексико-Сити, выходят из гибкого хобота пассажиры в цветастых рубашках, шортах, загорелые, легкомысленные... Некоторых из них встречают с шубами. В тот же хобот вступают бледные люди в пальто и среди них — сосредоточенная на «ничего бы не потерять, не забыть» моложавая пара с девочкой-подростком, которая подпрыгивает от радостного возбуждения.

Пересадка. До самолета на Юкатан целых четыре часа ожидания. Успеем ли посмотреть столицу Мексики? На метро — минут тридцать до центра. Меняем доллары на большие, словно колеса, песо. Чем мельче монета, тем крупней в диаметре. Зачем? Абсурд здешнего социализма? Или это сделано для обмана неграмотных бедняков? Что бы то ни было, а билет в метро стоит пятак, словно когда-то в Москве. И такие же длинные переходы. Вот собор, центральная площадь в подражание Эскуриалу в Мадриде, где я никогда не бывал. Сочетание простора и пестрой тесноты. Прямо с рук продаются аппетитные лепешки, но их ни в коем случае нельзя есть, тем более на улице, иначе... Иначе наступит позорная месть Монтекумы и отпуск будет испорчен.

Лучше прокатимся на конной упряжке. Вот мы достигаем благоустроенных поместий внутри города. Это Койоакан — водопой койотов — виллы, составляющие контраст убогим, но красочным улицам, откуда мы дощипали на лошадке. Музей, где был убит один партийный товарищ (Троцкий) по распоряжению другого партийного товарища (Сталина).

У пирамиды майя. Чичен-Ица, 1984 г.

Прочь оттуда! Возница доставляет нас обратно в центр, и мы выясняем, что до самолета — меньше часа. Ничего, мы еще можем успеть. Скорее в метро! Но наступил час пик, платформа забита разгоряченными, потными после рабочего дня мексиканцами в майках. Подходит запоздавший поезд, двери раскрываются, и толпа битком заполняет вагоны. Еще можно втиснуться, но... не с двумя же американками!

Назад через все переходы и наверх — надо ловить такси! Мы беспомощно мечемся среди толпы. И вдруг какая-то волшебница из прохожих взмахивает рукой, словно вытряхивая машину из рукава и, продолжая свой жест, дарит ее нам.

— *Gracie, sinora!* — практикую я свой — по правде сказать, совершенно не существующий — испанский.

И, садясь рядом с водителем, расправляюсь:

— *Salida, por favor!*

Шофер ничего не понимает.

— Аэропорт, аэропорт! — кричит по-русски Ольга с заднего сиденья.

Это находит гораздо большее понимание у таксиста. Что же я пытался ему сказать? Объясняю: когда мы выходили из аэропорта, я оглянулся, чтобы запомнить, куда возвращаться, и увидел крупную надпись — *SALIDA*. Она была такая большая, что я принял ее за название, а значила она всего лишь «выход».

Анекдот? Следующий случился через минуту, когда я закурил и протянул руку, чтобы выдвинуть пепельницу. Шофер вильнул рулем и в испуге уставился на меня, перестав следить за дорогой. Ничего не понимая, я все-таки вытянул пепельницу... Она оказалась набита деньгами — там была дневная выручка таксера! Если бы он отвез меня как грабителя в полицию, чем бы я оправдался — сигаретой? Но я тут же ее выбросил...

До этого, слава богу, дело не дошло, и на самолет мы успели, а что такое мексиканский полицейский, я вскоре увидел живую и, признаться, ужаснулся — настолько набрякло властью (то есть буквальной возможностью застрелить тебя или оставить в живых) его медного цвета индейское лицо. Такие образчики изредка попадались в тех местах, где смешивались туристы и местные, а за курортами и пляжами присматривала частная охрана. А также — военно-воздушные силы страны! Патрули боевых самолетов, отражая солнечный блеск фюзеляжами, облетали нас дважды на дню: в утренней зарозовевшей над морем лазури и в вечерних феериях и пыланьях небес. Это внушало уверенность, что ты здесь — персона ценимая, лицо неприкосновенное, и вообще — народное достояние... А в полуденной синеве можно было увидеть лишь коричневые крылья стервятников, чьи эмблематические силуэты неподвижно висели в зените, хотя и не по наши головы, а всего лишь в поисках зазевавшейся в жесткой траве игуаны.

Угловатая симметрия этих птиц входила мотивом в орнаменты пирамид, чередуясь попеременно с причудливыми змеиными кольцами, оскаленными людскими черепами, ягуарами и другими устрашающими образами. Ступени, высокие и в то же время узкие для упора ноги, вели на вершину, к установленной там кумирне. Внизу прохладный ветер декабря колебал травы, пуская волнами росчерки неведомых фраз, наподобие пробы пера или подписи «*ветер... ветер... ветер...*», а наверху некуда было деться от пронизывающей мороси, разве что спрятаться в саму кумирню, место человеческих жертвоприношений. Как же они происходили? Предположительно вот каким образом: там стояло изваяние беса в полусидячей-полулежачей позе, опиравшегося локтями о землю, на чей плоский живот укладывали молодого индейца. Низкорослый жрец брал кривой серповидный нож, одним точным движением вырезал трепетное, еще живое сердце и показывал его толпе!

Я цинично посидел на каменном животе. Сфотографировался. Фото потом оказалось мутным. Но как теперь спуститься с этого страшноватого места? На краю паперти видны были только первые две-три ступеньки, а дальше — пропасть, обрыв... Полное впечатление западни: мол, попался... Хоть вертолет вызывай! После короткого панического приступа сообразил: надо ставить ногу вдоль ступеньки и спускаться боком. Ступил, не глядя в бездну, и вот обрыв отодвинулся, стала видна верхняя часть лестницы, а вот и вся она, донизу. Спуск пошел веселей.

Остановились мы в центре Юкатана, в губернском городке Мерида. Старая гостиница была выстроена

так, что в центре находился холл с галереями на все этажи вверх, а из его середины тянулось зигзагами к небу нетолстое, но очень высокое дерево, выползавшее на крышу с бассейном. Я было заподозрил в нем старую лиану, однако понял, что ошибся: это героическое древо оказалось не чем иным, как разросшимся фикусом! Я тут же передал ему привет от его чахлах гиперборейских отпрысков, пылящихся по ленинградским квартирам в тусклом, хотя и золотистом свете декабрьского солнца. А здесь его поливал холодный дождик, заодно проникая внутрь и окропляя галереи. Но горбоносые смуглые горничные в белых сарафанах и косынках, очевидные потомки майя, неустанно протирали досуха цветистый кафель переходов.

Туризм был тут едва ли не главной индустрией, если, конечно, не считать наркоту, но этой стороны местной жизни я, к счастью, не наблюдал. С утра за нами подавался сверкающий автобус — элегантно подвижный, чуть ли не танцующий мамбу гигант, исполненный удобств и надежности, и он уносил нас к местам забытых цивилизаций. Дорога, хотя и узкая, стелилась гладко, со свежей желтой разметкой по черному, и мы мчали, проскваживая невысокие джунгли и убогие до первобытности хутора. Видимо, в точности так эти майя и жили когда-то, если исключить из картины ржавый остов пикапа, поглощаемый жадной травой.

Их «священные» города, давно опустевшие и заросшие хищными джунглями, были возвращены на свет археологами. Вот уж не знаю, сияли они первоначально золотом или нет, но и в ободранном состоянии их каменные уступы не могли не впечатлить. Правда, сама их «священность» с демоническими орнаментами и уже нестрашными чудовищами вселяла мысль о метафизическом банкротстве. А ведь люди майя знали астрономию, строили арочные своды и чуть не изобрели колесо! Чуть — в этом заключался парадокс, над которым можно было теперь свысока потешаться. В самом деле, бронзовые игрушечные лошадки имели на ногах колесики, а тесаные циклопические камни для пирамид таскались волоком. Да и аркам их, невысоким и узким, не хватало того же «чуть-чуть», то есть замкового камня. И вот вся та цивилизация рухнула.

На нижних ступенях пирамиды я поддержал за руку заробевшую даму, довольно-таки прекрасную. Вскоре сполз «на пятой точке» ее муж, и мы все познакомились. Ее звали Титина, и в уме сразу заиграла музыка из чаплинского фильма, стало смешно и весело. Муж оказался дантистом из Нью-Джерси, почти из Нью-Йорка, а мы, несмотря на порядочный стаж на Среднем Западе, все еще числили себя в «ньюйоркерах».

Это было 31 декабря во второй половине дня, и мы решили объединиться для встречи Нового года. У них в отеле был объявлен праздничный ужин с концертом, и мы отправились туда. Голод не тетка — в десять вечера наша небольшая компания уже сидела за столом в пустом ресторанном зале. На помост — видимо, специально для нас — выгнали индейский хоровод в костюмах. Они вяло кружились. Титина, первоначально свалившаяся мне в руки с таким энтузиазмом, теперь заскучала, и к одиннадцати они распрощались. Наша семейная тройка тоже вышла на пустые улицы Мериды. Приближалась полночь. Мы поднялись на паперть запертого собора и, сверив часы, поздравили друг друга. Помня старинное суеверие, я тревожно гадал, каким же сложится наступивший 1985-й?

Год и в самом деле стал поворотным.

Другие русла

От каникул оставалось три дня, которые мы провели чисто курортно — купаясь и пляжась на острове, начинающем с юга от Юкатана Карибскую гряду, и несколько обрывков от тех впечатлений было бы жаль выбросить из текста.

Например, краски лагун и отмелей на полете к Козумелу: аквамарин, лазурь и бирюза. И — стараясь не впадать в описательную бижутерию — сияния! И — белый песок! И — прозрачность!

В лагуне для ныряний среди неземной пестроты рыб и подводных созданий попалась умопомрачительной красоты живая брошь — крохотная морская черепашка. Я протянул ей дружественный палец и был пребольно за него укушен. Задел ногой за живой коралл, и он обстрекал меня хуже крапивы. Во время ночной прогулки из набегающей волны вдруг высветился внимательный взгляд барракуды.

Столики вдоль пляжного великолепия были защищены от солнца зонтами из пальмовых листьев. Подавали пина коладу, то есть ром с кокосовым молоком в его родном орехе, увенчанном крохотным кокетливым зонтиком. А также маргариту — толченный лед с текилой в замороженном бокале, посыпанном солью по краю, с воткнутым туда ломтиком лайма.

Множество слуг! Один принимает заказ, другой подносит напитки, третий — пепельницу, четвертый, пятый... А еще — трио, а то и квинтет с гитарами и в сомбреро! Но можно и не терзаться, думая о чаевых. Музыка — это только привет от хозяина. Веселись, а то и просто расслабься, уставясь на розовую игру воды и света.

Было так покойно и хорошо, и вдруг душа ностальгически заныла. Странно, однако, — с чего?

Будто произошло что-то непоправимое и теперь все так и останется. Какой-то невылазный комок начал биться наружу. А это, оказывается, пошли стихи, которые объединились потом под общим названием «По живому». Видимо, так, с болью, мое бывшее отрывалось от настоящего...

А вернулись в Милые Оки, в то время засыпанные сугробами, закованные во льду, — и вся тоска прошла, сублимировалась, словно бы мне удалось запихнуть ее в оптимистическую машину, где она перемололась, превратившись в энергию и надежду. И это оказалось кстати.

«Астронавтика» в очередной раз перетряхивалась, переформировывалась, росла, получив новый правительственный заказ. Это были навигационные приборы к тому самому бомбардировщику-невидимке «Стелс», которого показали нам целиком лишь в деле, когда он громил Ирак в молниеносной кампании Буша-старшего «Буря в пустыне». Моя муравьиная доля участия оказалась в этой войне, которую весь мир смотрел по телевизору, как спектакль.

Тем временем истинный успех пришел на другом фронте. Ольга защитила диссертацию и получила научную степень доктора. Сколько лет она этого добивалась уже при мне, уже вместе со мной, и вот — добились! Но когда триумф наступил, стало ясно следующее: «доктор философии» звучит почетно, но значит не так уж много. Надо еще найти работу, соответствующую званию.

По многим запросам стали приходиться ответы с приглашениями на конкурс, и — что особенно важно! — ее диссертационной работой (по существу — готовой монографией) заинтересовалось издательство *Academic Press*. Это давало ей крупный козырь. И вот из туманных надежд стали проступать два наиболее серьезных предложения: от Станфордского и от Иллинойского университетов, причем Иллинойс выдвинул сразу семейный подряд — ей на антропологию, а мне на славистику. Это и решило все. Потерпев для виду два дня, мы отправили большое «Да!» в сторону Урбаны-Шампейн.

К черту постылая, иссушающая мозги инженерия! Как воскликнул когда-то (а именно 7 ноября 1956 года) фрондер Миха Красильников в нестройных рядах демонстрантов, топтавших на Стрелке Васильевского острова, прежде чем вступить на Дворцовый мост: «Да здравствует свободная Венгрия, да здравствует свободное расписание!»

Но лучше всего подойдет к тому настроению мой макаронический перевод из румынского поэта по имени Ион Арион, запоздалого борца за мир, сочинившего гимн-инвективу войне под красноречивым названием «Нет».

Нет

Нет — артиллерии!

Нет — кавалерии, грубости, факости, пакости, мату,
аметраллотории!

Нет — тем, кто ах и кто ух как ухрял наших тихих
мечтаний

о Фауне-Флоре и...

Нет — груботолстым топтаньям,
да здравствуют наши порханья
колибри, орлии!

Нет — говорю вашим герниям (грыжам), погоням
напыщенно-выпуклым,

Нет — впукло-голодным утробам, глаголящим о Глвы-
Укл-О-Влом;

Но! — ангелической песни, витающей облака около,

Гимн — что низвергну я в сердце, в его околоток, в уклон!
Это чудище (истинно!) обло...

Идея автора заключалась в том, чтобы перевести поэму на все языки и таким образом установить мир на Земле.

Из «Астронавтики» я не увольнялся чуть ли не до самого дня отъезда, но ходил туда с восхитительным чувством освобожденности. Делал то, что хотел, ничего уже не опасался и даже мечтал «пополнить собой ряды американских безработных» — хотя бы ради пособия. От моих соотечественников я оторвался в недостижимые сферы настолько, что они даже не заговаривали со мной. А инженеры-американцы, наоборот, подходили покалякать о вольностях академической жизни. Услышал я даже реплику, передаваемую ими дальше: «Дмитрий считает, что Америка — все еще земля больших возможностей».

Оставалось съездить в Урбану-Шампейн, чтобы заранее снять там жилье.

На обновленной «Голде» мы с Ольгой отправились уже знакомым путем. Кондиционера у нашей старушки не было, а день оказался жаркий, и в дороге приходилось овеяться встречным ветерком. Не заглядывая на кампус (еще насмотримся!), мы изъездили по адресам оба симпатичных городка: семейные дома с лужайками и живыми изгородями, парки с огромными купами дубов и орехов, благоустроенные квартирные комплексы...

В Шампейн жилье было подешевле, нам оказалось бы по карману снять и целый дом — правда, на краю кукурузного поля, но Урбана считалась более престижной, ее называли «профессорским гетто», и двух будущих преподавателей потянуло именно к этим местам. И что ж — в результате мы сняли квартиру более дорогую, чем предполагали, — с тремя спальнями, гостиной, балконом и даже камином. Сам дом, правда, был выкрашен в мрачноватые, но солидные тона и напоминал декорации для съемок

«Гамлета», за что получил от нас прозвище «Эльсинор-2». Но решающим обстоятельством в тот знойный полдень оказалась купальня для жильцов!

Перевозная компания с саркастическим названием «Грыжа (*Hernia*)» предложила свои услуги, но упаковку книг и мелких вещей мы оставили за собой. Самые крепкие коробки, как уверяла Ольга, были из-под вин, и мне как солидному потребителю надавали в лавках достаточно картонных ящиков.

Оставалось еще множество ненужного барахла, накопленного за пять лет жизни, но выбрасывать его было жалко. Вспомнили знакомого мусорщика и его жену. Они сразу же предложили нам светлую идею: участвовать в их дворовой распродаже. Любимое занятие американцев — это купля-продажа, и они увлеченно предаются ему по выходным в теплое время года. Из гаражей и подвалов вытаскиваются на лужайку старые соковыжималки, пылесосы, лишняя посуда, ржавые инструменты, гардеробы умерших бабушек и дедушек или подросших детей, на каждую вещь наклеивается заведомо заниженная цена, и — торговля пошла!

Я привез наш скарб и разложил его на любезно предоставленных хозяйкой столах. Она же уверенно проставила цены на наших «жечах» (не уверен, значит ли это словечко то же, что «бебехи», — но так уверяет Галя Руби), а затем я вызвался помочь выносить хозяйское барахло.

И вот тут я понял, что такое мусорщик и чем ценна эта профессия!

Их чердак имел вид комиссионного магазина: стояла очень приличная мебель, длинными рядами висела верхняя одежда, платья, костюмы — все чистое, добротное; на стеллажах была разложена посуда, столовые приборы, расставлены лампы, и тоже на вид — целые, хорошие... Всей прорвы товаров хватило бы не на одну распродажу.

Околачиваться у этой рухляди перед чужим домом оказалось мучительно скучно, но пришлось, сменяясь, проторчать там несколько часов. Зато по мелочи набралась неожиданно заметная сумма. Половина была выручена за пыльный кусок мрамора, который я извлек из глубин нашей кладовки. Цену ему я затруднялся назначить.

— Сколько дадите, — сказал я покупательнице, не иначе как аспирантке живописи и ваiania, и она не поскупилась.

В благодарность я донес тяжеленную глыбу до ее автомобиля и со вздохом уложил в багажник. Но самым большим облегчением было то, что нераспроданные остатки мусорщик согласился присоединить к своим до будущих распродаж.

Продолжение следует.

ЗВЕРЮГА

Посреди ночи опять раздался протяжный вой.

Матвей проснулся. Чертыхнувшись, схватил журнал и швырнул в сторону силуэта на подоконнике — крупного, будто нарисованного на чернеющем небе, с торчащими вверх треугольными ушами, на чьих острых кончиках, казалось, балансировали две звезды. Этакое священное животное, как называла его Светлана.

Глянув на пролетевший мимо журнал, кот спрыгнул на пол. А звезды, оторвавшись от его ушей, остались на небе. В его взгляде Матвей прочел насмешку.

«Ну не подлец!» — разозлился он.

Кот продефилировал по комнате, вроде как решая, продолжать ли изводить. Направился было к своей подстилке, но в ту минуту, когда Матвей с облегчением подумал, что он, наконец, уляжется, развернулся и с рычанием вскочил на кровать. Гнать его было бессмысленно. Он возвращался и снова будил, да еще назло стаскивал одеяло. Был вредным, несмотря на заверения Светланы, что сиамские коты особый народец. Преданные и верные. Оберегают своих хозяев. Ради них готовы принять на

себя их болезнь и смерть. «Где ты вычитала всю эту хрень?» — посмеивался над ней Матвей.

С удобством разлегшись на постели, кот затих. И пропали две красные искры, постоянно следившие за Матвеем из разных углов комнаты. В темноте глаза кота были кроваво-зловещего цвета, а днем становились голубыми, мирными. Даже мечтательными, когда он взбирался на подоконник и наблюдал за прохожими. Те, в свою очередь, глазели на него. Когда он начинал голосить, вздрагивали, озирались и тут замечали его, с невозмутимым видом сидящего на третьем этаже. Как-то, доведенный вытьем, Матвей согнал его веником с окна. Кот затаил обиду и позже отомстил. Когда Матвей пил чай, выпрыгнул из-под дивана и вцепился ему в ногу. «Он или я! — поставил тогда Матвей ультиматум Светлане. — Ему место в зоопарке среди тигров, а не в квартире!»

Сделав свое черное дело — окончательно разбудив, кот сладко спал. Матвей поднялся. Закурил. Хотя знал, что Света уловит сигаретный запах и начнет пилить: «Обещал же бросить! Сведешь-таки

себя в могилу, куришь одну за другой!» А как удержаться, если вокруг сплошной стресс? На работе невротрепка. Бывшая жена портит жизнь, с сыном не дает видеться, пришлось действовать через суд. Здоровье тоже в последнее время пошаливает. Времени ни на что не хватает, даже к врачу сходить...

Матвей затаился с наслаждением сигаретой. Закашлялся. Кот услышал, открыл один глаз — в этот раз на удивление голубой, а не красный, как бывало по ночам. «Следит», — иронически улыбнулся Матвей, вспомнив слова Светы, что тот чуткий, проницательный и самоотверженный.

— Взрослая женщина, а верит в какую-то дребедень, — с досадой произнес он вслух. Вдавил в пепельницу окурок и лег спать.

На следующий день Матвей вернулся после работы домой раздраженный и уставший как никогда. Швырнул коту пару кусков сырого мяса. Тот с рыком вгрызся в один. «Как есть зверюга!» — подумал Матвей и, не поужинав, завалился в постель. Чувствовал он себя препаршиво. Все тело ныло, ломило. Где-то под ребрами жгло... все сильнее, сильнее. Матвей глубоко вздохнул, задержал в легких воздух, выдохнул. Повторил. Раньше всегда помогало, а в этот раз нет. Он поворочался, с трудом встал и упал назад на кровать. Боль была нестерпимой, словно полоснули ножом. Комната поплыла. Из шкафа посыпались книги. Пролетели в воздухе, танцуя, брошенные им пиджак с брюками, а в окне загорелись две алые звезды. Расширяясь, они надвигались на него. И, остановившись в двух шагах от постели, превратились в кошачьи глаза...

Матвей очнулся. Глянул на будильник, ало светившийся цифрами в темноте — вроде глаз кота. Было три часа ночи. Боль отошла. Но тело было ватным, чужим. Жалея себя, он подумал, что не уехала бы Света — принесла бы ему воды, а так самому придется ползти на кухню. Чего ради она вообще потащилась в Питер к сестре? Та только поносит ее на чем свет стоит.

Стояла непривычная тишина. Обычно в это время кот бродил по квартире или влезал на кровать. Свою подстилку он демонстративно игнорировал. Матвей оторвал голову от подушки, огляделся. Куда он запропастился? Но искать его не было сил, и он провалился в сон... А утром с легкостью вскочил, будто вчерашний приступ померещился. Напоминанием о происшедшем был только валявшийся на полу костюм.

«Надо все-таки следить за здоровьем», — решил Матвей. Подержал в руке пачку сигарет и бросил в помойное ведро. Быстро собрался, кинул коту в миску еды и прошелся по квартире, его разыскивая.

— Эй, зверюга, куда ты делся?! — крикнул он. И поймал себя на мысли, что беспокоится. Не удрал ли? Он проверил каждый закуток в квартире. Ни следа. Всерьез встревоженный, отправился в туалет, где стоял тазик с песком. Кот всегда туда ходил по своим нуждам. Не позволял себе послушаться, даже когда злился на Матвея. Был дисциплинированным, несмотря на свой нрав.

Матвей шагнул в туалет и замер. На полу неподвижно лежало пепельного цвета тельце с коричневыми лапками и жалким тонким хвостом, походившим в эту минуту на веревочку, а не на упругий хлыст. Матвей нагнулся, пытаясь определить, дышит ли он. Тронул кота, окликнул. В ответ ни звука. «Плохо дело!» — стрельнуло в голову. Он поднял безжизненный комок и ринулся с ним к двери. Выскочил на улицу. Остановил машину. Куда ехать? Света вроде называла какую-то ветеринарную клинику. Где же она находится?

— Не волнуйтесь, отвезу вас, знаю здесь одно место, — успокоил водитель. Молодой такой крепыш с серьгой в ухе. Рванул с места и понесся по улице. Пока вел, посматривал в зеркальце на заднее сиденье.

— Как он там, жив? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — ответил Матвей и, глядя с расстройством на съезженное невесомое тельце, подумал: «Умер, бедняга». Его поразило, каким кот стал. При жизни был огромным, под стать дикой пуме, грациозным, с сильными лапами. Сейчас же на его коленях лежала плоская шкурка. Многие он готов был сейчас отдать за то, чтобы эта шкурка превратилась в прежнего кота. И стало стыдно, что хотел от него избавиться, гонял по квартире, житья ему не давал.

— Эх, зверюга ты, зверюга, прости меня, — прошептал он.

И вдруг кот открыл один глаз — голубой, ясный и лукавый.

— Жив! — вскрикнул Матвей и прижал его к груди. Кот заурчал, довольный, и шевельнул хвостом.

— Видите, а вы волновались, — обрадовался и водитель.

— У вас сигаретки не найдется? — спросил Матвей.

Страшно хотелось курить.

Людмила СТРЖИЖОВСКАЯ

Спасибо вам за оперативный ответ и приглашение участвовать в творческом конкурсе. Почту за честь.

В 1963 году я окончила филфак МГУ. В 1966-м случайно оказалась на телевидении, которое стало моей творческой судьбой. Прошла путь от редактора до спецкора, комментатора Гостелерадио. Много писала, много ездила по стране, практически объездила ее всю. Моя журналистская привязанность — очерки о судьбах людей. Об этом же делала не только обязательные передачи, но и документальные фильмы. Сотрудничала с журналом «Советская женщина», который

трижды удостоивал меня звания «Лауреат года», с радиостанцией «Собеседник», делала небольшие видеоролики для Исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца. Один из документальных фильмов, где я была сценаристом, участвовал в работе Международного фестиваля «краснокрестных» фильмов в Варне. В перестроечные времена три года вела в прямом эфире полтора часовую авторскую передачу для родителей «Родительский дом — суббота». Горжусь тем, что передачу ждали, она пользовалась успехом. За эту работу получила премию Союза журналистов Гостелерадио. В 1990 году ушла с телевидения. Мы с коллегами по предложению АН СССР создали небольшую видеофирму по производству заказных фильмов. Я была и сценаристом, и режиссером очень многих работ. В девяностые годы работала на РЕН-ТВ, на ТВЦ, вела в одной из московских школ лично созданную видеостудию, обучая детей тележурналистике. С ними мы

принимали участие в работе Московского детского телевидения. Это было замечательное дело, которое, к сожалению, просуществовало недолго. В 2000 году я окончательно рассталась с официальным телевидением. Последний раз по заказу ТВЦ в 2004 году написала сценарий документального фильма об одном из наших замечательных ученых-медиков. Три года назад в интернет-журнале «Гео Хистори» была опубликована моя статья о композиторе Максе Кюссе «Макс Кюсс. Незагаданная жизнь». Очень горжусь ей — ведь она требовала настоящего исследования, долгих дней работы в разных московских архивах. Я член Союза журналистов СССР. У меня две дочери. Обе журналистки. Муж — доктор биологических наук. Мы с ним вместе кучу лет — скоро золотая свадьба. У меня растёт классный внук-шестиклассник. Видите, какая я уже очень неюная девушка? Спасибо, коллеги, за внимание.

И НЕ ЖИТЬ, И НЕ БЫТЬ...

СКАЗКА О ВЕДЬМЕ АГАШЕ И ИНСПЕКТОРЕ ГАИ

Глава первая

*Неподвижно висит
Темная туча в полнеба.
Видно, молнию ждет.
Басё*

Ночью Агаше снилась Нежность. Она была чем-то необыкновенно пушистым, очень теплым, прильнувшим к груди, и от этого все существо Агаши пело, наполненное блаженством.

И был Полет. Агаша плавно парила над сонным ночным лесом. На невесомые сугробы облаков тускло ложился желтый свет луны. Поднимался туман. Пахло теплой землей и ночной прохладой. А душа была наполнена миром и покоем. Вечностью.

Но вдруг сквозь разорванные кочки тумана зачернели мертвые обрубки деревьев, от которых вспышкой понеслась неясная опасность. И зазвенела в воздухе тревога. И ожили пни, и потянулись к Агаше костлявыми ветвями. Многопалые, извивающиеся, хищные. Вот-вот достанут!

— А-а-а!

Агаша в ужасе рванулась вверх и... проснулась. Кот Мерзавец спокойно спал, тесно прижавшись к ее груди. Глаз открылся — закрылся.

— Мерзавец, — сердито сказала Агаша, — страхи мне подсовываешь? — и сбросила кота на пол.

В избушке-развалюхе было темно. В проеме окна как всегда сидел Филин и лупился в темноту. Агаша вздохнула и встала. Ворона прокаркала двенадцать.

— Мерзавец! — позвала Агаша. Кот таил обиду и молчал. — Мерзавец, я пошла!

Прихватив метлу, Агаша вышла из развалюшки и поплелась на болото. Моросил дождь. Комары зверствовали. Луна куда-то запропастилась. Среди облаков торчала только одна звезда.

— Все неприятности из-за этого котяры! — злобно пробормотала Агаша, вспомнив про нарушенный сон, и села на кочку. Нужно было начинать занятия, а настроения, как всегда, не было. И очень не хотелось думать о старшей ведьме. Думать о ней было никак нельзя. Старуха все чужие мысли о себе не только слышала, но и видела. На редкость подлая старуха.

Когда-то Агаша залетела в ее общеобразовательную школу колдовства. Случайно. Ветром занесло. А старуха в это время учила молодую нечистосильную поросль левитировать. Здорово так! Агаша и осталась. Правда, пришлось долбить всякие науки, но вот именно левитация, такая необходимая для всякой ведьмы и такая желанная, никак не получалась. Ну просто черт знает что такое! У всех улетать получалось: и куда угодно, и куда не угодно, а у Агаши никак!

— Бестолочь! Гниль болотная! Морда косоворотная! — орала старуха.

Правда, это было еще ничего, старая ведьма знала слова похуже.

— Сколько можно с тобой, душой, возиться? Таковую простую вещь не может одолеть! Как же ты работать будешь, сопля зеленая? А? Ты хоть понимаешь, что тебе необходимо, метелке драной, научиться наконец появляться где нужно и где не нужно?!

Агаша это знала. Чего орать-то? Только вот не получалось, и все тут. У Агаши вся левитация была в одном векторе. Ее худое тело переносилось только в одно место — на перекресток двух улиц в каком-то городе — и застывало у будки ГАИ. А обнаружив это, ведьмочка быстро переносилась обратно. Жуть! Вот старуха, обессилев от злости, и послала ее. В болото. Прямо враз! Брызнув ядовитой слюной. И Мерзавца приставила. Так, на всякий случай.

Негодяй Мерзавец был ее любимцем, таким же подлым, как старая ведьма. Шпионил, доносил. У него были какие-то особенные фосфоресцирующие глаза: один ярко-красный, другой — зеленый. Кот ими сигнализировал, подлец, на любое расстояние. А ночью устраивался спать или возле Агаши, или прямо на ее груди, чтобы греться и сны подслушивать. Ну, каков мерзавец!

Вот и сегодня этот сон про пни — явно его работа.

— Наваял! — Агаша с ненавистью вспомнила кота и сплюнула себе под ноги.

А какие в этом сне жуткие были ветки-пальцы! Ведьмочка напряглась: пальцы?.. Пальцы грязные и больные снятся к позору и неудаче. К позору? Не-

удаче? Агаша стукнула кулаком по кочке. Болото ухнуло, качнулось, обдало лицо липкой ряской. Ух! Ах! Брр! Все! Пора учиться!

Агаша сосредоточилась, закрыла глаза, настроилась и...

* * *

Инспектор ГАИ сержант Иванов Филипп Иванович стоял на перекрестке и мечтал стать генералом. Мимо него часто проезжали разные генералы. И в черных «Волгах», и в белых. Некоторые даже в собственных. А у некоторых генералов «Волги» водили их жены.

Филипп Иванович представил, как его Райка сядет за руль, выставит коленки, а коленки у Райки круглые и... эх! Ладно. Об этом потом...

А вот если бы он был генералом, Райка покатила бы на «Волге» к мебельному магазину и купила бы ему наконец его мечту — импортное кресло на колесах, чтоб можно было сидеть, нет, лежать в нем у телевизора и смотреть хоккей. Можно и многосерийный фильм, все равно про что. Главное, чтобы в кресле. И еще чтобы пиво «Жигулевское»! Нет, лучше чешское. А Райка на кухне в модном халате и в туфлях на высоких каблуках. И морда вся в импортном креме. Он ей такой однажды на Восьмое марта купил. За десять рэ, между прочим! А она? Как заорет:

— На какие шиши? Взятки берешь? А домой не приносишь?

Обидела. Ну, это ладно. Потом помирились. Коленки-то у нее и все остальное... и-эх!

А вот если бы он был генералом, разве трудно было бы заначить с зарплаты десятку? Ха, десятку! Четвертной! Во!

Но тут Филиппу Ивановичу стало даже страшно. Он представил, как его, генерала, Райка лупит по морде за то, что он зажал в получку двадцать пять рублей. Не-е, так не пойдет. Он будет ей все отдавать. Да пусть подавится! Что он, десятку в день не будет иметь, что ли, от этих индивидуалов? Да запросто! Можно и больше. Но тут Иванов вдруг вспомнил, что генерал не стоит на перекрестке со свистком. Не его это работа. Ха-ха! Стало смешно. Он стукнул себя по лбу. И в этот момент перед ним появилась девица.

Девица была странная какая-то: волосы длинные и нечесанные. Худющая. Юбка, правда, модная: широкая, в складочку. Райка себе тоже такую шила. Но юбка у девицы была не стирана эдак полгода, и кофтенка какая-то... Где она ее купила? Может, в комиссионке? Райка говорила, что там иногда импортные бывают. Это когда продавщицы все себе нахапают, а из оставшегося кое-что все-таки в продажу выбра-

сывают. Не жалеют. Филипп Иванович хмыкнул. А у этой девицы?.. Ну-ка, ну-ка! О! Вся в листьях, в ветках кофта-то! Из крапивы, что ли? Иванов от любопытства весь аж потянулся лицом к девице. А она все кружится на одном месте, все ищет вокруг себя что-то.

— Чего ищешь-то? — спросил Иванов.

— Да метлу, — сердито сказала девица. — Что я без нее делать буду? Старуха дала самую паршивую! Ну, самую паршивую!

Девица все оглядывалась. А Филипп Иванович подумал: «Дворничиха. Новенькая. Ишь ведь какая старательная! Ночью подметает». И только он решил спросить, а зачем это она вышла ночью работать, как загудела рация, и, конечно, третий вышел на связь. Тоже не спится!

— Филипп, — прошуршал третий жизнерадостно. Помехи были осатанелые, но понять немножко было можно. — Филипп, утром зайдешь в отделение, скидываемся по рублю. Матюшкин разводится. Надо поддержать человека.

— Ладно, — сказал Иванов, — получка будет — и скинемся.

— А ты что? За дежурство не набрал, что ли? — Третий жуть как удивился, даже про осторожность запамятовал. «А не твое собачье дело», — подумал Иванов, но в микрофон сказал:

— Жить надо честно. На зарплату. Понял?

Мимо проехал КамАЗ, жвакнув грязью во все стороны из близлежащей лужи.

— Ой, вот она! — вдруг радостно завопила девица и бросилась к луже. Поперек нее лежала метла, но очень расплюснутая и рвано переломленная. Девица издала жуткий визг. Подпрыгнула, и на нее чуть не наехал «запорожец». Инспектор свистнул водителю, а девице сказал строго:

— Гражданка, пройдите. Вы создаете опасную ситуацию на дороге!

— Я ничего не создаю, — сердито сказала девица и уставилась на Иванова. Глаза у нее были огромные и ярко-зеленые. Злость из них прямо выливалась. «Ух ты! — восторженно подумал Иванов. — Вот это да-а!» А вслух все равно строго спросил:

— Тебе что, метлу жалко, а на жизнь наплевать? А если бы тебя раздавили?

Злость в глазах девицы поубавилась. Она молча, подобрав метлу, отошла в сторону, провела рукой по сломанной палке, потом, закинув голову, что-то прошептала и... исчезла.

Иванов потрянул головой и раскрыл рот.

— Товарищ инспектор, я не виноват, девчонка сама мне под колеса прыгнула, — гундел подошедший водитель «запорожца», на всякий случай зажимая в потной руке трешку. Остолбенелый Иванов непонимающе уставился на водителя.

— Чего? А ну дыхни!

Водитель дыхнул. В нос Иванову влетел запах голодного желудка.

— А-а, — махнул рукой Иванов и пошел в будку. Ночь переходила в утро. Стрелки часов приблизились к цифре два.

* * *

Агаша возникла на болоте и, отшвырнув сломанную метлу в сторону, плюхнулась на кочку. Если бы ведьмы умели плакать, она бы сейчас дала волю слезам. Но ведьмы не плачут. А хотелось очень. В который раз Агаша загадывала перенестись на остров своей мечты, который ей часто снился, заветный Остров, где жили диковинные ночные птицы и было много пахучих растений, где, как поговаривали ведьмы, растет дерево Жизни и течет река живой воды.

Сколько раз Агаша представляла, как было бы хорошо, если бы она достала кусочек этого дерева и хотя бы бутылку живой воды! Вот тогда она бы начала колдовать в полную силу назло старухе. Вот тогда бы она... перестала быть ведьмой, потому что совсем, ну совсем никому не желала зла. Ну может, иногда только...

Но как же туда перенестись? Страсти-мордасти!

— Вот бестолочь! — обругала себя вслух Агаша. Из кустов вышел Мерзавец и стал на нее смотреть зеленым глазом. Красный был зажмурен. Филин прошелестел крыльями и сел на ближайшую ветку засыхающей осины. Филин не любил Мерзавца. И не любил по двум причинам: первая — Мерзавец ловил его мышей, а вторая — плохо относился к Агаше, хотя спал, подлец, нахально прижимаясь к ней и греясь от ее тела. «Ничтожный альфонс», — с ненавистью думал про него Филин.

А Агаша, добрая душа, чем-то была расстроена, и это ему не нравилось. Кот уже отрапортовал старухе, что юная ведьма во сне незаконно блаженствовала, и старуха немного побесновалась. Но немного. Ей было некогда. Нужно было лететь в город и в очередной раз пакости творить. Намедни она возникла в магазине «Продукты», с большой радостью перессорила всю очередь, довела до слез мать с грудным младенцем, кассира, трех ветеранов труда с обувной фабрики и до приступа стенокардии — одного персонального пенсионера. Зато какой-то малец со значком на груди «Ну, погоди!» при этом веселился немислимо и сквозь хохот восторженно вскрикивал:

— Ну бабка! Ну дает!

Свой, чертенок. Чуть-чуть бы подучить — и... Так что некогда старухе было. Не до Агаши — недотепы этой.

— Филя, — грустно сказала Агаша, — я есть хочу.

Филин улетел и тут же вернулся обратно. В лапах

был зажат бутерброд с колбасой. Агаша вздохнула, сказала «спасибо» и под мерцающий ненавистью зеленый глаз Мерзавца стала есть. В памяти почему-то возникли перекресток и круглое строгое лицо инспектора ГАИ.

— А глаза у него синие, — прошептала Агаша и опять почему-то вздохнула. Ворона прокаркала три раза. Кот взвыл и исчез. На востоке появилась светлая полоса утренней зари.

* * *

Иванова опять поставили дежурить в ночь. И по этому поводу он был несусветно зол. Он уже вспоминал не только коленки Раечки. И-эх! Зато три отгула есть. Если дадут. А так ведь и ему скоро по рублю на развод будут собирать. Будут (весельчаки, чтоб их!) морально поддерживать. А на хрена ему! Лучше б сейчас домой!

Иванов озлобился окончательно и остановил «жигули». За рулем сидела эдакая киска-мурыска с голыми коленками. Иванов может быть и отпустил бы ее, но она смотрела ему в лицо очень развратно, а это Филиппу Ивановичу совсем не нравилось. «Взять трешку или проколоть?» Вопрос завис, и Иванов решил: под громкое возмущение киски-мурыски проколол ее талон.

— Я буду жаловаться твоему начальству, болван! — кричали Коленки. (Эх, какие!) — Тебя понизят в должности или вообще попрут! — Мурыска хлопнула дверцей машины и укатила.

Это она ему про «попрут»? Иванов по привычке, но как-то тоскливо запомнил номер «копейки». «Черт меня дернул, — подумал он. — А вдруг она — жена какого-нибудь нашего начальника? Или дочка? Или, что еще хуже, любовница? Во хвост накрутит!» Иванов аж свистнул. Но при мысли о любовнице у него возникла неясная ассоциация с Раечкой. И он подумал... Он черт-те что подумал! И просто обессилел от этой мысли.

— Я здесь, а она там... — Филипп Иванович загрузил окончательно. Но в это время перед ним на расстоянии одного шага возникла уже знакомая зеленоглазая девица-дворничиха. Она стояла с метлой и, не моргая, как-то сумрачно смотрела ему прямо в глаза.

— Ты откуда? — с испугом спросил Иванов и сделал шаг назад. Девица тоже шагнула, но к Иванову. Он глотнул неожиданно возникший ком в горле и только собрался сказать ей... Но в это время заскрипела рация.

— Иванов, — раздался веселый голос дежурного, — тебе звонила жена! Не верит, что ты на посту! Что сказать ей?

— А пошел ты... — сам того не ожидая, негромко ответил Иванов и, отключив рацию, дотронулся до

плеча девицы. Пальцам стало тепло, а тело наполнилось непонятной легкостью и почему-то бешено забилося сердце.

— Я знаю, тебя зовут Филипп. А можно просто Филя? — спросила девица. Иванов открыл рот и вновь попятился. — А меня зовут Агаша. Это значит Добрая. — Улыбнулась. В зеленых глазах полыхнули огни. С медной копны спутанных волос упал сухой лист. — Я ведьма. Правда, плохая.

Опять улыбнулась и сделала шаг вперед. «Все, — обреченно подумал Иванов, — у меня глюки! — и попятился активнее, но как-то сомнамбулически. А девица шла на него танцующим шагом. Метла тащилась за ней хвостом. А потом произошло вообще непонятно что. Девица вдруг остановилась и мягко подняла руку ладонью вверх прямо к лицу Филиппа Ивановича. И он услышал, как в воздухе нежно зазвенели мелкопереливчатые колокольчики. За спиной у Агаши исчезли дома, будка, машины. Из темного провала на него смотрело ее лицо: огромные зеленые глаза, в которых светились Изумление и Песня. Иванов вздрогнул...

Глава вторая

*Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?*

*Примиришь и покорствуи
бесстрастному року,*

Ибо то, что предписано, сбыться должно.
Омар Хайям

Ночью Агаше снились стихи. Они вылетали из ее губ легко и свободно, наполненные музыкой рифмы и ритма. Все существо Агаши было переполнено удивительными словами о красоте и нежности, о счастье и любви и еще о чем-то, что заставляло во сне ощущать сказочное блаженство.

Но закаркала ворона, и Агаша проснулась. Попыталась ухватить памятью последние придуманные строки. Ухватила и испугалась: звучал жутчайший набор бессмысленных звуков вперемешку с нецензурными выражениями.

Мерзавец, лежа на ее коленях, открыл и закрыл зеленый глаз. Веко под красным предательски вздрагивало.

«Все, уже настучал», — тоскливо подумала Агаша и сбросила кота на пол. Он мяукнул, выгнул спину и злобно зашипел. Филин радостно зауhal и захлопал крыльями.

— Цыц! — заорала Агаша. Потом свирепо крутанулась на месте, взмыла к потолку, стукнула кулаком по стропилам, сбросив пуд пыли и грязи, приземли-

лась, отчаянно топнула ногой по полу и, раскидывая все, что попадалось на пути, вышвырнулась из развалюхи в ночь.

В черном небе горели две синие звезды, похожие на глаза инспектора ГАИ Иванова Филиппа Ивановича. Но гудело над болотом комариное племя. Чавкала под ногами вонючая топь. Злорадно ухали совы под свист и хихиканье кикимор. Сноп лунного света лег к ногам Агаши, и она ступила на мерцающую дорогу.

Медленно поднимаясь над болотом, простирая руки к небу и не отрывая глаз от желтого круга луны, Агаша страстно шептала:

Не прошусь к тебе я в жены,
Ты и так замороженный
Мною, ведьмой прокаженной.
Я как жажда и напасть.
«Чур меня!» — кричи почаще,
Трижды сплюнь. Но эхо в чаще
Снов твоих, внадрыв кричащих,
Кинет в пропасть, чтоб пропасть.
Не прошусь к тебе в подруги.
Сердце в дрожь, душа в испуге.
Ты и рад бы на досуге
Вновь послать меня к чертям.
Только черти — мои братья,
Потому в мои объятия,
Несмотря на все проклятья,
Ты, милоч, примчишься сам.

Из желтого иллюминатора луны вдруг четко проступило лицо Иванова. Оно смотрело на Агашу удивленно и печально. Но завыл ветер. Взметнулось из болота черное облако, заслонив лунный свет. И все померкло.

* * *

Иванов отсыпался. Сны неясными тенями возникали в мозгу и исчезали, не потревожив. Жена Раиса сидела в кресле и вязала свитер, прислушиваясь к негромкому похрапыванию мужа. На душе у нее было спокойно. Она думала о том, что не так уж плохо складывается ее жизнь. Что казенная форма мужа — это экономия средств. «Джинсы просит! Черта с два! Сто рублей выкидывать!» Что мужик у нее редкостный. «Ну, в неделю пол-литра. Это же нормально!» Политикой интересуется: «Райка, а что там у вас в магазине про милицию балакают?» Некурящий, опять же, зарплату всю отдает. «Пусть только попробует не отдать!» С шалопаев-водителей берет вроде бы в меру. «Может, подлец, и заначивает. Как проверишь?» На праздники подарки дарит. Души-кремы вон всякие. На баб вроде не смотрит.

Тут она представила, как ее Филечка ухаживает за другой, и слегка заволновалась. Не так чтобы очень, но почему-то злость на мужа подкатила, и Рачка оторвала взгляд от свитера. И здесь произошло нечто необъяснимое: Филипп перестал храпеть. Потом вдруг открыл глаза, сел, слегка ошалело взглянул на жену и... пропал. Раиса охнула, закрыла глаза, потом открыла и, окончательно уверовав, что муж исчез, шмякнулась в обморок.

* * *

У Иванова резко свистнуло в ушах, потом что-то больно хлестнуло по лицу, и он шлепнулся на нечто мягкое, но мокрое. Пригляделся к дышащей плесенью темноте и понял, что видит сон: освещенная лунным лучом, сидела перед ним на болотной кочке Агаша и глядела куда-то вверх через его плечо. В огромных глазах ее полыхала несусветная тоска.

— Эй! — окликнул ее Филипп. Агаша вздрогнула, очнулась. На ее лице сначала появилось что-то похожее на удивление. И вдруг в глазах запрыгали дьявольски радостные огни.

— Филя! Ой, не могу, Филя! — Агаша вскочила и, хлопая в ладоши, закружилась на месте. Кочка отчаянно закачалась и захлюпала. С треском обломилась сухая ветка и, шурша, упала на землю. Филипп испуганно взлетел вверх и, ухнув, скрылся в темноте.

— Получилось! Получилось! Получилось! — издав победный свист, Агаша вдруг замерла на месте. Лицо стало серьезным. Вытянув руки, она стала медленно приближаться к Иванову. В лунном свете его лицо казалось моложе и бледнее. Взлохмаченные полетом волосы неровными пушистыми прядями спускались на лоб, а в синих глазах плескалось вечернее небо.

— Какой же ты красивый, — прошептала Агаша и дотронулась двумя пальцами до его щеки.

— Чего ты? — смущенно сказал Иванов и вдруг увидел, что он босиком и в одних трусах. И вообще, что-то прохладно. И непонятно, что баба хочет, а потому совсем не по себе.

— Ну ты что? Наколдвала, что ли?

Агаша кивнула, и в глазах ее колыхнулся мерцающий свет.

Иванов переступил замерзшими ногами. Поморщился. Кочка была отвратительно мокрой. Круто про себя ругнулся.

— Пошли, — полушепотом сказала Агаша и, взяв промерзшего Иванова за руку, повела за собой через болото.

...В избушке было тепло. Филипп затопил печь и сидел под крышей, хмуро наблюдая за Агашей. Кот куда-то запропастился. Наверняка помчался

с кляузой. Агаша устроилась на лавке в любимой позе, прижав колени к подбородку, и не сводила глаз с Иванова. А тот оглядывался по сторонам и ворчал:

— Ну, как ты живешь? Ну, как ты живешь-то? Изба разваливается, печь того и гляди рухнет. Грязища! Тьфу!

— А мне как-то все равно. — Агаша нежно улыбнулась. — Но если ты хочешь...

Она дунула на ладонь, что-то шепнула. Дверь со свистом распахнулась, и из избы черным вихрем стремительно вынесло весь мусор.

Филипп Иванович крикнул и вдруг увидел...

— Эй, да у тебя и окон нет?

На этом замечании он вдруг сделал паузу и замер с открытым ртом. Что-то нереальное, но вполне осязаемое стало наполнять его сознание. Словно выходя из-под наркоза, Иванов ошарашенно спросил:

— Слушай, а ты что? Баба-яга, что ли? Да? — спросил и испугался. А вдруг она и впрямь эта самая... Е-мое!..

Агаша молча и печально покачала головой.

— Нет, говоришь? — Иванов напрягся, весь уйдя в мыслительный процесс, аж в ушах захрустело. «Дурацкий сон какой-то. Во влип!» — и опять нехорошо про себя ругнулся. А что делать? Поддернул трусы, почесал грудь и вдруг спросил:

— Слышь, а у тебя выпить есть?

Агаша улыбнулась, крутанула в воздухе рукой, и на возникшем ниоткуда столе появился целый набор напитков: водка, пиво, квас, шампанское.

— Во дает! — восхитился Иванов и рванулся к водке. Глотнув из горла, спросил: — А ты?

Агаша, не меняя позы, отрицательно покачала головой. Через избу, тяжело взмахивая крыльями, пролетел Филин и, недовольно ухнув, приземлился на ящик в углу. Иванов огляделся. Куда бы сесть? Но сесть определенно было некуда: в избе стояла только лавка, на которой замерла Агаша в позе васнецовской Аленушки.

— Н-да, — крикнул Иванов и пристроился на полу.

Агаша улыбнулась. Что-то прошептав, поиграла в воздухе пальцами, плавно взмахнула кистью руки, и под Ивановым возникло то самое кресло на колесиках, о котором он всю жизнь мечтал: широкое, теплое, мягкое.

— Вот это... е... ну... ух! — издавал из кресла восторженные звуки Филипп Иванович, булькая водкой. И светился. И радовался, как маленький мальчик. И вызывал тем самым у Агаши нежное умиление. «Ну как дитя, как дитятко малое!»

И почувствовала она вдруг, что хочет еще и еще делать Иванову подарки. Много-много! Разных-разных! Чтоб сидел, голубь, и вот так же замечательно радовался такой чепухе. Охти мнеченько!

Глаза Агаши озорно блеснули зеленым светом. Р-раз! И на Иванове появились теплые тапки. На лисьем меху. Р-раз! И на Иванове появился черный смокинг. Правда, брюки при этом отсутствовали. А с трусами смокинг... Агаша закрыла глаза, сосредоточилась, зацепила самую главную мысль Иванова и — р-раз! Не успел Филипп Иванович оценить смокинг, как тот исчез, и на его тело плотно сел генеральский мундир с тремя звездами. И даже брюки с лампасами. Иванов в очередной раз охнул и произнес про никновенно:

— Мать твою...

Встал, выпрямился и отдал Агаше честь:

— Ну, благодарствую, красавица! Хоть во сне генералом побуду! — и, взяв бутылку пива, вскрыл ее пинком о подошву тапочки на лисьем меху.

«Краса-а-авица! Краса-а-авица...» — зазвенело эхо. Сквозь звуки булькающего в горле пива он услышал вкрадчивый шепот Агаши:

— Скажи еще раз...

— Чего сказать-то? — не понял уже слегка ослотившийся Иванов и оторвался от бутылки: — Чего сказать-то?

Он повернулся к Агаше и... остолбенел. И перехватило дыхание. И гулко забилося сердце. И вновь неведомо откуда зазвучал чарующий звон мелкопереливчатых колокольчиков. А из темного провала ночи к нему стало медленно приближаться прекрасное и нежное лицо женщины, в глазах которой переливались живым светом Изумление и Песня...

Но тут три раза прокаркала ворона, дико мяукнул кот, и нечеловеческий стон, уходя эхом в толщу болот, заполнил пространство. Все исчезло.

* * *

Едва начало заново темнеть, прикатила старая ведьма. Злость хлопьями слетала с нее, заполняя избушку. Старуха металась, прыгала, изрыгала проклятья, стучала помелом. Развалюшка ходила ходуном, жалобно поскрипывая. Филин улетел на болото. А предатель Мерзавец как ни в чем не бывало терся о лавку и мурлыкал. Очень, между прочим, подхалимски мурлыкал.

На болоте гремел гром, трещали молнии, лил дождь. Агаша, поджав ноги, сидела на лавке и ждала иной грозы.

— Влюбилась? Ах она влюбилась! — Ненависть слетала пеной с ведьминских губ. Развернувшись к коту, старуха заорала: — Сумку мою дай! И воду вскипяти!

Кот взвыл, метнулся за дверь, потом к печи, плюнул в огонь, взмахнул хвостом. В котле закипела вода. Ведьма порылась в сумке, вытащила пучок сухой травы и бросила в котел, злобно пришептывая:

— Влюбилась она! Тьфу! Влюбилась! Чертовка болотная! Я те страсти-то бабские-человечьи повышибаю, ведьма недозревшая, перегнившая!

За окном с грохотом раскатился гром. Агаша вздрогнула.

— Ага! — завопила ведьма и, пританцовывая и мотая головой, повизгивая и взмахивая над котлом руками, начала колдовать:

Варись, мокни, злак-пырей,
Расколдуй ее скорей!
Позови ко мне на помощь
Всех чертей и упырей!
Варись, сонная трава,
Что любовь? Одни слова.
Днем и ночью злобой черной
Пусть кружится голова!
Поднимайся, смрад и пар!
Захмелейте, млад и стар!
Запущу в сердца и души
Зелья ведьминский угар!
Нет Любви — расчеты есть.
Нет Добра. Лишь зло и лесть.
Над котлом колдую в полночь,
Бойтесь выпить мою смесь!
Ну, варись, варись, пырей
На погибель матерей,
На погибель всех влюбленных
Дур-красавиц дочерей!
Ну, варись, варись...

Над котлом взвился черный пар.

— Пей! — взвизгнула ведьма и поднесла ко рту Агаша половник со снадобьем. — Пей, кретинка воющая!

Агаша, словно замороженная, не спуская с дымящейся жидкости остановившегося взгляда, потянулась к ней лицом. Ближе, ближе...

Но хлопнула дверь. Влетевший Филин ухнул и спикировал на руку ведьмы. Старуха издала вопль, и половник полетел на пол. Снадобье расплескалось по всей избушке, и там, куда попали брызги, зачернели гнилые вмятины.

Ведьма заголосила, с бешеной скоростью закрутилась на месте, втягивая в черный столб вихря все, что лежало и стояло. Затряслась избушка, заскрипела. Под потолком беспомощно вертелись тараканы, пауки и мыши, ударяясь о стропила. Визг, свист, стоны. Еще мгновение — и Агаша готова была испугаться. Но вылетела в ночь старая ведьма, и рухнул ураганный вихрь. Все исчезло. В избушке воцарилась мертвая тишина.

...Филин кружил над болотом, где неподвижно сидела Агаша. В огромных глазах ее застыло отча-

яние. Филин опустил на соседнюю кочку и, хмуро поглядывая на опечаленную ведьмочку, стал думать.

А когда лунный шар переместился за спину Агаша и глаза ее потухли и лицо потемнело, Филин принял решение. Взлетев над болотом, он сделал круг над избушкой и растворился в ночном небе.

* * *

За Лысой горой в штольнях заброшенного каменного карьера сидели четыре разновозрастных черта. Двое маленьких овладевали игрой в наперсток, при этом ссорились, визжали и бодались, вцепляясь друг другу в грязные вихры. Еще один — постарше, с рыжими проплешинами на голове и плечах — неторопливо грыз застарелую кость, роняя слюни на камни. А в стороне сидел пожилой черт и, что-то бормоча, читал старинную книгу. В свете луны страницы казались огненно-медными, и было видно, что читающему черту уже немало лет: шерсть была серой от седины, а из-под нависших бровей глаза глядели дымно и глубоко...

Перелистнув очередную страницу, черт увидел, как на нее упала тень, загородив лунный луч. А на острие соседнего камня опустил огромный Филин.

— Здравствуй, Софрон, — сказал Филин и переступил с ноги на ногу.

Черт аккуратно закрыл книгу и, не здороваясь, мрачно спросил:

— Какого черта?

Филин еще раз переступил с ноги на ногу, взмахнул крыльями, сердито ухнул и затих. А помолчав, начал учтиво:

— Ты, Софрон, мудрый. Я к тебе за советом. Начесть Агаша.

Услышав имя сестры, маленькие чертенята перестали бузить, а средний оторвался от огрызка кости. Наступила тишина.

— Что Агафия? — мрачно спросил Софрон и отложил книгу в сторону.

— Влюбилась, — вздохнул Филин. — В человечка никудышного, вороватого и умом небогатого. — Филин вздохнул, помолчал и продолжил: — Но стать при нем молодецкая и лицом вышел. Любитель лошадей. На перекрестке стоит, жезлом машет, власть показывает. Ею и пользуется.

Черт поднял брови. Усмехнулся:

— А человечешко, похоже, очень даже наш, а? Мелкая душонка, нечистые ручонки. Свистну — продаст душу недорого и торговаться не будет. Я б его быстро...

Софрон, довольный, хрустнул костяшками пальцев, громко поцокал языком и вдруг опять помрачнел:

— А он что, обидел Агафию? И что хочешь ты, преданная птица? Отважить от сестренки этого прохвоста? Сделаю. Вздохнуть не успеет. Я для Агафии, этой дуры доброй, все что угодно... Ну? — и уставился на Филина тяжелым взглядом.

Тот снова вздохнул, хлопнув крыльями:

— Отвадить красавца надобно. Но не от Агаши, а от жены его.

— От жены? — изумился Софрон и крикнул — А что Агафья-то сама не наколдует? Дело для нее плевое.

Филин недовольно ухнул:

— Говорю же, влюбилась! Да и не умеет она зло творить...

Помолчал. Сложил крылья, переступив с ноги на ногу. И продолжил, слова растягивая:

— Но кривда с правдой не уживаются. Ночь днем не приходит. Короток век человеческий, а ведьма ждать не может.

Посмотрел Софрон на Филина исподлобья:

— Что ж ты хочешь? Чтоб этот мент убогий в Агашку влюбился? Да где ж такое видано? Это же черт знает что!

Софрон стукнул огромным мохнатым кулаком по камню и вдруг громким басом надрывно захохотал. С горы скатился булыжник и разлетелся в мелкую пыль, ударившись о валун. Чертенята с веселым визгом запрыгали по камням. Средний черт, глядя на эту свалку, нерешительно улыбнулся, рыкнув «Гы-ы!». Филин же сердито хлопнул крыльями и громко ухнул. Отголосок эха ударил о камни. Смех оборвался.

— Дай мне заклинанье, — попросил Филин. — Я сам сделаю. И пусть с ней ЭТО случится. Она не простая ведьма. Она — Агафья. Добрая.

Софрон зыркнул на птицу из-под нахмуренных бровей и задумался. Потом раскрыл книгу и погрузился в чтение. Луна тихо плыла по небу, а когда очутилась за спиной Софрона, он поднял голову и сказал:

— Первая жена от Бога, вторая — от человека, третья — от черта. Сейчас ты запомнишь слова заклинания. Говорить его нужно или на воду, или на пищу. И пусть будет по-твоему. — Помолчав, с усмешкой добавил: — Отчего же не развести почтенных супругов? Разведем, рассорим, порчу нашлем, силой нечистой поиграем. Дело плевое.

А когда Филин, тяжело хлопая крыльями, улетел, Софрон чуть слышно пробормотал: «Лети, мешок с перьями. Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет, ну а уж я сам решу, случится ЭТО или не случится». И громко позвал:

— Черти! Работа есть.

Глава третья

*Да пребудет со мною любовь и вино.
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено, неминуемо будет.
Но не больше того, чему быть суждено.*
Омар Хайям

Филипп Иванович и Раиса сидели за вечерней трапезой. Иванову нужно было заступать на дежурство в ночь. И он злился, прислушиваясь к дождю за окном и думая о встречах с нервными водителями. Но больше всего его беспокоило воспоминание о ночном видении, после которого почему-то поутру томно и сладко теснило грудь, а главное, проснувшись, он абсолютно ясно и неопровержимо испытывал все признаки душевного похмелья. Такое с ним было впервые и подходило под любимую газетную рубрику «Необъяснимо, но факт». Нет, сколько об этом ни думай, ну никак не получалось у Иванова свести концы с концами! То ли сон, то ли явь.

А потому очень хотелось надраться.

Раиса же, радуясь, что муж дома, зажарила в духовке утку и, похваливая себя за отменно приготовленное блюдо, отрезала лучшую часть хмурому Филиппу Ивановичу. Иванов уже выпил и хрустел огурцом, подбадривая жену:

— Побольше, побольше режь! Не потолстею! Режь — не жадничай!

А когда половина утки легла на тарелку Иванова, что-то стукнуло в окно, и в открытую форточку неожиданно влетел настоящий Филин. Раиса взвизгнула и почему-то села под стол. А Иванов, слегка отшатнувшись, замер с вилкой в руке и непрожеванным огурцом во рту. Что-то в птице было знакомое...

Филин взмахнул крыльями, и в кухне погас свет. В затаившейся тишине жутковато шелестели его крылья. Раиса подползла к коленям мужа и, прижавшись к ним, тихо дрожала, выстукивая дробь зубами. В потемках ухнуло, и по кухне пополз громкий скрипучий шепот:

— Пойду из избы не дверьми, из ворот не воротами. Выйду подвальным бревном и дымным окном в чистое поле. В чистом поле бежит речка. По той речке черной черт с чертовкой и водяной с водяночкой на одном челне сидят и в одно весло не гребут. Одной думы не думают и совет не советуют...

На кухне загудел ветер, закачалась люстра, упал на пол черпак, и покатилося помойное ведро, раскидывая мусор. Скрипучий шепот перешел в подвывание:

— Так бы Филипп с Раисою на одной лавке не сидели, в одно окно бы не глядели, одной бы думы не думали, одного совета не советовали. Собака бела,

кошка сера — один зеленый дух! Ключ и замок словам моим!

Ухнул Филин, зазвенело окно. Вспыхнул свет, и холодно стало. Посмотрел Иванов на Раису: сидит на полу толстая баба, глаза как у хрюшки после опороса, волосы — как сосульки ржавые. Фартук грязный, кофта — тьфу! И где такую купила?

А перед глазами неожиданно возникло зеленоглазое лицо Агаши — нежное, манящее, желанное...

Двинул от себя тарелку Иванов, встал и сказал, почему-то окая и на старинный лад:

— Прощевай, бабонька, пошел я на службу ратную. Благодарствую за хлеб, за соль. По усам текло, да в рот не попало.

— Ой! — простонала Раиса. — Да что ж это такое? — И заплакала.

* * *

— Филя! — позвала Агаша. — Филя, ну где же ты?

Филин вылетел из-за сосны и сел, как ни в чем не бывало, на соседнюю кочку. Агаша провела пальцами по его перьям и сердито спросила:

— В город летал? Зачем?

Филин переступил с ноги на ногу и прикрыл глаза. Отстань, мол. Агаша вздохнула и, обхватив колени руками, печально сказала:

— А у него глаза синие-синие... И улыбается он так просто, так радостно...

Рыжая копна волос окутывала ее тонкую фигурку. Агаша закрыла лицо руками. И начала вдруг раскачиваться, и заголосила-запричитала:

— Ох, в омуте я, в омуте! Сохнет сердце по окаянному! И нет мне от него спасения-вызволения, избавления-освобождения! Ох, не предохраниться мне, не оградиться! Не защититься, не уберечься! Ох, не избежать беды! Несчастья не избежать! Охти мнеченько тошнехонько!

Замолкли лягушки на болоте, затаились кикиморы. Где-то хрустнула, ломаясь, сухая ветка. Недокуковав, нервно вскрикнула вдалеке кукушка. И воцарилась глухая тишина.

— Филечка, где ты? — позвала Агаша.

Филин молчал. Может, не его она зовет? Может, этого... со свистком? Он ведь тоже, к несчастью, Филя...

Агаша вздохнула и грустно заговорила:

— И на Остров мой заветный не попасть мне никогда. Ни-когда-да! Глупая я ведьма, бесталанная! — Повернулась к Филину, посмотрела умоляюще: — Филечка, ты мудрый. Помогите! Ну, что я делаю не так? Что? Ведь я все правила наизусть знаю, а ни-че-го не получается. Такая срамота! Такая стыдоба! — Схватила с кочки потрепанный учебник по левитации: — Почитай-ка сам эту книжищу закла-

тую! На! — швырнула ее Филину и замерла в прежней позе. Филин на лету подхватил разлетающиеся страницы. Пробормотал сердито: «Не красна книга письмом, красна умом» — и, усевшись на корягу, погрузился в чтение. Агаша ждала.

— Уф, — сказал Филин, перевернув последнюю страницу.

Агаша подняла голову и вся обратилась во внимание.

— Слушай меня и запоминай. — Филин прикрыл глаза и заговорил: — Не жди. Не поможет тебе это учение. Колдуй — не колдуй. Ибо переносишься ты туда, куда хочешь попасть больше, чем на Остров своей мечты. Туда, куда рвется твое глупое сердце — сердце не ведьмы, но человека. И ведет тебя сила неведомая, могучая, сокрушающая, неземная. Сила заговоренная. Люди зовут ее...

— Кем заговоренная? — прервав Филина, вскрикнула Агаша. — Скажи, кем?

Филин потупился и как-то стесняясь, сказал:

— Чертям везет, дуракам еще больше везет. Не ведет дурак, что творит... — Повернул Филин голову назад, ухнул: — Вижу, стоит синеглазый, улыбается. Не ждет — дожидается. Не спешит — торопится...

Взмахнул крыльями и улетел. И закачалась тоска на болотных кочках. И подхватила тоска Агашу. И полетел в небо темное плач девичий, плач-тоскун, стон-колдун, сердца крик:

— Ах, что же вы, братья-лиходеи, меня бросили на тоску — змею ядовитую! Ах, да одну меня оставили, вы — силы буйные, силы нечистые! Заклинаю вас, братья, ночью лунною, колдовской звездой чудотворною: где бы вы ни были, за морями синими, за горами снежными, в лесах мертвых, в болотах зыбучих, ой, да найдите моего друга милого хоть бы среди ночи темной, найдите сонного, наступите на грудь белую, вложите в сердце ретивое, в печень горячую из своих уст окаянных, чтоб он без меня не мог ни жить, ни быть, ни пить, ни есть!

«Ни жить, ни быть, ни пить, ни есть... Ни жить, ни быть...» Разносило эхо плач по болотам. Вставала над лесом утренняя звезда.

* * *

Иванов стоял на перекрестке темнее тучи. Бумажник, подарок Раисы, раздуло от рублей и трешек. Свисток Иванов не вынимал изо рта, без конца оставившая водителей и вымещая на них свое гнусное настроение. Мысли у него были черные и липкие. О жене вспоминал почему-то с отвращением, о доме — с тоской. И это его злило еще больше.

И что уж совсем было необъяснимо — светфор светил ему только зелеными огнями. Исчезли и желтый, и красный. А зеленый мерцал и подми-

гивал, вспыхивал и перебежал из одного окошечка в другое. А то вдруг раздваивался, и тогда Иванов с трепетом угадывал глаза ведьмы. «Чур меня», — шептал Филипп Иванович, испытывая в груди сладость и истому. А чтоб отвлечься, штрафовал очередного водителя.

— За что? — шумел водитель.

— А на зеленый ехал, — загадочно объяснял Иванов и вкладывал очередную трешку в бумажник.

А когда часы на перекрестке показали полночь, с Филиппом Ивановичем стали происходить совсем уж удивительные вещи. Почему-то захотелось говорить стихами. И какое-то странное, неожиданно возникшее четверостишие плутало в его голове и не давало покоя.

Закрутила Судьба,
Головы мне не снести.
Без нее мне не жить,
И не пить, и не есть.

«Чепуха-то какая», — думал Филипп Иванович, хотя что-то ему подсказывало, что в этой загадочной чепухе много правды. И все повторялись, все вертелись в его бессонной голове строки: «Без нее мне не жить, и не пить, и не есть...» Что ж это? Что?

И взметнулась душа Иванова, и заплакало сердце, и зашептал он слова странные, ниоткуда возникшие:

— Где же ты, душа-девица? Где, тростинка моя зеленоглазая? Прилетай скорей! Иль не чувствуешь ты, как иссох я весь, ожидаючи!

Сказал и чуть не заплакал, так жалко себя стало. И захотелось почему-то оказаться на необитаемом острове. И чтоб никого вокруг не было, только колдунья эта нежная! «Во до чего докатился! Вот хрень-то какая!» Иванов крепко ругнулся про себя.

А чертовщина дьявольская, бесовская все сатанела вокруг инспектора. За спиной то и дело стали раздаваться неясные смешки и пришептывания.

«Что это? Что?!» Крутанулся Филипп Иванович на месте, ан нет никого.

А смешки из-за спины опять. И кто-то за плечи шинели — дерг! Опять крутанулся Иванов. Ну, нет же никого! Вот когда испугался Филипп Иванович, даже про колдунью забыл, зашептал ошарашенно: «Чур меня! Чур!» сплюнул через левое плечо и даже перекрестился, хотя в Бога, как положено, не верил. И услышал вдруг голос скрипучий:

— Все годится. Только не годится с чертом водиться!

И опять смешочек гнусный последовал.

Вытаращил глаза Иванов, чертыхнулся. А тут рация ожила. А из нее голос Раисы, да такой нежный, такой воркующий:

— Филипушка, родимый, сокол ясный, свет не земной! Истосковалась я по тебе! Скажи, лапушка, любишь ли ты меня по-прежнему?

Взвыл Иванов, шарахнул рацией об асфальт и опять черта помянул. И в тот же миг перед ним черная «Волга» остановилась, вышел из нее, не торопясь генерал, и прямо к нему.

Вытянулся Иванов по стойке смирно, лицом напрягся. А из-под капота машины вдруг раздалось чье-то «апчихи!», и на тротуар шлепнулась здоровая обгрызенная кость. Генерал, не поворачиваясь, поморщился. А Филиппа Ивановича в пот бросило.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — отрапортовал Иванов, но как-то неуверенно. А генерал стоит и смотрит молча. И глаза у него глубокие и дымные. Тревожно стало Филиппу Ивановичу от этого взгляда, а отвести не может, не имеет право. Усмехнулся генерал и спросил неожиданно:

— В картишки балуешься?

— Да какие картишки, товарищ генерал? Я ж на работе!

— Работа не черт, в воду не уйдет, — сказал генерал и тихонько захихикал.

«Чевой-то с ним?» — подумал Иванов.

— Да ничего, — радостно ответил генерал. — Сыграть хочу с тобой. На интерес. Мой интерес.

— Это вы о чем, товарищ генерал? — озадачился Иванов, и мысль вихрем промчалась сумасшедшая: «Так он же телепат! Ой!»

А генерал уже и колоду достал. Оглянулся Филипп Иванович на дорогу, а там ни одной машины, и светофор нормально светит: тремя цветами, как положено. «Все, — обреченно подумал Иванов, — мне полный капец!» А вслух спросил:

— А где ж мы играть-то будем?

— А вот тут и сыграем, — оживился генерал и хихикнул: — Да не дрожи ты!

Наверное, опять мысли прочитал. Достал колоду и стал раскидывать карты. Они ложились веером и застывали прямо на воздухе, как на столешнице.

— Ничего себе! — восхитился Иванов и почувствовал, что испуг ушел совсем. — А в чем ваш интерес, товарищ генерал?

— А нравишься ты мне, сержант. Черт знает как нравишься! — Губы генерала двигались как змеи, то ли улыбается, то ли издевается: — Вот договориться с тобой хочу: если выиграю, то в свою ста... команду забираю. А проиграю, ну вот хоть эту «Волгу» отдам. Возьмешь?

«На кой леший мне эта генеральская машина?» — почему-то возмутился про себя слегка струхнувший Иванов.

— Что, не подходят условия мои? — растянул опять в улыбке рот генерал.

И на Филиппа Ивановича глянули оскаленные длинные клыки желтых зубов. Ледяной озноб пробежал у Иванова по костям. Голова как-то странно опустела, ни одной мысли не осталось. Задрожали в руках карты, но только он собрался сделать ход, как, откуда ни возьмись, обрушился на его руку огромный Филин, выхватил карты, растрепал всю колоду и, ухая, унесся в темное небо.

— Ну ты телепень! Ну хожалый! Хочешь с пахвей меня сбить? — злобно зашептал генерал, глядя вслед Филину. И вскинулись от неожиданно налетевшего холодного ветра ветки деревьев. И погасли огни светофоров. И заскрежетали тормозами замирающие под ними машины.

Насупился генерал, взглянул из-под кучных бровей на Иванова.

— На смерть, что на солнце, во все глаза не глянешь, — пробормотал, задумался: — Что ж... Так тому и быть... — и вдруг загоготал, да не по-человечески как-то. Вторя ему, радостно завизжали по-пороссячи чьи-то голоса, и вмиг пропала «Волга» вместе с генералом.

Оглянулся Филипп Иванович — никого. Дома стоят сонные. Фонари светят тусклые. Все как обычно.

А откуда-то из ночи зазвучали вдруг переливчато колокольчики, и полетел к нему нежный голос зеленоглазой Агаши:

Закрутила Судьба.
Головы мне не снести.
Без тебя мне не жить,
И не пить, и не есть.

— Агаша! — радостно закричал Иванов. — Агаша! Я здесь! Я жду!

А в голове вдруг завыл мерзкий голосочек: «Деньги отдай! Отдай деньги, подлец!»

Закрутился Филипп Иванович на одном месте. Кто? Кто говорит? Нет никого.

— Да бери, черт тебя возьми! — заорал Иванов незнамо кому и швырнул куда-то в темень кошелек с трешками. И опять закричал: — Агаша!

И в этот самый миг она появилась.

— Здравствуй, Филя! — сказала Агаша. Помело тащилось за ней хвостом. А она шла к Иванову, и глаза ее светились радостью.

— Здравствуй, — повторила она. — Время пришло. Летим!

Застыл Иванов, как замороженный. И чувствует, как ну просто до слез хочется обнять эту девчонку и улететь с ней. И какая разница, куда? Только чтобы в глаза ее изумрудные смотреть. И чтобы руками гибкими обвивала. И чтоб... «Ох, — вдруг вспомнил

Иванов. — А как же работа? Ведь я на посту! Народ охраняю. Присягу давал, между прочим. И жена-стерва моя законная. Как с ней?»

Не успел подумать, как потемнели глаза Агаши.

— Не неволю, — сказала сурово. — Только тебе без меня и не жить, и не быть, и не пить, и не есть.

А в голове Иванова вдруг вновь зазвучал чей-то скрипучий голос: «А черт с тобой! Пусть все будет, как она сказала!»

Засмеялась Агаша, словно подслушала голос в голове Иванова, и стукнула метлой об асфальт:

— От Судьбы не уйти. Время пришло...

И взмахнула рукой. И зазвенел воздух. И погасли огни. Только звезды стали ярче и светлее. Только луна качнулась в небе, соскользнула вниз и приблизила к ним свое печальное лицо. Исчезли машины. Куда-то в неизведанную темень вмиг провалился город. А перед Филиппом Ивановичем стояла совсем другая Агаша: переливалось на ней изумрудной зеленью шелковое длинное платье. Плавными завитками спускались на грудь медные волосы. А в огромных, светящихся коловским светом глазах блуждали лунные блики.

— Время пришло, — эхом повторил Филипп Иванович слова Агаши и протянул к ней руки.

Заиграла музыка. Тихая, нежная. На плечи Филиппа легли тонкие женские руки. Пахнуло от волос Агаши ароматом ночных фиалок, и закружилась голова, а ноги сами двинулись по кругу в плавном ритме вальса: раз-два-три, раз-два-три. Все быстрее, быстрее звучала музыка, и все быстрее кружилась грациозная пара в кольце лунного света. Были безмолвны губы. Но слышалась Песня:

Унесет ураган
Злобу, ненависть, месть.
Без Любви нам не жить,
И не пить, и не есть!

И заскользила вверх по небосклону луна, а вместе с ней стала подниматься все выше и выше, отрываясь от земли, лунная площадка, на которой продолжали свой танец Любви двое: Мужчина и Женщина.

— Лети-и-им! Лети-и-им! — донесся с высоты счастливый женский голос.

И запел, заиграл в веселом водовороте вальса летний ветер. Рассыпались светлячками звезды по небосклону.

И не увидели люди, как пролетели по звездной дороге, крепко прижавшись друг к другу, две фигуры. Мелькнули на небе и исчезли из глаз. В Вечность...

А на посту сержанта ГАИ остались лежать сапоги, фуражка и свисток. Такие вот дела...

г. Москва

*Андрей Скляров родился в 1961 году в Москве.
По профессии медик. Поэзией увлекается с детских лет.
Неравнодушен к лингвистике и эзотерике, а в философских
воззрениях ориентируется на перфекционизм. Печатался в журналах
«Куба», «Латинская Америка», в альманахах «Ключ», «Тени
странника», «Юность Плюс», «Истоки», в газетах. В представленную
подборку включены стихи, объединенные русской темой.*

НЕТ ДОРОЖЕ...

Аркаим

Среди сопok уральских стою я у стен Аркаима,
Что построен был арьями в месте глухом и сакральном,
Ему пять тысяч лет — он древнее Хараппы и Рима,
Вавилона и Гизы, Паленке и даже Карала.

Русский я человек — я потомок тех арьев великих,
И душа моя полнится гордостью неудержимо,
Оттого что сегодня под солнца сияющим ликом
Среди сопok уральских стою я у стен Аркаима.

* * *

Знать бы точно, от чего появилось слово «Русь» —
От русалки, от реки или же от кровных уз?

* * *

Алконост и Гамаюн, Сирин и Стратим —
Птицы дивные, где вас нынче мне найти?!

* * *

Свиточек из бересты
Разверни тихонько ты —
Станет новгородский быт
Сквозь века тебе открыт.

* * *

Не достался монголам град Китеж —
Погрузился в глубь озера он,
Но и ныне ты свет там увидишь,
Колокольный услышишь там звон.

* * *

«Барыня, барыня,
Барыня-сударыня...» —
Мне милее танца нет,
Он знаком мне с малых лет,
Он мне тешит слух и взор,
Есть в нём сила и задор,
Как плясать его берусь,
Ощущаю дух твой, Русь!

* * *

Вязь цветов на чёрном фоне,
В обиходе прост —
Пригодится в каждом доме
Жостовский поднос.

* * *

В свой черёд в небесной сини
Растворюсь и я,
Но останется Россия —
Родина моя.

г. Москва

Зулкар ХАСАНОВ

ЖЕНЩИНЫ

ПОВЕСТЬ

Посвящается женщинам России

1.

Майское утро 1941 года в деревне Сергеевка, что на Нижнем Поволжье, выдалось солнечным. Яркие его лучи омыли совсем юное лицо Кольки Смоленцева.

Коля проснулся, протер глаза, огляделся. Сегодня надо ехать на мельницу. Отец обещал взять его с собой. Он быстро вскочил, глянул в окно: отец запрягал лошадей. Мать Коли, Вера Васильевна, и отец, Сергей Андреевич, стояли возле повозки и о чем-то беседовали.

«Мать честная, папа же уедет без меня», — подумал Коля и выскочил во двор.

— Папа, что же ты меня не разбудил?! Я же хотел с тобой ехать на мельницу!

— Рад, сынок, что сам проснулся. Я жду тебя, да вот мать все жалеет и говорит: «Пусть еще поспит, а на завтрак его разбудишь».

— Ну что, мои любимые, идите, кушайте. Да, как говориться, в путь-дорогу дальнюю.

После легкого завтрака тронулись в путь. На улице тихо, заборы роняют на землю свои тени, птички поют, как в раю, осторожно, стараясь не разбудить тех, кто особенно радостно встретил майские праздники. Железные крыши домов побелели от росы. Соседская девчонка, звеня цепями и скрипя колодезным журавлем, достает полное ведро воды. И в нем отражается ее счастливое лицо, усыпанное веснушками. С появлением весенней зелени солнце красиво

оживляет плетеные заборы. Плетеный забор — это не абы что, а часть деревенской культуры. Многие сельчане делают плетеные заборы не по бедности, а для того, чтобы показать себя, свое мастерство.

Пенящиеся волны сирени — свидетельство того, что у десятиклассников время сдачи выпускных экзаменов. Лето не за горами, а вот оно, можно до него дотронуться рукой.

Лето — пора мечтаний, ожиданий. Скоро уставшая от зимних холодов и вьюг публика повенчается с лазурным морем, озаренным яркими лучами южного солнца, будет купаться и загорать.

На западной границе Советского Союза Германия совершает разбой по отношению к своим соседям, захватывая все новые и новые малые государства Европы. Но у нас с фашистами мир, однако на сердце беспокойно, так как на захваченных территориях льются кровь и слезы. Европа полыхает от зажженного гитлеровцами пожара.

Сергей Андреевич Смоленцев и его жена Вера Васильевна испытывали смешанные чувства. Жизнь действительно стала налаживаться — достаток в семье, спокойствие. Дети здоровы, обуты, одеты. И все-таки супругов не покидало чувство тревоги: вдруг начнется война, ведь вот она, рядом.

Сергей Андреевич давно собирался съездить на мельницу. В прошлом году получился неплохой урожай

хлеба, да все никак не мог выбрать время, чтобы смолоть пшеницу.

Какое-то чувство беспокойства толкало его ускорить эту поездку. Наконец-то сегодня с сыном Колей решили смолоть давно заготовленное зерно. Приехали на мельницу рано, но там уже выстроилась очередь из повозок. Присыпанный мукой мельник Даниил, старый знакомый Сергея, встретил его своим звучным приветствием:

— Привет крестьянам!

Они встали в очередь, а Коля тем временем успел излазить все мельничные закоулки. Мальчугану было интересно всюду сунуть свой нос, посмотреть на это чудо — мельницу.

На улице стояло марево, солнце близилось к зениту. Разморенные жарой собаки заползли в тенек, лениво щерясь белозубой улыбкой. Даниил, мускулистый и ладный, сделал знак Сергею, чтобы забирал муку.

Погрузив мешки с молотой мукой на повозку, папа с сыном тронулись в обратный путь. Несмотря на то, что повозка была груженная, доехали довольно быстро. Славные были битюги, низкорослые, мускулистые, как мельник Даниил.

— Тпру, тпру, стойте, окаянные! — Сергей Андреевич слегка натянул вожжи. Пара буланых коней, запряженных в двуконную повозку, остановилась у родного плетня. От разгоряченных коней шла испарина. Они быстро перебирали губами стальные удила, чувствуя скорое избавление

от этих пут. Сегодня смололи восемь мешков пшеницы. Отменная мука получилась. Сергей Андреевич открыл ворота и заехал во двор.

— Коля! Приехали, сынок, слезай. Ступай, зови мать.

Обсыпанный мучной пудрой, словно марципаном, мальчуган ловко спрыгнул с телеги и пошел звать мать. Вера Васильевна, услышав фыркание лошадей и разговор мужа, уже шла навстречу, звеня ключами от кладовой. Сергей Андреевич, ловко водружая на плечи мешки с мукой, легко перенес их в кладовую.

— Хорошо, что съездили сегодня на мельницу. Мука-то ведь кончилась. Испечем свежего хлеба. Правда, Коля? — Вера Васильевна ласково потрепала сынишку по волосам, таким же светлым, как пшеница.

— Ну что, сынок, понравилась тебе наша поездка, утомился?

— Что ты, папа! Нисколько. Мне так интересно на мельнице. Я еще хочу поехать.

Сергей Андреевич — мужик крепкий, как дуб. Не каждый сможет с ним потягаться в силе и в крестьянской работе. Он силен и ловок. Про таких говорят: двужильный. Да и красотой его бог не обидел. Голубые умные глаза, как два озера, в которые женщины гляделись, не стесняясь. А одна, Вера, там и вовсе утонула.

— Вера! Посмотри у мальчугана зашибленную ногу да смажь йодом. Черти его носили где ни попадя, где зашиб, не знаю.

— Ладно, не беспокойся, сейчас посмотрю. Ты сам-то определи коней и иди обедать.

Сергей Андреевич отогнал коней на конный двор. Битюги медленно, словно разогретый утюг, остывали. Напоив их водой из глубокого деревянного корыта на конном дворе, Сергей дал корм, поставил их в стойло.

— Ну, милые, вы сегодня славно потрудились, молодцы!

Погладив буланых, Сергей Андреевич вышел из конюш-

ни и направился на кухню. Вера Васильевна уже накрыла стол.

День прошел в трудах и заботах. К вечеру усталость дала о себе знать.

— Сереженька, давай помогу тебе снять сапоги, раздевайся и ложись спать. Наверно, утомился за день. Коля уже спит.

Раздевшись, аккуратно повесив брюки и рубашку на спинку стула, Сергей улегся спать.

Сергей Андреевич проснулся, как всегда, рано. Вера уже подоила корову и отправила всю живность в стадо. Забрел рассвет. Солнце еще нежилось на розовой подушке утренней зари, покрытой облачностью. Утро многообещающе улыбалось. С каким настроением встретишь раннее утро, таков и будет день.

Вера истопила печь и испекла хлеб из муки свежего помола. Запах хлеба разбудил детишек. Чистенькие, вихрастые, в цветастых рубашках, которые шила сама Вера Васильевна, они потянулись на кухню. Казалось, от мамы, хлеба и детей исходит лучезарное сияние. Неумная энергия ребятешек бьет через край, заряжает родителей и окружающее пространство. Мальчишек трое: старшему Коле десять лет, Ване восемь, Валерке шесть. Они быстро умылись, привели себя в порядок и уселись за стол в ожидании завтрака.

— Мама! — позвал Коля. — Ты испекла хлеб из той муки, которую мы с папой вчера привезли с мельницы?

— Конечно, сыночек! Сейчас будем завтракать свежим хлебом. Только много его не ешьте, может заболеть живот.

— Ваня, я с папой ездил на мельницу. Ты знаешь, как мельница сильно шумит? Людей на мельнице много. Все на лошадях, запряженных в повозки, приехали молотить муку. Я видел, как падает с деревянного лотка прозрачная струя воды на мельничное колесо, и от этих брызг при ярком солнечном свете образуется красивая радуга.

— Папа, а почему ты нас не взял с Валеркой на мельницу?

Отец, прижимая Ваню и Валерку к себе, ласково сказал:

— Придет время, и вас возьму, дети, подрастите немного.

Вера Васильевна напекла хлеба и блинов из муки свежего помола. Блины дети кушали, запивая парным молоком, которое пахло коровой, травами, теплом и летом. Завтрак — пальчики оближешь.

Самый младший, Валерка, обнял маму и нежно ее поцеловал. Ребята, встав из-за стола, стали собираться в школу. Начинаются летние каникулы. А значит, скоро можно немного повалять дурака...

— Ну, жenuшка, — ласково обратился Сергей к своей любимой, — не очень ты устаешь от наших мальчишек?

— Что ты, Сережа, как можно устать от своих детей. Я их очень люблю и хочу, чтобы они выросли добрыми, честными, образованными. Что с ними, Сережа, будет? Ой, не знаю...

— Верочка, одному Богу известно, как сложится их жизнь. Сейчас времена не простые, надо ко всему быть готовым. Самое главное, чтобы выросли наши мальчишки здоровыми.

— Ваня и Валерка вон как к тебе ластанся. Хотят, чтобы ты их тоже брал с собой.

— А как же? Так и я лянул повсюду к своему отцу. Хорошие они у нас! Только как в пословице? Хвали день по вечеру, а сына — когда борода вырастет. Каких детей мы с тобой вырастим, такими они и будут. Как говорится, гни дерево, пока молодо, учи ребенка, пока мал. Ничего, даст бог, вырастим не хуже, чем у других. Подрастут, будут сами решать, кем им быть. Конечно, нужна им постоянная наша поддержка. А как же иначе?

Июньские летние дни утекали, как вода горного потока, быстро и мимолетно. Казалось, только вчера проводили майские праздники, а сегодня уже двадцать второе июня. Не успе-

ли оглянуться, как подошло время покоса летних трав. Сегодня собрались на дальние луга косить траву-мураву. Вера с домашними делами управилась, должна сейчас подойти ее родная тетя Мария Сергеевна, чтобы присмотреть за детьми. Она вышла во двор поить телка. Телок, сунув голову глубоко в ведро, жадно допил пойло, затем мотнул головой и подбросил вверх ведро, которое с грохотом упало на крыльцо.

Когда вернулась, увидела, что Сережа притих и слушает радио. Говорил известный диктор Все-союзного радио Юрий Левитан: «Передаем сообщение...» А дальше он сообщал, что фашистская Германия внезапно, без объявления войны, напала на Советский Союз.

Мирная жизнь рухнула, началась совсем другая, неизвестная жизнь.

Сергей Андреевич и Вера Васильевна притихли и, затаив дыхание, внимательно, с серыми лицами, слушали радио.

— Какое вероломство, — вздохнул Сергей. — Как же так можно — заключить пакт о ненападении, а потом взять и напасть?

— Сережа, что теперь будет? Не успели мы как следует оправиться, пожить в мире да в достатке, а тут фашисты!

— Ну, ничего, ничего! Они еще узнают силу и могущество нашего государства. Советские люди сумеют постоять за свою Родину и свободу. Верочка, завтра же пойду в военкомат, чтобы меня отправили добровольцем.

Вера Васильевна всплеснула руками и уткнула нос в передник...

На другой день председатель сельского совета Иван Давыдович Ефремов провел короткое совещание с руководящим составом села. Разговор состоялся бурный. Иван Давыдович едва успокоил разгоряченных односельчан и продолжил:

— Наша Родина испытала в своей истории много войн. Какие только захватчики не приходили на нашу землю! Война — это страшное бедствие для народа, смерть, слезы и то-

ска. Сколько же невинных людей погибнет? Страшно даже подумать! Для всех пришли тяжелые испытания, но нам надо крепиться, не падать духом, работать за двоих, за троих. Только героический, самоотверженный труд поможет нам одолеть врага.

Люди вставали со своих мест, дымили сигарками, всем хотелось выступать, говорить, чтобы заглушить волнение, боль, негодование.

Над избой сияло солнце, но его сияние не грело, а жгло.

Все говорили, что надо удесятерить силы для борьбы с фашизмом, работать не покладая рук, проявлять бдительность, пресекать панические настроения.

Сергей Андреевич, считая себя патриотом, борцом за великую правду, хотел немедленно ехать на фронт. На другое утро отправился в райвоенкомат, который находился в селе Алексеевка. Принял его молодой, но уже поседевший майор:

— Товарищ Смоленцев, вы не спешите. Мы сейчас будем призывать в армию военнообязанных, молодых. А как понадобитесь, вызовем.

— Товарищ майор, не время мне сейчас засиживаться дома. Жив был бы мой отец, он не простил бы, что я прохлаждаюсь в тылу. Будь прокляты фашисты!

— Смоленцев, вы сейчас нужны деревне. До свиданья!

Сергей Андреевич понуро, тяжелыми сапогами выдавливая скрип из половиц, пошел к выходу.

Война ворвалась в размеренную жизнь деревни, в ее быт и уклад, установленный в прошлые годы. Люди стали нервные, серьезные, собранные, напряженно трудились, отдавая все силы для фронта, для победы над врагом.

За новобранцами стали призывать мужчин и постарше. Фронту требовалась живая сила.

2.

Декабрь 1941 года. Воет вьюга, снежные хлопья, смешанные с мукой,

кружат по двору зернохранилища деревни Сергеевка. Стоит шум от работающих веялок на эстакаде зернохранилища. Женщины с суровыми лицами заканчивают очистку оставшегося зерна. Надо вывезти все переработанное зерно на элеватор. Районное начальство, надрывно кашляя, требует, чтобы план по сдаче был выполнен непременно и сегодня. Заведующий зернохранилищем, спокойный и покладистый мужчина лет шестидесяти, Иван Сидорович Ковров оглядел женщин, работающих в зернохранилище.

— Бабоньки, давайте сделаем небольшой перерыв. Отдохните немного, переведите дух.

Бабы оживились, сгучились вокруг Ивана Сидоровича.

— Иван Сидорыч, как теперь будем жить-то без мужиков? Как там наши? Надолго ли эта война? — спрашивали они.

Иван Сидорович, почувствовав внимание женского коллектива, приосанился, остепенился. Деревенский плотник и столяр, хозяин своего слова, строитель, он давно заведовал зернохранилищем. Если бы был призывного возраста, уже бы подался на фронт. В своей жизни он перенес немало испытаний, но несмотря на годы чувствовал себя бодро и женщинам оказывал деликатное внимание, старался успокоить, поддержать, чем можно, в трудные минуты.

— Ничего, ничего, бог даст, одолеем мы немца. Враги не раз уже испытывали Россию-матушку на прочность и всегда оказывались битыми. Чем лучше будем работать в тылу, тем быстрее победим врага. Сергеевна, посчитай, хватит ли у нас мешков, чтобы отправить все заготовленное зерно.

— Хватит, хватит, — доложила Мария Сергеевна, тетка Веры Васильевны, помощница Ивана Сидоровича. — Я уже посчитала, у нас более ста пятидесяти мешков, а нам нужно сто двадцать.

Но Сергей Смоленцев, словно битюг, закусивший удила, продол-

жал работать неистово, с яростью, заполняя мешки и перетаскивая их к выходу из зернохранилища.

— Сергей, милый человек, хватит, остепенись, отдохни немного.

— Иван Сидорыч, надо поторпливаться, иначе не успею сегодня.

— Да будет тебе, Сергей, смотри, весь мокрый. Ты вспотел, пот течет градом, застудишься. Сними рубашку, оботрись насухо и надень мой свитер.

Но Смоленцева захватила стихия ратного подвига. Он решил, что в тылу тоже фронт. Он не должен ничем отличаться от настоящего, где рвутся снаряды и погибают люди.

Беспокоилась о здоровье Сергея и Мария Сергеевна.

— Сергей, ведь простудишься, что же ты не слушаешь Ивана Сидорыча? Переоденься в сухую одежду.

— Ничего, не впервой. Что это за работа, когда не потеешь? — устало улыбнулся он. — Не переживайте, ничего не случится, не переключать же эту работу на хрупкие женские плечи. Жалко их. Мужиков в деревне осталось почитай совсем ничего: я и трактористы Женька и Димка. У них своей работы по горло, надо готовить технику к посевной.

Сергей стал работать еще усерднее, оставив без внимания просьбы заботливых друзей — Ивана Сидоровича и Марии Сергеевны.

— Ну смотри, не дай бог, заболеешь, о себе не хочешь — подумай о детях!

Иван Сидорович любил Сергея как родного. В Первую мировую войну сражался вместе с отцом Сергея. И потом почти заменил ему отца, оставшегося гнить в окопах...

Не жизнь, а сплошные вихри враждебные. Землю сотрясают войны, революции, народ пошел беспокойный, шебутной. Только вроде бы отошли, как воды из женского чрева, смуты, коллективизации. Деревенские босяки радовались, что пришло новое время. Богатых, которые не хотели делиться, раскулачивали. И бо-

гатые, глядя на то, как гольтьба отбирает их имущество, остервенели. В одночасье они превратились во врагов, в кулаков, резали свою скотину, чтобы не отдавать колхозу.

Но и это отошло в прошлое.

Жизнь стала налаживаться.

Сергей и Вера поженились в 1929 году, когда Сергею исполнилось двадцать лет, а Вере — едва восемнадцать.

Сергей Андреевич — высокий, статный брюнет с голубыми глазами, завораживающий девчонок с полувзгляда. Пальцы темные, как детали механизма, впитавшие в кожу моторное масло от постоянной возни с машинами, тракторами. Он вместе с шоферами и трактористами служил честно этой технике, являясь как бы ее неотъемлемой частью. Человек-труженик.

Вера Васильевна — голубоглазая блондинка, красавица из детской сказки, со светлой и открытой душой — работала в школе, преподавала серьезным детям и балбесам математику и заочно училась в институте. Ее родители привили ей любовь и уважение к людям, помогали в трудные минуты жизни словом и делом. По просьбе председателя колхоза Вера иногда в правлении консультировала счетоводов и бухгалтеров, помогала составлять годовые балансовые отчеты. Еще два года заочного обучения в пединституте — и получи, студент, путевку в жизнь!

Как бы ни было трудно, Сергей и Вера шли вперед, крепко взявшись за руки. Конечно, помогали им родители, особенно мама Веры Васильевны, Антонина Сергеевна, да ее сестра Мария Сергеевна.

Но молодость брала свое. Нарожали детишек, обустроились, как могли. Но все их дела осеняла любовь. Как говорят, где любовь, там и бог. Жили ладно, жадно и счастливо. И вот опять двадцать пять! Вторая германская! Но врешь — не возмешь, и Сергей, упрямо сжав зубы, шел на мешки с мукой, как на врага.

Иван Сидорович попросил Сергея помочь затарить зерно в мешки и вынести их на эстакаду зернохранилища. Сегодня Сергей работал без отдыха, на улице уже темнело, хотелось поскорее закончить. Дома ждут жена и дети.

Запахавшись, прибежал Коля.

— Папа, я тебе принес повестку из военкомата, пойдем скорее домой.

— Вот и до нашего главного механика добрались, — покачал головой Иван Сидорович. — Иди, Сергей, собирайся в дорогу, мы тут без тебя управимся, видно, забуксовала наша краснознаменная и легендарная...

— Иван Сидорыч, да что мне собираться, успею. Осталось совсем немного перенести. А ты, Коля, иди домой, я скоро буду.

Упругий ветер хлещет в лицо. Небо серое, низкое. Солнце запропастилось куда-то, словно его и нет. Односельчане провожают Сергея в армию. Слез не было, все выплакали. Немцы на подступе к Москве. Фронту нужна новая живая сила. Смерть, как ворон, ворожит над полями черным своим крылом.

Ночью у Сергея поднялась температура, он ворочался с боку на бок и глухо кашлял. О своем недомогании на сборном пункте Смоленцев ничего не сказал, посчитав, что совестно жаловаться на простуду, когда другие гибнут.

Он оставил за спиной мирную жизнь и бесстрашно шагнул туда, где смерть.

В вагоне с новобранцами стояли шум и гам. Посреди вагона топилась буржуйка. Сергею определили место на второй полке, рядом с парнем из Тепловки, которого звали Юрием.

Юра, слушая, как кашляет сосед по полке, спросил его:

— Ты, наверно, простудился, друг, тебе надо лечиться, а не на фронт ехать.

— Ничего, брат, не кисейная барышня, — отозвался Сергей.

Но частый сухой кашель и покрасневшее лицо не удалось скрыть от командиров. Вечером по-

дошел к Смоленцеву старшина и сказал решительно:

— Смоленцев, вы что, больны? У вас лицо красное, вы случайно не пьяны?

— Что вы, товарищ старшина! Как можно?! Я на службе. Я, наверно, простудился.

Смоленцев сильно раскашлялся, его знобило.

Старшина немедленно доложил об этом начальнику эшелона. Врач порекомендовал отправить заболевшего домой. Смоленцева высадили на ближайшей станции и передали по этапу военному коменданту, чтобы вернули его домой до полного излечения.

3.

Уже смеркалось, когда Вера Васильевна, получив телеграмму, в спешке поехала за мужем на станцию Зов.

Сергей с темными кругами под глазами кашлял и тяжело дышал. Вера Васильевна внимательно взгляделась в лицо мужа. За короткое время он сдал, его звонкий голос стал каким-то приглушенным. Мучили Сергея озноб с температурой под сорок градусов и глухая боль в груди. Лицо раскалилось, как печка, нос заострился.

Вера Васильевна подумала: «Пришла в дом беда». И тут же подкосились ноги, боль и страдание прожгли душу, закружилась голова. «Что это я?» — оборвала себя Вера. Взяла ком снега, обтерла лицо. Потемнение в глазах стало исчезать, прошла и минутная слабость.

— Я за тобой, Сережа, — скрывая свой дрожащий голос, сказала она. — Поедем в больницу. Ты, наверно, заждался. Садись скорей в сани. Я положила много соломы, чтобы было тепло. Давай я тебе помогу надеть тулуп.

— Спасибо, Верочка. Как там наши дети?

— Дети хорошо, Сережа. Коля помогает. Ну, родимая, давай, поехали, — дернула вожжи Вера

Васильевна, и серая кобыла понеслась рысью в сторону Алексеевки, взметая тучи снежной пыли.

Подъехали к районной больнице. Вера, взяв Сергея за руки, двинулась к двери приемного покоя. В кабинете врача мирно тикали настенные часы, врач Павел Иванович Сизов что-то объяснял медсестре.

— Павел Иванович, можно к вам? — обратилась Вера.

— Можно, можно, — мягким баритоном отозвался доктор. — Проходите, слушаю вас.

— Павел Иванович, извините, что мы ворвались в ваш кабинет торопливо, без формальностей, но время не терпит. По-моему, мой муж серьезно заболел.

Павел Иванович долго и внимательно смотрел, слушал больного, затем удрученно сказал:

— Да, батенька, задали вы мне задачку.

— Спешка, хотели закончить работу за день, надо было выполнить план сдачи зерна, — выдавил осипшим голосом Сергей. — Сильно вспотел, вся одежда была мокрая, ну и, наверно, простыл.

Сделав многозначительную паузу, доктор сказал:

— Как говорится, поспешишь — людей насмешишь. Я вас постараюсь вылечить. Сейчас сделаем рентген, положим в стационар.

Вера Васильевна, меряя шагами вдоль и поперек больничный коридор, терпеливо ждала, что скажет доктор. Отправив больного на рентген, Павел Иванович вышел к ней.

— Оставлю вашего мужа в стационаре. Он серьезно болен, полагаю, у него крупозное воспаление легких, будем лечить, бог даст, все обойдется.

— Вера, не расстраивайся, — тихо говорил Сергей, обняв жену за плечи, хрипя и надсадно кашляя.

Но Вера так расстроилась, что уже не скрывала слез.

Павел Иванович приходил в больницу рано. Еще до утреннего обхода заглядывал к Сергею.

— Смоленцев, как дела?

— Слабость, болят бока, что-то там шумит, а самое главное — кашель мучает и жар.

— Воспаление легких, батенька, воспаление. Шумят плевры, они тоже воспалены. Крепитесь!

Тревоги навалились на Веру Васильевну неподъемным грузом. Муж в больнице, а дети беспризорные. Когда стало совсем невмоготу, пригласила к себе добрую тетю Машу, младшую сестру своей мамы. У тети Маши своих детей не было. И вся ее не растратенная материнская нежность пролилась тихим и ласковым ливнем на детей племянницы.

— Эх, не было печали, черти накачали, — сказала тетя Маша. — Не уберег Сережа себя, хотя Иван Сидорович его предупреждал. Бесшабашный, как и отец его, тот тоже все работал, торопился, а куда?

— Известно куда, тетя Маша! На фронт! Он не пропускает ни одного сообщения о положении дел. Переживает, как там наши. Как себя уберечь, когда страна в опасности! Пришел с работы выжатым, как лимон. Мокрый, уставший. Работал, раздевшись. А сейчас не май. Помещение не отапливается. Вот и результат. Господи, сохрани его!

— Вера, не расстраивайся, даст бог, все обойдется. Только тебе-то каково?

— Ничего, тетя Маша, справимся. Во здравие Сергея будем трудиться и молиться.

Тетя Маша оставалась с детьми, а Вера после прихода детей из школы каждый день бежала за семь километров, несмотря на погоду, в больницу, к мужу. Носила свежий куриный бульон, чтобы скорее поднять его на ноги. Сегодня, едва переступила порог, столкнулась с доктором.

— Здравствуйте, Вера Васильевна. Ему стало лучше, но опасения еще большие. Болезнь очень серьезная. Поражена плевра — защитная оболочка легких. Придется обе-

регать его от простуды, без вашей помощи нам эту болезнь не одолеть. Лечим в основном сульфаниламидами и народными средствами.

— Хорошо, Павел Иванович, дай бог вам здоровья. Дети соскучились.

Так шло время, зима жгла морозами, наступала, как немец, а Вера отпаивала мужа куриным бульоном, вырывала его из цепких лап смерти, бегала с кастрюлей отварной картошки с куриным мясом, завернутой в газету, чтобы не остыла. И вырвала.

Сергей Андреевич пошел на поправку. Лицо посвежело. Но доктор Сизов в чеховском пенсне не терял бдительности, ежедневно тщательно постукивая и выслушивая больного Смоленцева. Пока все шло по плану.

— Спасибо вам большое, Вера Васильевна. Куриный бульон — это сильная прибавка к нашим лекарствам, — однажды, улыбнувшись из-под усов, сказал Павел Иванович. — Пожалуй, на той неделе в среду мы его выпишем.

Над деревней выкатило яркое, почти такое же, как и до войны, солнце. На душе у Веры радость. Она встала рано. Убрала за скотиной, дала корм. Пошла на конный двор, запрягла лошадь в сани, о чем накануне был у нее договор с председателем колхоза.

За работу Вера Васильевна не беспокоилась. Директор школы, Николай Васильевич, частенько интересовался, как здоровье Сергея Андреевича. Помогал Вере Васильевне, как мог, перекраивал расписание.

Дорогу запорошило снегом. Вера опять в который раз впрягла серую кобылу, взмахнула прутиком, потянула слегка вожжи. Деревня просыпалась, над избами колечками завился дымок. Бабы уже давно хлопочут у печей — пекут хлеб, готовят еду своим семьям на целый день. Жизнь продолжает идти своей размеренной поступью, переступая через все трудности и страдания.

Приехав в больницу, Вера Васильевна пошла за Сергеем.

Он уже выписался, сидел в коридоре в ожидании жены.

— Сережа, ты готов? Собирайся.

— Я готов, только надо познакомиться с доктором и медсестрами.

Услышав разговор, вышли в коридор Павел Иванович и медсестры.

— Спасибо большое вам, дорогие наши целители, что вы нас вылечили, — в один голос, почти что хором, загомонили Смоленцевы. — Будем вас вспоминать с благодарностью.

Доктор, улыбнувшись из-под усов, на прощание посоветовал Сергею Андреевичу беречь себя от простуды и пить настои из трав.

И вот опять дома, родные стены, сыновья, любимая жена, печь, запах хлеба. Но не прошло и двух дней, как, широко распахнув двери и напустив морозцу, ввалились два веселых тракториста, Дмитрий и Евгений.

На улице мело во все пределы. Дмитрий и Евгений долго топтались в снях, стряхивали с себя снежный намет. В открытую дверь клубами уходил из дома теплый воздух, а снизу врывался поток холода. Встречал гостей Коля.

— Дядя Женя, пожалуйста, входите быстрее, а то папе холодно. Я сейчас смету с вашей одежды снег. — И вот уже в руках у Коли одежная щетка, тулупы гостей блестят каплями влаги, как новенькие.

— Ну, здравствуй, Коля!

Как дела? Как учишься?

— У меня все нормально, стараюсь. А папа болеет.

Трактористы очень уважали Сергея, искренне желая, чтобы он скорее выздоровел. Механизмы без хозяйской руки тоже выходили из строя и болели, как и опытный механик.

Голоса трактористов вывел из дремы Сергея.

— Сережа-а! — протяжно зашумел Евгений. — Что это мотор у тебя захандрил? Не время болеть, дружище, заводи дизель!

— Да понимаю, что не вовремя. —

Бледный и спавший с лица Сергей предстал перед трактористами. — Послушал бы Ивана Сидоровича, может быть, и не простудился бы. Он меня предупреждал. Да что говорить! После драки кулаками не машут. Спасибо, ребята, что решили меня навестить. Целый месяц в больнице дурака валял.

Трактористы пришли не с пустыми руками, Женя поставил на стол бутылку водки. Сергей достал из печи тушеную в чугушке картошку, стаканы и краюху хлеба.

— Ребята, наливайте, угощайтесь, я пить не буду, — заявил Сергей.

— Как не будешь? А за здоровье? — настаивал Евгений.

— Ребята, я еще плоховато себя чувствую, боюсь, водка может мне повредить.

Коля находился в комнате и слышал разговоры взрослых.

— Что ты говоришь, Сергей?! От водки еще никто не умирал, а наоборот, — подхватил Дмитрий. — Водка — лучшее лекарство от простуды.

Стаканы наполнились до краев.

Коля подошел к отцу и, как взрослый человек, решил предостеречь его от выпивки после такой тяжелой болезни.

— Папочка, ты не пей, пожалуйста, тебе нельзя, ты же очень тяжело переболел, — чуть не плача, произнес Коля.

— Коля — молодец! Беспокойтсся о твоём здоровье.

— А как же! Он у меня вообще отличный парень: учителя в школе его хвалят.

Дмитрий повернулся к пареньку и успокоил его:

— Коля, твой отец сильно переболел простудой, а простуду надо лечить водкой. Когда вырастешь, сам поймешь, батя знает, что делает.

Коля, насупившись, молча ретировался. Сергей некоторое время в нерешительности вертел в руках стакан, но потом подумал, что надо уважить ребят, которые пришли навестить его после выздоровления. Они выпили с кря-

ком. Ледяная водка как огнем обожгла горло и все внутренности.

— Водка-то холодная, стерва! Где же вы ее откопали? Надо было бы ее согреть.

— А кто же водку, родимую, теплой-то употребляет? И к тому же зима. Водку мы брали в сельпо. У них в подсобках — лютый холод. Не бойся, Сережа, от холодной водки еще никто не умирал, — усердно хрустел огурцом Дмитрий.

Допив остатки и пожелав Сергею скорейшего выздоровления, гости отправились восвояси.

У Сергея поплыли круги в глазах, лампа накренилась, ему стало не хватать воздуха...

Вернулась с работы Вера, прибежали с улицы младшие. Вера сразу заметила в муже что-то неладное. Он лежал, уткнувшись лицом в подушку.

— Сережа, ты меня, наверно, заждался. Я рвалась домой, да никак не могла уйти пораньше. У ребят сегодня контрольная работа была.

Сергей приподнял отяжелевшую вдруг голову, но в тело словно вонзилась огненная стрела. Жена, испугавшись, измерила температуру. Ртутный столбик зашкалил за отметку в 40 градусов. Внезапно появилась кинжальная боль в груди, сильнейшая одышка, резкое учащенное сердцебиение, лицо стало бледным и покрылось холодным потом.

— Верочка родная, любимая, прости меня за то, что я натворил, — едва слышным, совсем осипшим голосом сказал Сергей. — Приходили ко мне Дмитрий и Евгений, ну мы и выпили, как говорится, за здоровье, водка была очень холодной. Я не мог обидеть ребят.

Он задыхался и говорил тихо и не совсем внятно.

— Так и запиши, Вера, что твой муж погиб по глупости, от водки.

— Господи спаси! Типун тебе на язык. Умирать собрался? А о нас не подумал? Как я без тебя с детьми?

— Прости, моя дорогая Верочка! Я теперь, пожалуй, не жилец на этом свете. Сильно не расстраивайся,

люди тебя не оставят в беде, помогут. Если встретишь хорошего человека, выходи замуж. Коля уже взрослый, будет тебе помогать. — Последние слова он едва выговорил, свет потух в глазах, и больше он ничего не помнил.

Вера вдруг обмерла, как будто дерево, подрубленное под корень, слезы градом посыпались из глаз, она закусила косынку, чтобы не разрыдаться в голос, но взяла себя в руки. И сворачивая на пути ведра и скамейки, помчалась запрягать лошадь. В больницу, к Павлу Ивановичу. Надо успеть.

Но Сергей уже обмяк, лицо его посерело. Она, наконец, дала волю слезам и завывала в полный голос:

— На кого же ты оставил детей, мой любимый? Как же теперь я буду жить?!

Рыдала Вера долго, то всхлипывая, то просто сидя и бестолково уставившись в одну точку, а вместе с ней затаили печальную песню плача и дети...

А потом были похороны. Возле избушки Сергея столпилась вся деревня. Бабы, перевязанные платками и шарфами, детишки притопывали, виновато постукивая валенками. Дмитрий и Евгений и оставшиеся в деревне пожилые мужчины несли гроб, где лежал человек, с которым вчера еще пили водку. До кладбища, хотя и недалеко, идти нелегко, так как ночью выпал снег. Носильщики шли, не останавливаясь, периодически сменяя друг друга. Дмитрий и Евгений до конца еще не сознавали, что не стало друга на все времена.

У Веры Васильевны для укора не было сил. Она вся как-то сразу ослабла, словно из-под нее выбили опору. Горе тупым обухом ударило по голове: совсем недавно похоронили мать, Антонину Сергеевну, а теперь вот и Сергей лежит в гробу и такой чужой, уже не родной. А Вера еще не отвыкла от него, от его тепла, ласк, любви, голоса, которые еще витали где-то здесь,

рядом, возле, над ней. Она даже слышала его, слушала в последний раз.

День выдался какой-то серый и холодный, словно погода тоже решила справить по Сергею траур.

В большой скорби и печали шли за гробом люди. На кладбище много и бестолково говорили. С прощальной речью выступил председатель колхоза Филипп Яковлевич Боровой, потом заведующий зернохранилищем Иван Сидорович Ковров, директор школы Николай Васильевич и один из «друзей-товарищей» — Евгений. Он едва выговаривал слова, запинаясь, губы дергались как-то неестественно, он старался не зарыдать, сморкался и утирал шапкой красные глаза:

— Да, не уберегли мы Сергея, случилось все как-то по-мальчишески, глупо и безответственно, умер он из-за нас. Вера Васильевна, прости ты нас, дураков.

Коля смотрел на мертвеца в гробу, который еще вчера был его отцом, окаменев. Вера Васильевна уже наплакалась, не было больше сил. Она всегда была сильной и волевой, и тут не хотелось давать волю слезам. Да и не верила она еще тому, что случилось, как будто приснилось ей, и вот он никак не проснется.

Похоронили Сергея на деревенском кладбище, и жизнь в заштопанных валенках пошла дальше. А за нею — каждодневные заботы, работа, война...

4.

Время лечит. Вера Васильевна много работала, много хлопотала по хозяйству, стараясь усталостью заглушить тупую боль и безысходность. С детьми общалась в основном за столом, когда обедали.

— Мама, я, когда вырасту, пить не буду. Я не люблю пьяных, их разговоры, они даже при нас иногда выражаются.

— Правильно, Коленька, сынок. Водка — белая смерть, отняла у нас отца, и потом пьяный — все одно что безумный. Он теряет стыд и совесть.

Так вот и пошла жизнь дальше в семействе Сергея.

Пришла весна, выглянуло солнышко, зазеленели листочки на деревьях, не желая мириться с тем, что война и горе. И закружили хороводом заботы, дни складывались в месяцы, месяцы в годы... Весной сеяли просяночку, на зиму — рожь. На ручной мельнице делали крупу. Ранней весной собирали на колхозных полях прошлогоднюю картошку, пропускали ее через мясорубку и пекли почерневшие лепешки. Выращивали много тыквы, свеклы.

Председатель колхоза Филипп Яковлевич Боровой иной раз, когда очень туго становилось, разрешал брать на свиноферме жмых, который привозили для свиней. Конечно, в жмыхе в основном подсолнечная шелуха, но дети высасывали оттуда остатки семян.

Коля возмужал, окреп, он теперь был вместо отца, помогал матери по хозяйству, управлялся с братьями. Без конца рвались обувь, одежда, надо было все это чинить. И вот он в один из дней, когда мать сидела на табурете, смиренно сложив на коленях натруженные руки, сказал каким-то не своим, а словно позаимствованным у отца голосом:

— Мама, я схожу к дяде Ване, посмотрю, как он чинит валенки.

— Сынок, ты еще мал чинить валенки, в этой работе нужна сила, чтобы шилом прокалывать войлок, да и дратву нужно хорошо протягивать, когда стегаешь.

— Мама, я сумею, я сильный. — И, не став дожидаться, что ему ответит мать, выбежал из избы.

Дяде Ване было уже за шестьдесят. Он валял отличные валенки. Мастерской человек никогда не отказывал односельчанам в помощи, подсказывал, советовал.

— Коля, проходи, сынок. Зачем пожаловал?

— Дядя Ваня, у Валеры валенки прохудились, я хочу сам починить, подскажите, как.

— Сейчас разрешим твой вопрос. — Он достал большой, словно паровозная труба, старый натруженный валенок, который ему принесли для подшивки, и веско сказал: — Самое главное — не суетись, подготовь инструменты, материалы, ек-макарек. Для начала, ек-макарек, надо из старого валенка вырезать заплату по размеру подошвы. Чтобы было теплее, можно сшить вместе две заплаты. Приготовь дратву, ек-макарек. Дратва — основной материал в этом деле. Свей жгут из льняных нитей. Затем вот этот жгут, ек-макарек, надо хорошо натереть ваксой, смолой, чтобы нити не распадались. Вот такое шило с крючком на конце понадобится. Я тебе, сынок, найду, у меня есть лишнее...

В избе пахло пшеничными блинами, и у Коли потекли слюны от голоду. Он старательно глотал их.

— Коля! — крикнула из кухни Нина Дмитриевна, жена Ивана Петровича. — Иди-ка.

Коля ждать себя не заставил, покушал горячие пшеничные блины с кислым молоком, обжигая губы. Отблагодарив Нину Дмитриевну за угощение, вернулся к дяде Ване.

— А дальше, Коля, вот так: сшитые в два слоя заплаты аккуратно прикладываем к подошве валенка, прихватываем в нескольких местах дратвой. Только после этого основательно пришиваем заплату к валенку.

Пьяный от сытости подросток кивал остриженной наголо головой, так напоминающей отцовскую...

Придя домой, Коля рассказал маме, как его встретили дядя Ваня и тетя Нина, как угощали блинами.

— Ничего, сынок, мы тоже осенью соберем просо, намолотим пшеницу, пропустим через ручную мельницу и получим муку, а потом также будем печь блины.

— Мама, для дратвы нам нужен лен.

— Да лен у нас в огороде самосевка, мы за ним и не ухаживаем. Будем сеять, раз надо, он у нас хорошо растет.

С тех пор каждый год сеяли на огороде лен, сушили его, потом долго замачивали в воде и опять сушили. После сушки лен мяли на мялке и получали волокна, которые можно было прясть. Из этой пряжи шили одежду и делали дратву.

А Коля вращал в роль хозяина. Как-то раз углядел, как ловят рыбу в пруду какой-то причудливой корзиной с конусами внутри. По знакомой тропе пошел к дяде Ване, чтобы узнать, как делают корзины.

— Это не корзины, Коля, а «морды», так их называют. Внутрь «морды» рыба заходит легко, а выйти обратно не может. Это все просто, я тебя научу, только нарежь ивовых прутьев возле реки. Приходи завтра утром, и мы вместе с тобой сплетем «морду».

— Хорошо, дядя Ваня, обязательно приду.

Научившись плести «морды», Коля принес домой рыбы, которая, блестя боками, прыгала в маленькой ивовой корзине. Мать, спрятав покрасневшие глаза от сына в передник и гремя чугунами, подумала: «Совсем как Сережа, кормилец...»

5.

Бравые трактористы Дмитриев и Евгений рвались на фронт, но военком был непреклонен:

— Здесь тоже фронт. Вы выращиваете хлеб, заготавливаете дрова. Армии и фронту это все ой как необходимо. Будет приказ — призовем, а пока работайте.

Приказ не замедлил явиться, и трактористы, последние колхозные мужики, отправились на передовую. Перед отъездом зашли попрощаться с Верой Васильевной.

Вера после смерти мужа стала богобоязненной. Вспомнила она, как ее мать, Антонина Сергеевна, когда была жива, молилась за здоровье всех, а перед Пасхой долго и основательно постилась. В ее детской и чистой душе глубоко сохранилась память о матери, о Боге, который, как

ни изгоняли его, все равно упорно смотрел с потемневшей от времени иконы в красном углу. Будучи учительницей, Вера скрывала Бога, он жил в ее душе, как запретная дума.

Увидев на пороге Дмитрия и Евгения, Вера Васильевна была глубоко тронута. Она знала, что им пришли повестки. Дмитрий, помявшись, начал первым:

— Вера Васильевна, мы уходим на фронт, пришли попрощаться. Может, не удастся свидеться больше. Вы уж нас простите, что мы не сохранили Сергея. Так быстро он нас покинул! Глупо как-то вышло... Мы с Женей сделали ему памятник, да вот не успели поставить. Попросили председателя сельсовета Ивана Давыдовича, чтобы он организовал его на могиле Сергея. Понятное дело, что живого человека памятником не заменишь, но раз все обернулось, хотим, чтобы наша совесть чиста была. Прощайте, Вера Васильевна, простите.

Подошла к ним Вера, перекрестила их и сказала:

— Сохрани вас Господь, ребята! Не надо, не казните себя. Откуда вам было знать, что можно, что нельзя? Крепкому и здоровому человеку ничего бы не было. Вы же тоже пили холодную водку, а живы-здоровы. Берегите себя, возвращайтесь живыми и невредимыми.

Когда дверь за трактористами захлопнулась, Вера Васильевна затеплила лампадку, огонек несколько раз тух, не хотел загораться. А через некоторое время пришли две похоронки.

Они оба сражались в танковых войсках и погибли под Курском, оставив детей своих расти сиротами, а жены их стали вдовами.

6.

В один из зимних дней 1943 года в послеобеденный час в дверь постучали. «Кто бы это мог быть?» — подумала Вера

Васильевна и пошла открывать. На крыльце рядышком с председателем сельсовета Иваном Давыдовичем Ефремовым стоял молодой красивый высокий мужчина чуть старше тридцати, на лице заметны шрамы — последствия тяжелого ранения. Взгляд незнакомца был добрым, искренним и доверчивым.

— Вера Васильевна, в школу прислали нового учителя физкультуры и военного дела, знакомьтесь: Егор Дмитриевич Антонов. Зная ваше доброе сердце, хотел вас попросить приютить на время нашего нового преподавателя. Я ему рассказал историю вашей семьи. Его судьба не легче вашей, поэтому, я надеюсь, вы найдете взаимопонимание. Да и помощь его лишней в доме не будет.

«Председатель в своем репертуаре», — смутилась про себя Вера, выслушав его предложение. Хоть и бывший, но кавалерист, привык шашкой махать, а потом думать. Покраснела, не зная, что ответить. Дело-то ведь серьезное: чужой мужчина в доме. А что она скажет детям, Коле, который за старшего члена семьи, он же сейчас самый главный мужчина в семье.

Вера накрыла на стол, предложила поесть и попить чаю. Она не спешила с ответом: надо было переговорить с Колей, поэтому гостям сказала, чтобы вернулись примерно через час. Коля вот-вот должен был прийти домой. Гости, скромно отказавшись от предложенного угощения, решили прогуляться.

Коля вернулся домой в хорошем настроении.

— Как успехи, сынок?

— Нормально, мама, пятерка по истории.

— Это за какой же вопрос?

— Походы Александра Македонского.

— Молодец, весь в отца, он ведь тоже грамоте был обучен! А теперь,

Коля, я хочу у тебя совет спросить. Приходил к нам председатель сельского совета Иван Давыдович, приводил нового учителя физкультуры и военного дела, ты его еще не знаешь, он только приехал, зовут его Егор Дмитриевич. Он просится к нам на постой. Ты у меня уже взрослый, и без тебя я этот вопрос решить не могу. Что будем делать?

— Мама, я не знаю, как быть, сама решаю. Тебе ведь одной трудно. Папы нет... — В избе повисла неловкая пауза словно бы для того, чтобы сказал свое веское слово Сергей.

— Ладно, Коля, иди, садись есть. Я уже с ребятами покушала.

Вера Васильевна долго раздумывала, прикидывала и так, и эдак, а по всякому выходило, что как-то неловко, не ко времени, что ли. Но как же быть? Какой он человек, этот новый учитель физкультуры? Не будут ли осуждать ее соседки, охочие на сплетни и пересуды: вот, мол, одинокая женщина с детьми, а пустила к себе мужика? В деревне ведь свои неписанные правила. Но потом подумала: вдруг он и вправду поможет, уж больно тяжело в последнее время жизнь давит, как волк, ставший своей жертве железными лапами на грудь...

Раздался стук в дверь.

Вернулись гости.

— Вера Васильевна, мы с Егором Дмитриевичем проходить уже не будем. Вы нам только скажите свое решение.

— Иван Давыдович, душа неспокойна, но мы решили пустить. Будь неладна память моя, забыла, как звать-то молодого человека? — И кивком головы Вера указала на фронтовика.

— Зовут меня Егор Дмитриевич, можете звать просто Егором. Извините за такое непрошеное вторжение. Но, может, поладим?

Продолжение следует.

г. Калуга

Евгений РЫК

Продолжение.
Начало в № 10, 11, 12 за 2010 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬ

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

20.

Центральный дом литератора, по сути, никакой литературой не занимается. Там есть бильярдная, киноконцертные залы, курительные комнаты, пункт обмена валюты, фотомастерская и, конечно же, все виды обжираловок. От шикарного валютного ресторана в Дубовом зале до скромной распивочной в подвале. Как сообразил журналист-международник (и шепнул об этом Никитину), видимо, принимать их будут не в пивной, не в Пестром баре и не в библиотеке, а именно в парадном зале бывшего особняка графа Олсуфьева. Но он ошибся, их ждали совсем в небольшом кабинете Каминного зала, даже не в нем самом, а в еще более маленьком.

— Бывшая спальня графа, — сказал всезнайка Лысый. — Когда еще здесь был партком Московской писательской организации, то в маленькой комнатке сидел сам секретарь этой организации.

Стол был накрыт на десять кувертов. Их уже ждали пятеро мужчин и две женщины. Сели и мило со всеми раскланялись. Тем более что многие из сидящих были Никитину знакомы — Батя, Рувим, генерал Кононов. Остальных представил майор. О зрелой даме он сказал:

— Наталья Михайловна, наш финансовый гений, бухгалтер консульства.

О молодой:

— Лариса Анатольевна, если хотите, Лариса, курьер представительства.

О мужчинах примерно одного возраста, добротны, но неброско одетых:

— Леонид Тамбовцев, секретарь консульства; Михаил Смок — архивариус. Итак, все знакомы, прошу за это и выпить.

Выпили. Слово предоставили генералу Кононову.

Мне поручили составить штатное расписание дипломатического представительства почетного консульства Королевства Тонга в Российской Федерации. Исходя из обыкновенной международной практики и наших... гм... интересов... я и составил. Правда, меня просили оставить некоторый задел. Он касается охраны, дублирующих должностей и тому подобного. В основном же список кадров состоит из трех категорий служащих: руководящего звена, технической службы и вспомогательного состава. Начинать?

— Пожалуйста, — попросил генерала Батя; видно, и тут он был постарше майора.

Генерал достал блокнот, начал читать очень отчетливо:

— Первый — конечно, сам почетный консул; второй — секретарь консульства. Это заместитель руководителя. Третий — юрист. На него и приходится основная работа по оформлению документов, приему и отправлению официальных бумаг. Четвертый — архивариус. Пятый — лютеранский пастор. Это, говоря языком военным, старший командный состав. Теперь средний: шестой — консультант; обязанности очень широкие: и общение с городскими коммунальными службами, и поддержание контактов с Управлением по делам дипкорпуса (ГлавУпДК МИДа) и так далее. Седьмой — помощник почетного консула. На нем весь протокол, расписание встреч, ведение приема. Очень ответственная должность, хотя и не представительская. Восьмой — бухгалтер. Ну, тут и говорить я не буду — настолько важно. Я называю должность по привычке. Можно также «финансовый директор», «заместитель консула по финансовым и экономическим вопросам» и тому подобное. Согласны?

— Конечно, — за всех ответил опять-таки Батя. Генерал тоже кивнул на его кивок и продолжил:

— Девятый — переводчик, десятый — администратор. На его плечи ложится работа с подбором персонала, решение ежедневных вопросов диппредставительства. Это все по второму разряду. Третий. Одиннадцатым номером идет технический секретарь почетного. Двенадцатым — стенографист. Тринадцатым — курьер. Тут речь не о дипломатическом курьере — о нем разговор очень и очень особый. Четырнадцатый человек — кассир. Пятнадцатый — машинистка. Шестнадцатый — шофер. Семнадцатый — уборщица. Все.

— Спасибо, Алексей Леонардович, — поблагодарил генерала на этот раз уже майор. — Друзья, как вы понимаете, разговор о почетном консуле не стоит... Кстати, позвольте предложить тост за нашего уважаемого дипломата Михаила Васильевича Никитина!

Все встали, подняли бокалы, но не чокались — это вам не берлога, люди этикет соблюдают как-никак. Правда, при прикладывании к рюмочке Швецов быстро глянул на Лысого, но тот не только не засосал рюмку — наоборот, лишь пригубил ее и поставил. Это вызвало одобрительный кивок майора, знак, который как бы не был пойман журналистом (его он, разумеется, прекрасно разглядел и оценил). Когда сели, Швецов продолжил:

— Леонид Евгеньевич Тамбовцев согласился принять на себя должность секретаря консульства.

Теперь встал новоиспеченный секретарь:

— Друзья, очень рад буду поработать с вами на, признаюсь, новом для меня поприще. Однако всему в жизни можно научиться. Мне же хочется заверить вас и людей, делегировавших... одним словом, — сразу же опытным манером поправился далеко затостировавший второй человек, — всех наших друзей, что постараюсь сделать все, что в моих силах.

Тамбовцев сел, а Швецов встал:

— Извините, к регламенту ве-

дения... Может быть, есть вопросы к докладчику?

К удивлению юного консула, вопросы были почти у всех. Начала бухгалтер:

— Я понимаю, что должность кассира могу предложить я?

Швецов тут же парировал:

— При утверждении совета.

Наталье Михайловне это не очень понравилось почему-то.

— Но я тоже должна быть уверена в человеке, она будет очень много знать: реквизиты, банковские операции, приходы...

— Это отдельный разговор, не сегодня, Наталья Михайловна, — остановил ее майор.

Бухгалтер сразу же надулась.

«Начинается!» — мелькнуло в голове у учителя, прекрасно знакомого со всеми перипетиями бабских педсоветов.

Слово попросил Рувим.

— А для чего разделять должности секретарши и машинистки? Вряд ли будет так много канцелярской работы.

— Ну, про объем работы вы не правы. Мы-то заинтересованы, чтобы ее как раз было побольше — отсюда, официально, и доход консульства. По второму вопросу... — Батя, отвечавший Рувиму, пожевал губами. — По второму вопросу — нам придется взять родственника очень и очень уважаемого человека. Лариса, вы закройте пока уши.

Лариса кивнула, никаких ушей она не закрывала.

— Так вот, Рувим Иванович, та самая девица папашу компрометирует, уже два раза побывала замужем и ни разу в институте. Нам на ее моральные устои — забить, но не может же Лео... извините, ее отец держать в доме безработную девку, а консульство — это вам не НИИ какой-нибудь... Одним словом, проблема снята.

Рувим пожал плечами. Совсем неожиданным стало выступление Лысого.

— Мне кажется, что уважаемый съезд отстает от современных веяний. Ныне каждое мало-мальски

уважающее себя учреждение имеет либо пресс-секретаря, либо PR, то есть паблик рилейшнз, специалиста по связям с общественностью.

Ответил ему генерал Кононов:

— Простите, Геннадий...

— Владиславович.

— Да... Я сразу оговорился в начале сообщения, что оставил в штатном расписании некоторый зазор.

— Об охране.

— Не только, но и о той службе, что вы говорите.

— Поскольку в ремарке этого не прозвучало, уважаемый Алексей Леонардович, я позволил себе в разделе дебатов и предложений...

— Хорошо, Геннадий, понято, — перебил журналиста Швецов. — Скажу больше, что хотя мы сначала на эту работу хотели бы пригласить вас, но совет решил предложить вам другую должность.

Лысый не удержался от ехидства:

— Уборщицы?

Батя без всякой иронии ответил:

— На это место как раз будет конкурс. Нам тут чужого человека не надо. Уборщик может знать больше самого консула: обрывки разговоров сотрудников, обрывки бумаг в мусорных корзинах... Понимаете?

— Про мусор я даже эксперт, — не удержался от ехидства Лысый.

— Безопасность — прежде всего, — не обратил внимания на реплику недавнего насельника помоечной берлоги Батя. — Вон, спросите майора.

Швецов про уборщицу и безопасность распространяться не стал, а продолжил начатое:

— Нет, Геннадий Владиславович, вам предлагается, как и сказал товарищ генерал, старшая офицерская должность. Лютеранского священника. Пастора консульства.

Даже у циника Лысого на лице пронеслось изумление. Все за столом приняли это сообщение совершенно спокойно. Вообще все были как-то исключительно спокойны. Его

Превосходительство Никитин этому даже подивился. Такую подлянку мутят, а никто и бровью не ведет! Потому что то, что они сейчас обсуждали на полном серьезе, было настолько дико и фантастично — чего же ради ему тогда нужно трепетать от деловых предложений?!

— Как вам? — поинтересовался у международного Батя.

Неожиданно, в нарушение протокола (ведь тоста никто не провозгласил), Лысый хлопнул рюмку водки и выдал:

— Когда страна прикажет быть героем... у нас... героем становится любой...

21.

На другой день собрались уже более узким кругом. Из неофитов присутствовал только секретарь Тамбовцев. Они только что вернулись из Вспольного переулка, где Рувим нашел подходящее здание.

— Что мне больше всего мне в нем нравится — рядом дом Лаврентия Павловича Берии! — сказал спец по застройкам.

— А мне — что за спиной Музей Чехова, — подал голос патер Лысый.

— Что-то оно уж больно ветхое, — внес свое замечание Никитин.

— Ваше превосходительство, — абсолютно без всякой иронии возразил застройщик, — вы не волнуйтесь: во-первых, дешевле нам будет строить, а во-вторых, мы его полностью новеньким построим.

— Вам, конечно, виднее, Рувим Иванович, — в разговор вступил и солидный Тамбовцев. — По нашему мнению, помещение маловато.

— Леонид Евгеньич, так мы его надстроим. И подвал выпрем — будьте здоровы, в три этажа: сверху так себе домишко, а с чердака до погреба можно будет только на лифте добраться. Потом, не приемы же там проводить, это же просто офис. Потом, тысяча шестьсот квадратов — не так мало для Москвы. В соседнем

Гранатном переулке стоит дом, построенный для Брежнева, видели?

— Да.

— Там четвертый этаж в полтора раза выше девятого и одиннадцатого. В брежневской квартире сейчас Хасбулатов живет... И что же?! Двести сорок пять метров квадратных. Мы почти в шесть раз лучше, плюс у нас садик рядом. Двадцатая спецшкола для детей ЦК, плюс особняк посла Индии, плюс посольство Туниса, отделение милиции, напротив дом шахматиста Карпова... Что еще надо для солидности?!

— Убедил, убедил, только у школы теперь другой номер, четырехзначный, — перебил его Швецов. — Действительно, на рабочем месте нам ночевать не придется.

— А меня не убедил, — упрямо заметил секретарь консульства. — Те люди, которые... Одним словом, мы рассчитываем, что при консульстве можно и нужно открыть маленькую дипломатическую гостиницу. С казино.

— И с девками? — полюбопытствовал Швецов.

Солидный секретарь ответил без шуток:

— Этот вопрос дебатруется. Могу вас заверить, что лично я против. Это оттолкнет настоящих игроков. Они люди пожилые, у них осталась одна только страсть. Я за этакий элитарный клуб. В английском вкусе.

Примерно в таком духе проходил весь обед в новой квартире Никитина, которую ему сняли в Козицком переулке — дверь в дверь с боковым выходом «Елисеева». В квартире уже было полно мебели для будущего консульства, но все кресла и диваны находились еще в целлофане, а шкафы, столы и канцелярские полки — в ящиках. Ели по-походному, сидели на визжащей химии. За прислугу был Лысый, хоть лицо отныне и духовное, возведенное в сан высоким собранием в ЦДЛ, но все же в данном кругу бесправное. В протестантской религии нет узаконенных чинов, сами при-

хожане выбирают себе пастыря из числа наиболее влиятельных, уважаемых и образованных соседей. Мартин Лютер так именно и считал, что верующему христианину не требуется посредник между человеком и Богом. Пастор же (полатыни — пастух) нужен лишь для соблюдения порядка богослужения: ну там на органе сбацать или храм на ключ закрыть. Это как в былые, но незабвенные времена был Председатель Верховного Совета Союза ССР и Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Одно слово — а какая разница! Первый только открывал и закрывал сессии, зато второй... О! Это президент: он награждал орденами и отклонял прошения о помилованиях, принимал послов и получал по красным датам поздравления от королей.

Итак, компания активно, хоть и не очень дружно, работала. Через какое-то время в дверь позвонили, и явился третий «генерал» консульства — мсье Смок. Сегодня он был в более для себя привычной кожаной теплой куртке, спортивных штанах на байковой подкладке и с кастетоподобным золотым перстнем на мизинце левой руки. Знакомый портретик... Мистер дипархивариус, который в ресторане не проронил ни слова, а посему Никитин о нем своего мнения не составил, сегодня говорил много, активно фрикатуруя «г». Впрочем, кроме Москвы и Русского Севера, все области южнее Тулы «хэкают», а на Вольной Украине вообще есть только два слова с твердым — взрывным — «г»: «геть!» и «гудзики»...

— Пацаны, все путем, все путем идет. Во, как договорились... Ото...

На свет появился объемистый портфель — извините! — дипломат. Ну, что в нем было, думаю, вы догадываетесь. Что всегда бывает в таких баулах в кино? Вот именно... Майор быстро прикрыл его крышку.

— Ясно, Миша.

— Ото... Хде чисто покушаем? — Он показал мизинцем с остро

отточенным ногтем на сиротливые тарелки закусок. — Ото, я такохо не жру — потом не прохезаешь...

Но Швецов — теперь уже естественно-дипломатично — от приглашения поесть уклонился за всех. Миша Смок не настаивал. Чтобы немного его поддержать, Лысый кинул лестуху. Польстил, значит.

— Михаил Богданович, а вы знаете, что по своей службе вы должны были бы контактировать только с Историко-архивным управлением МИДа?

— Ну и че? — разумеется, не понял дальнего захода блатной.

— Им заведовала Галина Леонидовна Брежнева. Так что вы бы в их семье были обязательным гостем на приемах.

Конечно, это была полная чушь, но таким ребятам, как малым детям, что ни скажи...

— Хонишь! Не, верняк?! — загорелись глаза свежеиспеченного архивариуса.

Лысый только развел руками — еще бы неверняк! Что он, положения дел не знает, что ли?!

— Не, аб-блом, в натуре! Пацаны усикаются! Хадом буду!

Обласканный этой слюнявой конфеткой, архивариус немедленно поехал выпендриваться к своим пацанам путевым.

Майор извиняюще обвел глазами присутствующих. Сорок лет педстажа Никитина плевали на этого придурка в цепях и прочей ювелирке, он сидел уже буддообразный. Майор это очень высоко оценил. Рувим и Лысый внимательно рассматривали свои ногти. А ответсекретарь кипел, как на хозпартактиве, когда поперед батьки выступают молодые придурки, которым моча кинулась в партбилет. Бывали и такие начальнички средней руки...

Все же устных комментариев не было, и за это майор был благодарен руководству дипмиссии. Чтобы сбить неприятный осадок и не допустить разговора о содержимом

чемоданчика, он сорвал на Лысом свой кадровый прокол:

— Геннадий, вам было поручено подготовить доклад о всяких там международных организациях в Москве.

— А я готов, — прочувствовав положение работодателя, ответил журналист. — Могу приступить.

— Только без всяких там вступлений, покороче.

Бедные не гордые:

— Конечно, конечно. Только по оглавлениям.

— Вот именно, — все же добил гвоздь Швецов. Ему хотелось, чтобы последнее слово осталось за ним.

— Международные организации у нас в стране... И в Москве, разумеется... делятся на две главные группы: российские и зарубежные. Вот тут сразу первая остановка...

— Зачем? — спросил Тамбовцев.

— Леонид Евгеньевич, почетное консульство — двуединое существо: это организация иностранного государства на нашей земле силами именно граждан этого государства.

— Ну и что?

— Либо я говорю о российской структуре, либо о зарубежной. На обе целого вечера не хватит.

Практичный секретарь тут же озадачил духовное лицо:

— Вы, ваше преосвященство, что считаете перспективнее?

— В лютеранстве нет точного чинопроизводства: тут вам и епископ, и доктор, и пастор; можете, если хотите, называть меня падре. А перспективнее, ясно, наше.

Рувим нетерпеливо:

— Ну что вы болтаете? Перспективнее — начинайте, а то неизвестно, когда домой попадешь.

— Пожалуйста, — согласился падре Геннадий. — Тогда российские общественные организации делятся, в свою очередь, на два больших подраздела: светские и церковные. Мне, как вы понимаете, ближе — теперь — последние, но первых значительно больше. Это:

I. Политические организации.

II. Профессиональные союзы.

— III. Объединения в поддержку реформ и возрождения России.

— IV. Организации в области внешней политики и международного сотрудничества.

V. Организации по защите Конституции Российской Федерации, законности, конституционных прав и свобод граждан.

VI. Организации содействия дружбе народов Российской Федерации, объединения национальные, по вероисповеданию, по сохранению и развитию традиционного уклада жизни.

VII. Организации по патриотическому воспитанию, укреплению национальной безопасности и правоохранительных органов.

VIII. Организации в сфере материального производства и экономики...

— Момент, момент, — бесцеремонно перебил докладчика нетерпеливый домосидец Рувим. — При чем здесь материальные всякие, когда вы должны были подготовиться к общественным союзам?!

Лысый кротко посмотрел на беснующегося застройщика:

— Рувим Иванович, это, например, ассоциации гидов-переводчиков, менеджеров шоу-бизнеса, академий предпринимательства, галереи, рекламщики, фонды, брокеры, купцы...

— Ну, не знаю... — Рувим сдался и получил неодобрительные зырки и от майора, и от Тамбовцева.

— Так... Следующим номером нашей программы...

IX. Экологические организации, объединения спасателей жертв чрезвычайных обстоятельств.

X. Объединения по реализации идей гуманизма и милосердия, содействию гармоничному развитию личности.

XI. Организации в социальной сфере.

XII. Благотворительные организации по поддержке социально слабозащищенных граждан.

XIII. Организации в области медицины, здравоохранения, ветеринарии.

XIV. Организации в области физкультуры, спорта, туризма.

XV. Научные, инженерные, исследовательские организации.

XVI. Организации в сфере культуры.

XVII. Организации коллекционеров, любителей животных, другие объединения по традиционным, а также нетрадиционным интересам...

—Включая голубых... — съехидничал секретарь консульства.

—И еще как! — на полном серьезе ответил ему падре. — Мощнейшее лобби, иностранные связи, круговая порука. Кстати, у меня все.

—Так кто нам интереснее более всего? — спросил Швецов.

—Как — кто? Все, разумеется.

Безусловно, все будут искать с нами контакт. И мы этот контакт дадим...

Леонид Евгеньевич, — предотвратил он смешок Тамбовцева, — «дадим» — переносное слово. Без всякой задней мысли.

Но секретарь почетного консульства все же разрешился, ибо с таким падре это он мог себе позволить от начальственного врожденного хамства:

—Дадим в переносном без задней мысли? Хм!

—Я устал, — только и ответил на это мальчишество святой отец.

Тут голос поднял и сам его превосходительство:

— Послушайте, что мы говорим о всяких коллекционерах и профсоюзах? Разве деньги у них?

Ответил Швецов:

—У них, Михаил Васильевич.

—Я считал, что главные суммы — у торговли, посредников, предпринимателей, — вот о ком надо думать.

Взгляды всех присутствующих скрестились на почетном консуле КТ. Причем взгляды ироничные. За всех ответил все тот же майор:

— Ваше превосходительство, о них уже подумали. Они **уже** здесь, — он похлопал широкой ладонью по чемоданчику Смока.

22.

Второй сон М. В. Никитина

Старый учитель переживал виденное в ЦДЛ весь вечер. Он вспоминал картины торга как нечто нереальное, марсианское. В той, дальней, жизни он не любил телевизора и газет, ему хватало книг и школьных тетрадок на проверку. Но в новом своем качестве и доме, да и в новом существовании, он волей-неволей нырнул в политические законные воды: Дума, президент, импичмент, разногласия, согласования и — выборы по любому поводу. Выборы, подготовка к выборам, бюллетени для голосования, баллотироваться в или на...

Согласитесь, что и вы видите дикие, навешанные всепроникающим телевидением, такие сны. Но словесник увидел ночное кино по сцене (главы XXIV–XXXI части шестой) «Анны Карениной». Изза скуки и тяготины у Толстого рассказ о губернаторских и предводительских выборах в Кашинской губернии никогда не попадал на экраны или в театры — прежде. Это казалось скучным, как и сами советские выборы без выбора, одна пустая и раздражающая формальстика в выходной день.

Знавший роман наизусть педагог только поражался актуальному звучанию ненавидимого школьниками произведения «зеркала русской революции». Сейчас по всем законам жизни «Анна Каренина» со всем этим толстовским разоблачением тогдашних выборов на должности должна стать просто горячим бестселлером!

Итак, М. В. Никитин спит, гр. Л. Н. Толстой работает:

«...Сергей Иванович объяснил ему смысл и значение предполагавшего-

ся на выборах переворота. Губернский предводитель, в руках которого по закону находилось столько важных общественных дел — и опеки (те самые, от которых страдал теперь Левин), и дворянские огромные суммы, и гимназии женская, мужская и военная, и народное образование по новому положению, и, наконец, земство, — губернский предводитель Снетков был человек старого дворянского склада, проживший огромное состояние, добрый человек, честный в своем роде, но совершенно не понимающий потребностей нового времени... Нужно было на его место поставить свежего, современного, дельного человека...

Собрание открыл губернатор, который сказал речь дворянам, чтоб они выбирали должностных лиц не по лицеприятию, а по заслугам и для блага отечества, и что он надеется, что кашинское благородное дворянство, как и в прежние выборы, свято исполнит свой долг и оправдает высокое доверие монарха...

В соборе Левин, вместе с другими поднимая руку и повторяя слова протоппа, клялся страшными клятвами исполнить все то, на что надеялся губернатор. Церковная служба всегда имела влияние на Левина, и когда он произносил слова «целую крест»... почувствовал себя тронутым.

На второй и третий день шли дела о суммах дворянских и о женской гимназии. На четвертый день за губернским столом шла проверка губернских сумм. И тут в первый раз произошло столкновение новой партии со старою. Комиссия, которой поручено было проверить суммы, доложила собранию, что суммы были все в целости. Один маленький, очень молодой на вид, но очень ядовитый господин стал говорить, что губернскому предводителю, вероятно, было бы приятно дать отчет в суммах и что излишняя деликатность членов комиссии лишает

его этого нравственного удовлетворения. Сергей Иванович начал логически доказывать, что надо признать, что суммы ими проверены или не проверены, и подробно развил эту дилемму. Сергею Ивановичу возражал говорун противной партии...

На пятый день были выборы уездных предводителей...

На шестой день были назначены губернские выборы. Дворяне группировались лагерями, и по враждебности и недоверчивости взглядов, по замолкавшему от приближения чужих лиц говору, по тому, что некоторые, шепчася, уходили даже в дальний коридор, было видно, что каждая сторона имела тайны от другой.

— Довольно одного уезда, а Свяжский уже, очевидно, оппозиция, — сказал Степан Аркадьевич Облонский всем, кроме Левина, понятные слова.

Левин не мог понять, в чем дело.

— O santa simplicitas! — сказал Степан Аркадьевич и кратко и ясно растолковал Левину, в чем дело.

Если бы в прошлые выборы все уезды просили губернского предводителя, то его выбрали бы всеми белыми. Этого не нужно было. Теперь же восемь уездов согласны просить; если же два откажутся просить, то Снетков может отказаться от баллотировки. И тогда старая партия может выбрать другого из своих, так как расчет весь будет потерян. Но если только один уезд Свяжского не будет просить, Снетков будет баллотироваться. Его даже выберут и нарочно предложат ему, так что противная партия собьется со счета, и тогда выставят кандидата от наших, они же ему предложат.

...Сергей Иванович прочел статью и стал объяснять ее значение, но тут один высокий, толстый, сутуловатый, с крашеными усами, в узком мундире с подпирившим ему сзади шею воротничком помещик перебил его. Он подошел к столу и, ударив по нему перстнем, грозно закричал:

— Баллотировать! На шары! Нечего разговаривать! На шары!

Тут вдруг заговорило несколько голосов, и высокий дворянин с перстнем, все более и более озлобляясь, кричал громче и громче. Но нельзя было разобрать, что он говорил.

Наступила самая торжественная минута. Тотчас надо было приступить к выборам. Коноводы той и другой партии по пальцам высчитывали белые и черные. Прения о Флерове дали новой партии не только один шар Флерова, но еще и выигрыш времени, так что могли быть привезены три дворянина, кознями старой партии лишенные возможности участвовать в выборах. Двух дворян, имевших слабость к вину, напоили пьяными клеветы Снеткова, а у третьего увезли мундирную одежду.

Подойдя к ящику, Левин забыл расчет, он держал шар в правой, но, подумав, что ошибся, перед самым ящиком переложил шар в левую руку и, очевидно, положил налево. Знаток дела, стоявший у ящика, по одному движению локтя узнававший, кто куда положит, недовольно поморщился.

— Да, нечистое дело, что и говорить, — проговорил тоненьким голосом маленький помещик...

— Как он смеет говорить, что я велел украсть у него брюки! Он их пропил, я думаю. Мне плевать на него с его княжеством. Он не смел говорить, это свинство!..

— Я должен вам признаться, что я очень плохо понимаю значение дворянских выборов, — сказал Левин.

— Да что ж тут понимать? Значения нет никакого. Упавшее учреждение, продолжающее свое движение только по силе инерции...

Предводитель был избран значительным большинством. Все зашумело и стремительно бросилось к дверям. Снетков вошел, и дворянство окружило его, поздравляя.

— Ну, теперь кончено? — спросил Левин у Сергея Ивановича.

— Только начинается, — улыба-

ясь, сказал за Сергея Ивановича Свяжский...»

Последним, чем одарил уходящий сон учителя словесности, были веселые слова телеграммы Стивы Облонского жене: «Неведовский выбран двенадцатью шарами. Поздравляю. Передай».

Противный голос какого-то бесчисленного и безликого школьника пропищал: «Она передаст?»

«Сам ты — передаст и дети твои передасты!» — ответил другой школьный голос, но уже не дискант семиклашки, а хорошо прокуренный баритон солидного девятиклассника...

23.

Теперь консул Никитин спал в теплой большой квартире. Вино и еда забили полки в огромном холл-дильнике; напротив его удобного кожаного дивана на столике стоял телевизор размером с окно. Пульт управления напоминал приборную доску самолета. И неожиданно для себя самого, конечно, и неожиданно для Геннадия (если бы он знал), и уж совсем непостижимо для умственных реалий Миши Смока учитель стал писать стихи.

«Что за бред! Декадентщина какая-то! Ужасный Пастернак — тетради Юрия Живаго...» — размышлял, немного жеманничая, старый педагог.

И тем не менее сложилось вот...

Юрмала

Загорелая сосна —
постоялица курорта:
то ли королева спорта,
то ли вечная весна.
Облаков пушистых стая,
голубые небеса:
то ли милые глаза,
то ли песенка простая.
Ресторанчик над водой,
и мотивчик бесконечный:
то ли я — твой друг сердечный,
то ли ты любима мной...

По тропинке золотой
ночь бежит ко мне навстречу:
счастлив, будто я отмечен
сладкой маршальской звездой.
Под тобою, о звезда:
то ли жизнь моя чудесна,
то ль изящна, как невеста,
загорелая сосна.

Ошибки истории

А вот Ленинград!
...и какой-нибудь ордена Ленина
Ленинский грязный район,
а в нем протекает,
убитый отходами фабрики имени
Ленина,
безрыбный пустой водоем...
по прозванию
Черная Речка.
Вижу сон:
что не маленький желтый поэт,
а поставлен рыдающим под пистолет
комиссар из актива охраны
партийных архивов obsługi
обкомовских дач;
иностранец-усач
поднимает наган...
Ах, не здесь бы,
не здесь бы
случилась осечка!

За границей ума

Гостиница «Славянская беседа».
Болгария. София. Ночь. Вино.
И рожа примитивного соседа,
и Черт — друг композитора Гуно,
и образ дальнего корреспондента,
подсчет валюты, близость древних
стен,
и вечные славянские моменты:
кто виноват? что делать?
хрен вам — всем?..
За стенкою шумит турист фартовый,
и ум не подчиняется Добру...
Сижу, как пионер, на все готовый,
сжимаю кукиш,
как свой ножик Брут.

Осень

Ося — осинный лист...
Грянул оркестр игрушечный.

Двое: флейтист и альтист
воют, как ветер
опушечный.
Ося — оранжево-черная
орденская пчела —
лентой была бы
георгиевской,
если б мы жили вчера.

Станция

Электрички, как гадюки,
нас не любят никогда —
электрические суки!
Там — прогоркляя вода...
там — перченая звезда...
там — лишь доктора науки.
Паразиты иногда...

Обнова

Купил ботинки я
на фраерском ходу.
Я — раб ботинок,
и, как всякому рабу,
хотелось бы мне в них ле-
жать в гробу.

Помощник капитана

В справедливом расчетливом риске
только так поделить поделом:
капитанам пиратских фрегатов
достаются блондинки и виски.
Остальным же пиратским ребятам
остаются брюнетки и ром.
Византийский купец и барыга
на Венецию с грузом попер...
Капитанам пиратских фрегатов
достаются пиастры прорыва.
Остальным же пиратским ребятам
остаются петля и топор.
Наш корабль остался без шефа,
и команда искрит на корме,
и ладонь у меня на эфесе...
Что достанется? «Черная метка»?
Капитанская ль черная кепка?
Это риск.
Это нравится мне!

Брэм, т. I

Да, конь с яйцами —
тоже животное,

но большое, но злое, но потное.
А вот кошечка —
это не то!
Ей — туманная манная каша,
ей — обманная данная чаша,
то есть... то есть... и то есть, и то...

Брэм, т. II

У кошки одно преимущество —
что нет никакого имущества
(при этом хорошая зверь!).
Ее не волнуют инстанции,
где мучают вас за квитанции
(и в этом есть счастье,
поверь!).

«Да, — подумал учитель-консул
Никитин, — прожил жизнь дура-
ком, а умираю аферистом. Аминь».

24.

— Влить бы в уста свои триста, —
мечтательно сказал лютеранин
Геннадий его превосходительству.
Тот никак на это грязное предло-
жение не прореагировал. Пить было
категорически запрещено. С раннего
утра их обоих бил нервный колотун,
хотя они и с вечера не прикладыва-
лись. Представительный Никитин
был во фраке, священник в черном
сюртуке, а к серой глухой рубахе был
пристегнут особый круглый ворот-
ничок с белым окошком под гор-
лом. В руках четки. Через час их долж-
ны были забрать, чтобы вести в МИД
вручать консульский патент. Никитин
не знал, какой объем работ вы-
полнили его помощники, чтобы все
документы «срослись», как говаривал
Миша Смок. Кто достал письмо с Тон-
га, вышел на замминистра, получил
экзекватуру и все визы... Все было
сделано, все было уже позади.

Кавалергард по своей природной
статистике, Никитин был только ста-
тистом на этом празднике. По-
сле вручения намечался широкий
банкет в ресторане «Прага», где
были все условия для подобного
мероприятия.

Очень горячо две недели назад проходили дебаты о гостях. Дело в том, что посадить специфических финансистов из группы Смока с деловыми людьми из клана Тамбовцева было невысказано. Кроме того, предполагалось присутствие настоящих дипломатов. Разгорелись шекспировские страсти.

— Михаил Богданович, давайте для ваших... э-э-э... коллег организуем отдельное застолье, — предлагал Тамбовцев.

— Почему? — на правильном языке поинтересовался архивариус. — Ведь платят-то они.

— Может выйти казус...

— Какой? — не отставал от секретаря консульства Миша.

— Ну, не знаю... Какие и обычно бывают: еда руками, швыряние денег в оркестр...

— Мо-омэнт! — возразил третий дипломат второму. — Там нет никакоха оркестра. Одни эти... как их... арфистки, во! Короче. Братва не поймет таких понтов. Лапами никто не хаваает, телки все будут приличные. Шо еще?

— А разговоры? Вот смотрите списки приглашенных: дуайен консульского корпуса в Москве — генконсул Великобритании, консул Австралии, консулы Новой Зеландии, ФРГ, Лаоса, Сенегала... Начальник протокола МИДа, журналисты, наши и иностранные... Замминистра из Минкульту, телевидение... Да знают ли ваши... э-э-э... контакты, что по-испански говорят «сеньор», а по-итальянски «синьор»? Например.

— Ну и шо? Мы с ими в переписку вступать не хотим! Наденем на крыс брюлики, шоб все ахнули. Ото! Короля ихрает свита! — неожиданно закончил архивариус, так что ахнул и сам секретарь, и все присутствующие.

Миша скромно опустил глаза — он победил в базаре...

Никитин твердил свой короткий спич на официальном при-

еме, а падре Геннадий слонялся по квартире. Когда он подошел к окну, то остановился там на манер коня Медного всадника, то есть с поднятой ногой:

— Василич... Ваше превосходительство...

— Ну что тебе? — раздраженно переспросил консул на выданье.

— Смотрите! — шепотом сказал пастьрь.

Михаил Васильевич нехотя встал с дивана и подошел к окну. Тут паралич хватил и его. В узком дворе доходных домов дореволюционной постройки цугом стояло семь «мерседесов» во главе с шестидверным темно-синим красавцем. На красавце с правого крыла вился на крошечном флагштоке символ консульской привилегии — флажок Королевства Тонга. На красном продолговатом полотнище в левом верхнем углу был правильный белый квадрат с красным же крестом посередине. Общее впечатление такое, что на советское знамя прикрепили символ Швейцарии.

На передних бамперах и на крышках багажников всех авто красовались красные с белым номера «D-169». На машине консула вместо «D» значился номер главы дипломатической миссии «СMD-169 001».

У каждой машины был шофер в форменной одежде и фуражке-конфедератке. В дверь позвонили. За ней были генерал Кононов в полной парадной форме и при орденах, Миша Смок в... расшитой золотом ливрейной форме и при шпаге! Тамбовцев в смокинге. Он держал в руках недостающий консулу цилиндр. От дома, где сейчас жил Никитин, до Московского театра оперетты было девятьсот метров, а до театра двух имен, как зовут его москвичи (музыкального Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко), — сто. Таким образом, происхождение костюмов было понятно, но... Все остальное — нет. Ведь на карнавале, на бале-

маскараде есть какая-то грань, какой-то штрих, когда костюм можно дезавуировать, то есть посмеяться над собой в ряженной одежде.

В Козицком переулке никто шутить был не намерен. И тогда Никитин по-настоящему испугался. Его подчиненные вошли в переднюю молча, как гвардейцы-заговорщики в спальню к Павлу I. И, как несчастный император, консул пятился от них в комнату.

Наконец, они с падре Геннадием были поставлены под люстру, а пришедшие выстроились по всему фронту комнаты и как-то криво улыбались. Все это проходило молча, хоть и недолго, но нашему герою показалось, что бесконечно; у него закружилась голова, он облокотился о Лысого. Его жест прервал молчание.

— Христос воскрес! — произнес Миша Смок и поклонился его превосходительству.

Все разом засмеялись (кроме виновника торжества), принялись трясти руку консула и поздравлять с великим днем. Хоть на дворе был уже март, но на Никитина надели новое пальто с хорьковым воротником, цилиндр и под белые руки спустили во двор к кавалькаде немецких представительских машин. Совершенно незнакомый бывшему учителю водитель головного «мерседеса» снял фуражку, открыл самую заднюю правую дверцу машины и поклонился ему.

Никитин уже больше ничего не понимал. Рядом возникли губы Геннадия.

— Главное, ваше превосходительство, и не надо ничего понимать! — словно прочел священник мысли главы дипмиссии.

Дипломат оглянулся на духовного пастьря:

— Почему?

— Через нахальство — к счастью! Извините, забыл, как это по-латыни.

Продолжение следует.

Светлана СУПРУНОВА

Светлана Супрунова родилась в 1960 году в городе Львове. Окончила Ленинградское медицинское училище, Калининградский государственный университет и Литературный институт им. Горького. Три года работала медицинской сестрой в Афганистане (медсанбат, провинция Баграм), пять лет проходила воинскую службу в Таджикистане. Затем десять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (Калининград), сейчас — ответственный секретарь научного журнала Калининградского государственного технического университета. Член Союза писателей России, автор трех стихотворных сборников.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

*Я бы в Томске томился,
В Туруханске стухнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.*

Александр Кушнер

Гастрономическая география

Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Насластил от души.

Съем я в Тете тетерю,
Выпью в Були бульон.
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.

В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь.
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опущусь.

Съев в Салайне салаку,
По стихам загрущу,
А пока Титикаку
Я на карте ищу.

*Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым — но не красть,
Конечно, если так возможно.*

Евгений Евтушенко

Дай бог

Дай бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел,
И если что-то умыкну,
Дай бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай бог судье на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать,
Конечно, если не посадят.

Дай бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета,
Чтоб быть поэтом — но с душой,
Достойной звания поэта.

*Расцеловал бы первого встречного!
В рожу бы плюнул! А всё зачем?
Чтобы припомнить лицо, а нечего,
Что-то такое на букву «м».*

Олег Чухонцев

Вдохновлённый весной

Вот и весна, соловьи за стенкою,
Не усидеть за столом уже.
Этого встречного — да коленкою
Пнуть бы под что-то на букву «ж»!

Я ароматом сражён и красками,
Эта брюнетка — как дама трэф.
Врезать бы ей, засветить под глазками
Что-то такое на букву «ф»!

Долы родные, речушка узкая,
Радостно мне по земле идти.
Сила ты, силушка, удаль русская!
Кто попадётся мне на пути?

Плюнуть бы нынче в любого встречного!
Дальше, в словесной кружа пурге,
Зарифмовать бы чего, а нечего,
Что-то такое на букву «г».

*Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу —
И звезда с звездой говорит.*

Лев Котюков

Начитавшись классиков

Выхожу один я на дорогу,
Пишется неплохо при луне.
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима — а дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль! Достать чернил и плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

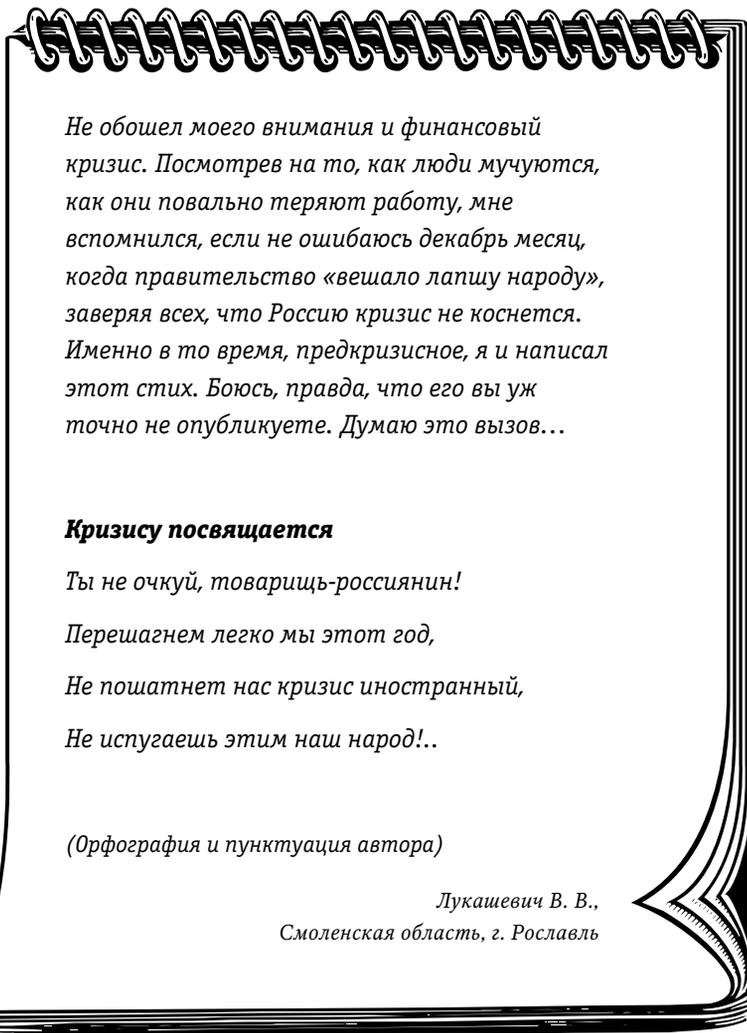
Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

И пишу, и захожусь я в плаче,
И не в помощь мне уже луна.
Не могу, увы, писать иначе,
Начитавшись классиков сполна.

Галка ГАЛКИНА

Не обошел моего внимания и финансовый кризис. Посмотрев на то, как люди мучаются, как они повально теряют работу, мне вспомнился, если не ошибаюсь декабрь месяц, когда правительство «вешало лапшу народу», заверяя всех, что Россию кризис не коснется. Именно в то время, предкризисное, я и написал этот стих. Боюсь, правда, что его вы уж точно не опубликуете. Думаю это вызов...

Кризису посвящается

*Ты не очкуй, товарищ-россиянин!
Перешагнем легко мы этот год,
Не пошатнет нас кризис иностранный,
Не испугаешь этим наш народ!..*

(Орфография и пунктуация автора)

*Лукашевич В. В.,
Смоленская область, г. Рославль*

Галка ГАЛКИНА:

Уважаемый В. В. (аж трепет охватывает, когда произносишь такое), мне кажется, что кризис — не финансовый, он — в головах. В Вашей, моей и нашей с Вами. Оттого мы и *мучаемся!* Что не год, то либо предкризисный, либо уже — кризисный. Как в поговорке: «У нас в деревне беда за бедой, купили быка, оказался с...». Умонастроения, выраженные этой народной мудростью, накрепко овладели массами, теми, кто наверху, и теми, кто внизу. Поэтому кризис — это наше перманентное состояние. Жить без кризиса мы уже не можем, не согласны.

Вот и Вы в своем «вызове» пишете, что нас кризисом не возьмешь. И это правильно. Ни кризисом, ни чем иным. Как говорится, «броня крепка и танки наши быстры». Вот пусть проклятые буржуи и бояться эту гидру, кризис и прочая. А «нас не догонишь», как поется еще в одной, не менее народной, чем вышеозначенная поговорка, песне.

Предлагаю, уважаемый В.В., и Вам присоединяться к общему хору россиян, которым что кризис, что не кризис, а все трын-трава. Как говорится, э-э-ухнем!

Пегасы и гримасы

- ☺ Летом хотел стать поэтом, а стал зимой Гамлетом!
- ☺ Хотел быть пионером, а стал миллионером!
- ☺ Хотел стать октябренок, а оказался подонком!
- ☺ Хотел жить в коммунизме, а оказался в катаклизме.
- ☺ Если кризис к вам пришел, накрывай быстрее на стол!
- ☺ Если к вам пришел мулла... вот такие вот дела!
- ☺ Если к вам пришел раввин, то он будет не один!
- ☺ Если к вам пришли попы, то не прячьтесь от судьбы!
- ☺ Если к вам пришел буддист, значит вы — милитарист!
- ☺ Если к вам никто не ходит, ничего не происходит, даже старый друг не ходит!

**ЗДЕСЬ НИКОГДА НЕ БУДЕТ
ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ!**

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

Мысли нехорошие

- ☛ Хотел взять банк, а попал под танк!
- ☛ Хотел взять мавзолей, но не стал раздражать людей!
- ☛ Хотел взять Барвиху, а подцепил чувиху!
- ☛ Хотел взять Рублевку, а получил обновку!
- ☛ Хотел склеить ласты, пришли водоласты!
- ☛ Хотел сварить пельмени, но все съел Ленин!
- ☛ Хотел почесать лопатку, а съел куропатку!
- ☛ Хотел попить бензину, а влез на Зину!
- ☛ Хотел вылечить почечуй, но сказали: «Не врачуй!»
- ☛ Хотел сгинуть в притоне, но спасла Тоня!

**SMS'ка, посланная в метро Гаеву:
Верни пятак! Вот так!!!**

БЛАНК-ЗАКАЗ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

- Да, я подписываюсь на 6 номеров журнала «Юность» – 780 руб.
- Да, я подписываюсь на 12 номеров журнала «Юность» – 1500 руб.

Мой адрес:

Индекс:	Республика
Район	
Город / село	
Улица	Дом Квартира
Фамилия, Имя, Отчество подписчика:	
Телефон:	

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность»	
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва	
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001	
	Расчетный счет № 40703810138040100906	
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225	
	Корр. Счёт: 30101810400000000225	
	Ф.И.О. и адрес плательщика	
	Вид платежа:	Дата
	Подписка на журнал «Юность»	Сумма
	Плательщик:	
Квитанция	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность»	
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва	
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001	
	Расчетный счет № 40703810138040100906	
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225	
	Корр. Счёт: 30101810400000000225	
	Ф.И.О. и адрес плательщика	
	Вид платежа:	Дата
	Подписка на журнал «Юность»	Сумма
	Плательщик:	